АВАНТЮРЫ РУССКОГО ЦАРИЗМА В БОЛГАРИИ

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ОГИЗ ★ СОЦЭКГИЗ ★ 1935

АВАНТЮРЫ РУССКОГО ЦАРИЗМА В БОЛГАРИИ

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

СОСТАВИТЕЛЬ *П. ПАВЛОВИЧ*

ПРЕДИСЛОВИЕ *В. КОЛАРОВА*

Государственное социально-экономическое издательство
Москва ★ 1935

9(47) доб. 327
A(18) » 9(49)

Книга «Авантюры русского царизма в Болгарии», подготовленная к печати П. Павловичем, содержит неопубликованные материалы царских архивов, раскрывающие содержание и методы русской захватнической политики на Балканах и предательскую политику болгарской буржуазии, шедшей в услужение к российскому царизму. Дела хранятся в Архиве внешней политики.

Статьи дают историческую справку о русской наступательной политике на Балканах с конца XVIII в.

Редактор *Н. Л. Рубинштейн* Техред *В. Мартынюк*

Сдано в производство 16/V-35 г. Подписано в печать 9/XII-35 г. Тираж 7 000 экз. Формат 82×110 1/32. 16 3/4 п. л. 38.720 зн. в п. л. ОГИЗ № 1495. Заказ № 458. Уп. Главлита Б-12796.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига» Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые в этом сборнике документы из царских архивов вскрывают настоящее лицо и действительные мотивы так называемой «освободительной миссии» царской России по отношению к болгарскому народу, получившему национальную полунезависимость в результате русско-турецкой войны 1877/78 г. Создание «независимого» болгарского княжества должно было служить лишь прикрытием и этапом к захвату Россией подступов к Константинополю на западном берегу Черного моря. В течение десяти лет царское правительство развило колоссальную энергию для укрепления своего господства в новообразованном квазинезависимом государстве, пустив в ход все средства азиатско-византийской дипломатии — от массовой коррупции и подкупа политических дельцов и армейских офицеров до организации военных бунтов и государственных переворотов, до вербовки убийц и устранения мешающих его планам государственных деятелей Болгарии. Жуткую, непревзойденную по своему вульгарному цинизму картину вскрывают секретные инструкции и донесения царских министров и дипломатов, чрезвычайных эмиссаров и чиновников, носящие на отцветшей бумаге красочные пометки карандаша монарха. Александр III был в курсе всех преступных затей, планов и подвигов многочисленной своры дипломатов и подпольных агентов. Он все знал, все одобрял. Он посылал лично перед ним отчитывавшихся эмиссаров. Никакого возмущения не вызывали у него извещения о террористических актах и убийствах, носящих неприкрытые следы причастности к ним правительственных агентов. Его «всемилостивейшее» сердце трогали лишь сообщения о неудачах и печальной участи завербованных царскими агентами болгар, на которых взваливался кулак страны, отстаивавшей свою независимость и свободу.

И все же усилия Александра III подчинить себе в той или иной форме Болгарию терпели неудачу за неудачей, пока он не был вынужден признать существующее положение вещей. Крошечный народ отстоял свою государственную независимость против грозных покушений могущественного царя.

Исполнились пророческие слова Карла Маркса в его статьях по восточному вопросу, помещенных в «New York Tribune» от 1853 г.

Если словянское население нынешней Болгарии

> «достигнет когда-нибудь господства в стране... тогда,— писал Маркс, — нет сомненья, что те же потребности, что и в Сербии, вызовут и в его среде антирусскую прогрессивную партию, которая неизбежно зарождалась каждый раз, как только какая-нибудь часть Турции становилась наполовину независимой». (IX, 378).

Действительно экономические и торговые связи с первых дней существования молодого государства создали и в Болгарии сильное западнофильское течение, на базе которого образовалась прогрессивная антирусская партия под водительством Стамбулова. Этой партии удалось поднять прогрессивные силы народа и устоять победоносно против козней и ударов царского правительства.

Поскольку мне известно, советская историческая наука недостаточно осветила политику экспансии царского правительства на Балканах во вторую половину прошлого столетия и причины ее поражения. Это признавал и покойный М. Н. Покровский, давший ценные указания по подбору документов, вошедших в публикуемый сейчас сборник. Хотя эти документы охватывают лишь небольшой исторический отрезок и касаются лишь Болгарии, все же они проливают яркий свет на всю политику царского правительства на Балканах. Они в то же время показывают, какие сокровища лежат в бывших тайниках царских архивов, еще не использованные марксистской исторической наукой.

Печатаемый сборник имеет также огромное значение для полного освещения борьбы прогрессивных общественных классов Болгарии против реакционных и захватнических домогательств царского правительства. Самый важный, решающий этап этой борьбы, начавшейся с первого дня существования современной Болгарии и длившейся вплоть до Октябрьской революции, — это восьмидесятые годы, годы бури и тяжелейших испытаний для болгарского народа. Печатаемые документы охватывают именно этот исторический

период и они лишний раз подтверждают правильность — и с точки зрения международной революции, и с точки зрения развития революционного движения в Болгарии — той позиции непримиримой и ожесточенной борьбы, на которой всегда стояла под руководством Д. Н. Благоева болгарская революционная социал-демократия (нынешняя коммунистическая партия Болгарии) по отношению к русскому царизму и русофильскому политическому суеверию, усердно распространяемому реакционными партиями Болгарии.

Эти документы представляют ценнейший материал для работы над марксистской историей современной Болгарии.

Но они сохранили немаловажное значение и с точки зрения теперешней борьбы против реакции в Болгарии. Ведь они касаются недавнего прошлого страны, ее вчерашнего дня, неразрывно связанного с переживаемым нами историческим периодом. Они безжалостно вскрывают черное, реакционное и предательское прошлое ряда современных политических групп и живых политических деятелей Болгарии, воюющих сейчас на фронте фашистской реакции и конспирирующих вместе с подонками русских белогвардейцев против Советского союза.

Исходя из такой оценки архивных документов, мы с товарищем Г. Димитровым добились разрешения Наркоминдела просмотреть материалы царских архивов, касающиеся Болгарии, с целью их опубликования. Печатаемый сборник является результатом этого почина. Товарищ П. Павлович, на которого нами была возложена задача просмотреть архив и выявить ценнейшие документы, проделал большую, кропотливую и ответственнейшую работу, которая заслуживает всякой похвалы. В этом деле ему всемерно помогали ответственные руководители архива.

Москва, 15 ноября 1935 г.

В. Коларов.

ВВЕДЕНИЕ

РУССКИЙ ЦАРИЗМ И БОЛГАРИЯ В 80-х ГОДАХ XIX в.

Оторванные после русско-турецкой войны (1877/78) от Оттоманской империи болгарские провинции по Берлинскому трактату разделялись на княжество Болгарию, стоявшее в вассальной зависимости от Турции, и восточную Румелию, автономную провинцию под верховной властью султана, возглавляемую генерал-губернатором из христиан. Согласно статьям VI и VII Берлинского трактата Россия в течение 9 месяцев должна была содержать в обеих провинциях войско в количестве 50 тыс. чел. и должна была ввести гражданское управление, выработать проект органического устава (конституции) и созвать великое народное собрание для утверждения конституции и выбора князя на болгарский престол. Этим создавалась возможность использовать пребывание в Болгарии для превращения временной оккупации в постоянную, а самой Болгарии в Задунайскую губернию. Перед царизмом вставал вопрос об овладении Болгарией, но международная обстановка ставила на его пути серьезные затруднения. Овладение Болгарией должно было быть произведено «незаметным образом» и притом так, чтобы это было «осуществлением желаний» самого болгарского народа.

Отсюда с неизбежностью вытекали поиски царизмом нужной ему болгарской «общественности».

С нашествием царских полчищ значительное число турецких помещиков и феодалов, в руках которых находились главные земельные фонды страны, бежало. Их земли были захвачены болгарскими крестьянами.

Это означало решительный удар по феодально-помещичьей собственности, развал феодально-крепостнического

строя и тем самым превращение Болгарии в страну мелкой крестьянской собственности.

Таким образом война вызвала глубокий социально-экономический переворот, расчистивший путь для капиталистического развития страны. Отняв у Болгарии внешние рынки, и прежде всего турецкий и босне-герцеговинский, оставляя ей в наследство старые турецкие торговые договоры с западными государствами (почти свободный ввоз товаров западноевропейских капиталистических стран), война ускорила разложение старого феодального строя в городе и деревне.

Этот процесс разложения сопровождался быстрым ростом кулачества и ростовщичества, усиленной скупкой земель представителями ростовщического капитала в деревне, разорением больших масс ремесленников и пауперизацией крестьянства.

Происшедший переворот в социально-экономических отношениях оказал свое влияние и на политическую борьбу первых лет существования нового княжества. Наиболее многочисленной и политически активной группой являлись теперь мелкая буржуазия городов и масса мелких крестьян-собственников[1]. Экономически подорванные, но политически весьма активные чорбаджи — эти бывшие крупные землевладельцы и представители крупной торговой буржуазии — составляли враждебную крестьянству и городской мелкой буржуазии, а также и зарождающейся промышленной буржуазии общественную силу. Между этими двумя силами непосредственно после освобождения и шла ожесточенная борьба, которая находила свое политическое выражение в борьбе двух партий — либералов и консерваторов. Консерваторы, защищавшие интересы старых крупных землевладельцев, чорбаджиев и ростовщиков, стремившихся к реставрации феодально-крепостнических отношений, стоявшие за неограниченную монархию с аристократическими учреждениями, были партией реакции. Либералы, представ-

[1] *Д. Благоев*, Принос към историята на социализма в България. «Освобождение совершило полный социальный переворот в освобожденных частях Болгарии. Болгария после освобождения стала страной мелкобуржуазного владения и производства, что является исходной точкой и необходимым условием порождения капиталистической формы производства. Мелкая буржуазия и крестьянская масса из мелких хозяйств составляют основной общественный класс. Этот переворот в социально-экономических отношениях и определяет политическую и общественную борьбу первых лет политической жизни Болгарии» (стр. 61).

лявшие на данном этапе не только интересы зарождающейся промышленной буржуазии, но и интересы крестьян и ремесленников в их борьбе против феодально-помещичьей реставрации, отстаивали конституционно-демократические порядки в государстве.

Эта ожесточенная политическая борьба развернулась в условиях русской оккупации, когда царские генералы делали все, что могли, чтобы овладеть Болгарией и превратить ее в Задунайскую губернию. Эксплоатируя распространенные в массах русофильские иллюзии, царизм опирался первоначально прежде всего на реставраторскую партию консерваторов, делая всяческие усилия подчинить своему влиянию и либеральную партию.

Хозяйничание царизма в Болгарии началось после Берлинского конгресса десятимесячным управлением русского императорского комиссара Дундукова, распоряжавшегося в стране самовластно и бесконтрольно. Комиссаром, действовавшим под руководством российского министерства иностранных дел, был представлен проект «органического устава» государственного устройства Болгарии.

В созванном для утверждения представленного проекта болгарском народном собрании проект этот, поддерживавшийся консерваторами, встретил оппозицию со стороны либералов, имевших в собрании громадное большинство. Собрание отвергло русский проект и приняло демократическую, так называемую Тырновскую, конституцию.

Это поражение не остановило однако захватнической деятельности царизма. Возведенный Россией на болгарский престол князь Александр Баттенбергский, племянник Александра II, составил министерство из консерваторов, окружил себя русскими генералами и одного из них, генерала Паренсова, ввел в состав кабинета с портфелем военного министра.

Рассчитывающая больше всего на военную силу, царская Россия стремилась прежде всего сделать своим послушным орудием болгарскую армию. «Болгарская армия, — замечает царский историк русско-болгарских отношений, — не только сохранила свою органическую связь с матерью своею, русской армией, но стала как бы ее составною частью, приняв в свои ряды русских офицеров и унтерофицеров и признав над собой власть военного министра, генерала русской службы, назначаемого царем» [1].

---

[1] *Татищев*, Из прошлого русской дипломатии, СПБ 1890, стр. 361—365.

Так как поддерживавшийся Россией консервативный кабинет не находил никакой поддержки в народном собрании и в массах, царское правительство было вынуждено допустить либералов к власти, одновременно решив нанести свой удар по оппозиции иным путем. Оно использовало затруднения либерального правительства в области финансовой политики (усиление налоговых тягот) и в области международной политики (консервация вопроса о восточной Румелии, конфликтные отношения с Австрией и Турцией), для того чтобы развить в стране бешеную агитацию против либералов. Оно даже обвиняло либералов в организации убийства Александра II.

Вернувшись из Петербурга, куда он ездил на похороны царя, Александр Баттенбергский при поддержке генерала Эрнрота, преемника Паренсова, уволил 27/IV 1881 г. либеральных министров, распустил палату и приостановил действие конституции. При поддержке того же Эрнрота Александр составил правительство из консерваторов и русских генералов, заменил либеральную милицию жандармерией (драгунией) и при ее участии организовал новые выборы в народное собрание. Народное собрание нового созыва предоставило Баттенбергу неограниченные полномочия на 7 лет. Тырновская конституция была таким образом похоронена. Реставраторская политика консерваторов торжествовала победу. Победу торжествовало и царское правительство, перед которым открывались широкие возможности распоряжаться внутренними делами Болгарии.

Перспективы, вырисовывавшиеся перед царизмом в связи с государственным переворотом 1881 г., оказались обманчивыми. Недаром еще в 1853 г. Маркс указывал на то, что «в каждом государстве на Балканском полуострове, которое сумело вполне или отчасти сделаться независимым, сейчас же развивалась сильная антирусская партия».

«И если это имело место тогда, когда русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого угнетения, чего же мы можем ожидать, когда исчезнет страх этого угнетения» [1].

Хотя реставрационная политика консерваторов восторжествовала, хотя было введено цензовое начало на выборах, ограничена свобода слова и свобода собраний и либералы подверглись репрессиям, все это однако не было прочным, консерваторы не смогли стать надежной опорой ца-

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Собр. соч., т. IX, стр. 394.

ризма, скоро перестал быть такой опорой даже сам Баттенберг. Экономическое тяготение Болгарии к Западу и прежде всего к австро-венгерскому рынку не могло не создавать предпосылок к усилению австрийского влияния в стране. Та опора, на которой царизм строил свои расчеты в Болгарии, сразу зашаталась, наткнувшись на выдвинутый жизнью острый железнодорожный вопрос.

Ставшая на путь капиталистического развития страна нуждалась в железнодорожном строительстве, прежде всего в том, чтобы связать прилегающие к Черному морю центрально-земледельческие районы Болгарии с Западом.

Этого требовали интересы болгарского вывоза, этого требовали и интересы болгарского ввоза, который шел именно с Запада. Между тем царская Россия выдвинула свой проект постройки железной дороги, которая должна была связать центр Болгарии с русской железнодорожной сетью. Хотя осуществление русского проекта стоило гораздо дороже, чем осуществление западного[1], хотя в проведении дороги в северном направлении не было для Болгарии никакой экономической необходимости, царское правительство послало в Болгарию на соискание железнодорожных концессий своих подрядчиков — генерала Струве, Полякова, Губонина — и упорно настаивало на принятии болгарским правительством своего, северного, проекта. Настаивало оно на этом потому, что это северное направление было нужно ему по соображениям стратегическим, для создания возможности быстрой переброски русских войск на Балканах. В железнодорожном вопросе царизм обнаружил всю военно-феодальную сущность своей политики в Болгарии. Железнодорожная политика царизма вызвала ожесточенное сопротивление со стороны болгарской буржуазии.

В это время лидер либеральной партии Каравелов бежал в восточную Румелию, где стал издавать газету «Независимость», развернувшую страстную кампанию против притязаний России. К этому же времени относится заявление другого лидера либералов, Цанкова: «Нам не надо ни русского меда, ни русского жала». Русская политика в железнодорожном вопросе не только вызвала взрыв негодования в широких народных слоях и ожесточила против себя либералов, но оттолкнула от России и консерваторов, не же-

---

[1] По русскому проекту постройка обошлась бы в 42 млн. франков, по западному — в 18 млн. франков. См. «Русская старина», 1896 г., октябрь, стр. 726, прим. 94.

лавших выпускать из своих рук выгодное дело железнодорожного строительства и железнодорожных поставок. А вместе с консерваторами в железнодорожном вопросе пошел и Баттенберг.

Царскому правительству пришлось констатировать, что последний уходит из-под его влияния, «изменяет» царской России.

Царское правительство теряло почву под ногами в Болгарии. У него оставались только его собственные генералы, которые были уже в постоянном конфликте с болгарскими министрами. В конце 1882 г. генерал русской службы Соболев, министр внутренних дел, он же председатель совета министров, уволил в отставку болгарских министров — Стоилова, Грекова и Начевича. В поданной на имя князя записке уволенные министры, члены консервативной партии, говорили уже о том, что Россия хочет обратить Болгарию в подобие Туркестана, и даже указывали на необходимость борьбы с царскими генералами.

Царское правительство, которому становились больше не нужны ни Баттенберг, ни консерваторы, стало готовить свержение князя.

В марте 1883 г., когда Баттенберг отправился в Петербург на коронацию Александра III, Соболев правил в Болгарии единолично. Чтобы подвести под русское влияние некоторую материальную базу, он проводил в это время признание Болгарией долга России за оккупацию, определив этот долг в сумме 25 млн. франков. Он пытался одновременно перевести в одно из русских кредитных учреждений десятимиллионный запасный фонд княжества.

Александр Баттенбергский со своей стороны принимал меры к предотвращению удара; он сблизился с либералами. В сентябре 1883 г. была восстановлена Тырновская конституция. Князь вошел в соглашение с либералами и передал им власть (кабинет Цанкова). В стране был провозглашен лозунг «Болгария для болгар». Русские генералы покинули Болгарию. Но в болгарской армии остался еще русский офицерский состав. За Россией осталось также право назначения военного министра.

Баттенберг однако только ждал случая, чтобы подчинить болгарскую армию непосредственно себе, оставив военному министру лишь административно-хозяйственные функции. Русские офицеры низводились до положения наемных инструкторов. Консерваторов как политической партии больше не существовало — эта партия исчезла с тех пор, как поте-

ряла поддержку царского правительства. Какой-либо серьезной реальной опорой в стране царизм больше не располагал, русская оккупация Болгарии фактически кончилась. Но царизм не утратил еще надежд вернуть потерянные позиции.

Царь рассчитывал достигнуть этого при поддержке Бисмарка, который после кратковременной размолвки с царем в 1879 г. снова ставил ставку на вовлечение России в ближневосточные дела. Соглашение трех императоров в 1881 г. предусматривало соединение с Болгарией восточной Румелии. Этот пункт был включен по настоянию царя, который надеялся тогда создать из Болгарии «большую планету в системе России»[1]. К середине 80-х годов, когда «дружба» между Софией и Петербургом охладела настолько, что софийский правитель трактовался как прямой «изменник» интересам России, Александр III уже всячески мешал делу соединения, которое должно было привести к усилению могущества князя. Но руководство событиями стало выпадать из рук царя.

Существование двух Болгарий, разделенных между собою таможенной стеной, являлось помехой экономическому развитию. В условиях возраставшего малоземелья, в условиях потери Болгарией внешних рынков вопрос о воссоединении болгарских земель становился одним из основных пунктов программы идеологов болгарского национального движения, он становился насущным делом развития болгарской буржуазии. Князь Александр Баттенбергский шел в этом вопросе вместе с буржуазными националистами. 6/IX 1855 г. Филиппополь объединился с Софией. Английский посланник в Константинополе Вильям Уайт оказал болгарскому правительству серьезную поддержку. Турция молча приняла факт отторжения. Царизм снова приходил в столкновение со своим исконным антагонистом — Англией.

На признание Англией соединения Болгарии с Румелией Александр III ответил отозванием всех своих офицеров из Болгарии. Совместно с Австрией и Германией он потребовал разрешения вопроса на конференции послов в Константинополе; последняя собралась в первых числах ноября.

Однако бисмарковская Германия вела осторожную линию в балканских делах, стараясь использовать англо-французские противоречия и сохранить добрососедские отношения с Англией. Александр III попрежнему не находил деятельного

---

[1] «Московские ведомости», 1882 г.

союзника в болгарских делах. Приходилось рассчитывать на свои собственные силы и использовать все то, что еще можно было среди болгарской «общественности».

***

Еще в 1884 г., когда либералы стали у власти и с санкции русского дипломатического агента Ионина был образован кабинет Цанкова, этому кабинету, по словам того же Ионина, «русское правительство имело все основания доверять»[1]. Так как для царской России было важно, чтобы вопрос о низвержении Баттенберга был официально возбужден болгарским правительством, Цанков, идя навстречу царскому правительству, тогда же обратился к Ионину с конфиденциальным запросом: «В какой степени было бы удобно совершенно удалить князя из Болгарии или же не согласится императорское министерство оказать свое содействие осуществлению финансовой комбинации, при помощи коей оказалось бы может быть возможным заставить князя изменить свое отношение к болгарскому кабинету»[2]. Комбинация эта заключалась в выдаче князю ссуды в 2 млн. франков.

Царским правительством без колебаний был принят первый вариант. Цанков стал проводить его в жизнь. Кабинет Цанкова стал подсобным аппаратом российского министерства иностранных дел. Тогда же из царской казны полились широкой струей денежные пособия болгарским общественным деятелям «для проведения взглядов царского правительства на болгарские дела»[3]. Стали создаваться печатные органы, находившиеся в полном распоряжении русского дипломатического агента в Софии. Цанков и его приверженцы выступают в качестве агентов царизма по созданию Задунайской губернии.

К концу 1884 г. недовольство политикой Цанкова со стороны либеральной буржуазии, которая опиралась на поддержку верхних слоев мелкой буржуазии, привело к образованию министерства Каравелова. Это не было простой сменой лиц. Раскол либеральной партии на цанковистов и каравелистов был симптомом диференциации, происходив-

---

[1] Архив внешней политики, д. 924/1884, стр. 118. Телеграмма Ионина от 9/XI 1884 г.

[2] Там же, стр. 114.

[3] Там же, стр. 101. См. в настоящем сборнике раздел V.

шей в рядах либералов в результате роста и консолидации сил богатеющей торговой буржуазии. Цанковисты стояли за изменение конституции в консервативном духе, они заняли место консерваторов, исчезнувших с политической сцены, и боролись с городской мелкой буржуазией и крестьянством, интересы которых выражала теперь отколовшаяся от них буржуазная партия каравелистов.

К концу 1885 г. царскому правительству удалось окончательно привязать к себе цанковистов: «на первый раз» предложили Цанкову «10—12 тыс. франков в виде личного вспомоществования» (№ 4). За Цанковым к денежному мешку потянулись Бурмов и Балабанов. От имени этого «тройственного союза» русскому дипломатическому агенту в Болгарии была подана записка с «клятвенными обещаниями» действовать «согласно с видами императорского правительства». Затем министерство иностранных дел стало выдавать им по 40 тыс. руб. в год. Триумвиры со своей стороны обязались проводить в Болгарии русофильскую агитацию и во всем отчитываться перед русским дипломатическим ведомством (№ 9).

Как ни незначительна была вновь открытая и завербованная царизмом болгарская «общественность», в условиях момента царизму приходилось очень ценить ее.

Попытка царизма побудить Турцию к активным действиям против объединительной политики Баттенберга не увенчалась успехом. Не удалась царизму также ставка на панэллинские настроения греческой буржуазии, стремившейся получить от Турции территориальные компенсации в пользу Греции. Сербо-болгарская война, возникшая в связи с требованиями территориальных компенсаций, предъявленными сербской буржуазией к Болгарии, закончилась победоносно для болгар.

Царизм становился раздражительным потому, что именно в это время начиналось экономическое оживление юга России и в русских промышленных и торговых кругах появились разговоры о перемещении центра промышленной жизни с севера на юг. «По-моему, — не без раздражения писал в эту пору Александр III начальнику генерального штаба Обручеву, — у нас должна быть одна главная цель: это занятие Константинополя, чтобы раз навсегда утвердиться в проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках. Это в интересах России, и это должно быть наше стремление; все остальное, происходящее на Балканском полуострове, для нас второстепенно. Довольно популярни-

чать в ущерб интересам России. Славяне должны теперь сослужить службу России, а не мы им»[1].

Александр Баттенбергский «сослужить службу России» больше не мог — его нужно было срочно убрать. Страну, охваченную «анархической антирусской пропагандой» (№ 3), где «ни на одного болгарина полагаться невозможно» (№ 2), нельзя было оставлять в старом положении. Между тем примеры Египта, Туниса и Боснии были «перед глазами Европы». Они подсказывали, что самый лучший исход — оккупация княжества, назначение русского генерал-губернатора и введение в Болгарии русских законов. «Нет сомнения, — заключал царь, — что момент наступил решительно действовать в Болгарии и покончить со всеми этими вопросами» (№ 3).

Русский военный агент в Болгарии Сахаров при помощи подкупленных азиатским департаментом цанковистов, начальника военной школы в Софии майора Груева, заместителя военного министра Бендерова, капитана Радко-Дмитриева и др. подготовлял свержение, донося о всех своих мероприятиях начальнику генерального штаба Обручеву (№ 11). В ночь на 9/VIII вооруженные заговорщики проникли во дворец и заставили князя отречься от престола. Заговорщики едва ли чувствовали себя слишком уверенно: князю было спешно выдано 55 тыс. франков, и под конвоем он был отправлен на румынский берег в Рени.

Временное правительство, составленное из знакомых нам русофилов, умоляло царя оказать Болгарии военную помощь и денежную поддержку. Казалось победа была совсем близко. Но счастье снова не далось царизму. На политической сцене вырастает фигура Стамбулова, председателя народного собрания, представителя идущей к власти молодой торговой и промышленной буржуазии.

Не просуществовав и трех дней, временное правительство пало. Начались аресты причастных к восстанию лиц (№ 13, 14, 15).

Еще в марте 1886 г. официальные «Московские ведомости» писали: «Единственное решение настоящего кризиса представляется в форме оккупации Болгарии. В Болгарии нужен не дипломатический представитель при незаконном правительстве, а комиссар с диктаторскими правами на год или на два»[2]. Царское правительство имело в виду при-

[1] Письмо Александра III от 12/IX 1885 г. См. «Историк-марксист», 1934 г., № 3, *А. Быков.* От Босфора к Тихому океану, стр. 13.

[2] «Московские ведомости» от 29/III 1886 г.

урочить к моменту свержения Баттенберга посылку в Болгарию князя Долгорукова с полномочиями наместника и полковника Веймарна в качестве военного министра. 12/VIII Гирс в своей докладной записке просил царя ускорить их отправку. Но на следующий же день от русского посланника в Константинополе пришло предупреждение — «приостановить отправку Долгорукова ввиду начавшихся беспорядков в стране» [1].

***

С утверждением у власти регентства Стамбулова, взявшего твердый и определенный курс на Запад и поддерживавшегося западными государствами, задачи, стоявшие перед царизмом, осложнились еще в большей степени. Позиция западноевропейских держав, и в первую голову Англии, попрежнему и даже еще сильнее, чем прежде, мешала оккупационным планам царизма. Бисмарковский проект раздела Болгарии между Россией и Австрией встречал решительный отпор со стороны последней, обнадеженной ростом своего безраздельного экономического и политического влияния в стране. Намечающемуся франко-русскому сближению противопоставлялась консолидация сил Тройственного союза. Италия готовилась выступить в качестве активного международного фактора, дружественного Болгарии. По вопросу сохранения status quo в Средиземном море Англия временно становится почти участницей Тройственного союза. В такой обстановке царизм сделал еще одну попытку «открытого действия» в Болгарии. В Софию для восстановления русского влияния поехал генерал-майор русской службы Каульбарс, брат бывшего военного министра Болгарии. Его первой задачей было освобождение заговорщиков, арестованных после контрпереворота; не приходится пояснять, что арестованные были царизму очень нужны. Его второй задачей было добиться отсрочки выборов народного собрания, которое должно было избрать нового правителя. Этой отсрочки царизму нужно было добиться потому, что его кандидат князь Мингрельский встречал решительное противодействие со стороны Англии, отсутствие же правительства само по себе создавало предлог для русской оккупации. Генерал предпринял по стране агитационную поездку, имея в виду мобилизовать и организовать недовольные элементы, спровоцировать бунты и восстания. Царские консульские

[1] Архив внешней политики, П. А., д. 242/1886, стр. 3—16.

агенты действовали в том же направлении, инсценируя при помощи винных запасов русофильские манифестации.

Так как добиться отсрочки выборов Каульбарсу не удалось, он провел кампанию с целью опорочить их результаты. Ему удалось собрать кое-какие подписи на заранее заготовленном тексте протеста, после чего от имени русского правительства он заранее объявил выборы незаконными, а все те решения, какие могло принять в будущем народное собрание, не имеющими никакого значения.

Царский консул в Видине вел агитацию среди офицеров шумлинского гарнизона. От уполномоченных от офицерства ему удалось получить заверения в «готовности присоединиться к требованиям императорского правительства и признать нынешнее правительство незаконным». Генерал Каульбарс потребовал из Петербурга денежный перевод на 100 тыс. левов на предмет «содержания гарнизона до назначения нового правительства». Он готов был дать даже больше, чем требовали от него офицеры шумлинского гарнизона: он объявлял, что войскам, которые «явно присоединяются к требованиям императорского правительства, будут оказаны всевозможные поощрения»[1].

Однако, встретив глухую стену противодействия со стороны болгарских народных масс и организованный отпор со стороны всех держав, включая и Германию, царское правительство отозвало Каульбарса из Болгарии. Уходя из Болгарии, оно попыталось еще договориться с Турцией об изменении состава болгарского регентства.

Но и в этой последней попытке царизм потерпел неудачу.

***

Разрывая дипломатически с Болгарией, демонстративно предоставляя ее «самой себе», царизм однако ни на минуту не оставлял своих старых целей овладения ею. Происходила лишь смена методов овладения. Он пытается теперь проникнуть в Болгарию путем организации местных заговоров. Открывается новая бурная, кровавая страница в истории царской политики в Болгарии. Ее открыл еще Каульбарс во время своего пребывания в Болгарии, организовав в октябре 1886 г. в Бургасе восстание под руководством капитана русской службы Набокова.

---

[1] *Карцев*, Семь лет на Ближнем Востоке, СПБ 1906 стр. 322; также *С. Радев*, Строители социализма современной Болгарии, София, стр. 345—375.

Товарищ министра иностранных дел Ламсдорф в своем дневнике под 5/XII 1886 г. записал: «Зиновьев возлагает все свои надежды на проблематическое движение, которым, как он надеется, в скором времени может быть опрокинуто регентство»[1]. Что имел в виду директор азиатского департамента, когда он говорил Ламсдорфу о «движении» в Болгарии, на этот вопрос отвечает помета, сделанная царем на одном из прибывших из Константинополя донесений: «Одна надежда на движение военных эмигрантов, а все остальное вздор»[2]. В другой помете, относящейся к тому же времени, царь приходил к заключению: «Все это убеждает меня все более и более, что нам нужно поддерживать военное движение материально и деньгами, и только это средство поможет. Все прочие соглашения и переговоры с партиями — вздор и чепуха и ничего не изменят»[3].

Это «движение» старались поддерживать оружием и деньгами. Руководство движением взяли в свои руки. Пока в Константинополе заседала созванная царизмом для отвода глаз конференция представителей болгарского правительства и болгарской оппозиции во главе с Цанковым, конференция, имевшая целью «мирное разрешение болгарского кризиса», офицеры-эмигранты Груев и Бендерев посетили Петербург, получили инструкции в министерстве иностранных дел и затем направились в Бухарест. Там печатаются нелегальные воззвания, русский посланник Хитрово собирает руководящие силы, составляется диспозиция для действий будущих инсургентов; наконец оттуда подается сигнал. Под руководством царской дипломатии создаются эмигрантские комитеты в Бухаресте, в Константинополе, а в 1887 г. — Центральный эмигрантский комитет во главе с Цанковым. В Одессе, как бы в резерве, концентрируются эмигрантские силы. Силистрия, Рущук, Румелия в середине февраля 1887 г. заливаются кровью. Но попытка низвержения регентства силами эмигрантов кончилась неудачей. Восстание было подавлено.

Неудачей царизма воспользовалась болгарская буржуазия, которая провела на вакантный престол ставленника Австрии принца Фердинанда Кобургского. С избранием Фердинанда болгарский кризис достигает максимального обострения.

---

[1] «Дневник Ламсдорфа», стр. 7.
[2] Там же, стр. 52, запись от 14/I 1887 г.
[3] Там же, стр. 54, запись от 15/I 1887 г.

Царское правительство продолжало держать курс на Задунайскую губернию. В июле 1887 г. оно объявило Фердинанда «вне всякого закона» и своим агентам на Балканах предписало «оказывать содействие лицам благонадежным, изъявившим готовность принять деятельное участие в удалении принца Кобургского из Болгарии» (№ 63). Всякую мысль о каком-либо новом кандидате на болгарский престол царизм теперь оставил: «княжество может управляться под верховным правлением его величества государя императора и высочайше назначенного наместника» (№ 71). Он строил планы усиления болгарской армии русскими частями, формирования в Болгарии офицерского состава исключительно из русских. Рост претензий и планов царизма оказывается как бы обратно пропорциональным реальным возможностям. Шансы на укрепление русского влияния в стране с каждым днем падали.

В практической работе по организации восстаний царизму приходилось опираться на авантюристические и на совсем мало «надежные» офицерские элементы из числа бывших приверженцев Баттенберга (заговор майора Паницы в декабре 1887 г.). Возлагалась надежда на пробирающегося через границу с несколькими десятками черносотенцев капитана русской службы Набокова (№ 86—91). Ставилась ставка на предприимчивость и инициативу вооружившегося динамитными патронами и едущего из Одессы в Софию для совершения террористического акта купца Новикова (№ 9—10). Строились расчеты на усиление деятельности ни больше, ни меньше, как простых «разбойничьих шаек» (№ 100).

Эмигрантское «движение» между тем явно разлагалось: эмигрантские верхи превращались в пенсионеров азиатского департамента, эмигрантские низы самотеком, неорганизованно стремились к возвращению на родину. Царизм пытался бороться с распадом «движения», принимая меры к укреплению и оформлению оппозиционного течения внутри страны.

Еще в октябре 1887 г. в Бухарест и далее в Константинополь был командирован со специальной миссией видный чиновник азиатского департамента Гартвиг. Его миссия заключалась не только в ознакомлении с состоянием болгарских эмигрантов, боеспособность которых стала внушать царскому правительству серьезные опасения. Он должен был внести согласованность в действия эмиграции, с одной стороны, и оппозиционных сил внутри страны, с другой. Он должен был также укрепить согласованность действий Хи-

трово в Бухаресте и Нелидова в Константинополе и увязать работу их обоих с работой Драгана Цанкова.

Особенное значение придавалось теперь работе Цанкова, который выступал как центральная фигура всей эмиграции и всех оппозиционных сил к утвердившейся власти внутри страны. Цанков принял участие в организации экспедиции Набокова. Он поддерживал террористическое предприятие Новикова. Он создал конспиративный аппарат, действовавший в пограничных пунктах Болгарии. Царская дипломатия высоко ценила роль и значение Цанкова: выдававшееся ему с давних пор «пособие» значительно выросло. По плану Цанкова, для поднятия восстания в западной Болгарии необходимо было создать вспомогательную базу на территории Сербии.

Гартвиг пошел навстречу планам Цанкова и добился от сербского правительства согласия на предоставление болгарским эмигрантам возможности развернуть свою деятельность на сербской территории. Изучавший вопрос об организации восстания во всей его полноте, Гартвиг ходатайствовал перед министерством о выдаче Цанкову нужных сумм для восстания. Совместно с Цанковым Гартвиг вел переговоры с деятелями эмиграции и оппозиции, совместно с ним распределял между ними роли на время будущего восстания (№ 80). Гартвиг оставался оптимистом в вопросе о конечных результатах эмигрантского «движения». Однако еще в декабре 1887 г. он предупреждал относительно вредного действия мелких и частых восстаний, во что с неизбежностью выливалось эмигрантское «движение» в целом (№ 82).

Однако к началу 1889 г. безрезультатность инсуррекционных попыток стала настолько очевидна, что даже министерство иностранных дел стало терять значительную долю своего былого энтузиазма в болгарских делах. Это относилось прежде всего к вопросу об организации восстаний. «Всякие частные попытки и вспомоществования по мелочам, — писал Хитрово в Бухаресте 22/VI 1889 г., — представляют собою лишь совершенно непроизводительную трату денег и деятельность совершенно бесполезную».

***

Теряя надежды на эмигрантское «движение», правительство ориентируется на рост недовольства внутри страны. Оно занято теперь «изысканием средств поднятия духа и составления оппозиции» (№ 159—160). Связующим звеном с этой

внутренней оппозицией служил попрежнему Цанков. Он же должен был играть роль ее организующего начала. Не размениваясь «по мелочам», царизм устраивает через Цанкова центральному комитету народной партии заем в 1 млн. франков. Центральный комитет давал при этом обязательство провести на престол русского кандидата.

Одновременно министерство иностранных дел субсидировало впрочем и партию Каравелова, поддерживая и в ней оппозиционный дух (№ 168).

Кладя центр тяжести своей политики на организацию сил внутри страны, правительство, разумеется, не отказывалось от того, чтобы в нужный момент поддержать также и эмигрантов. В 1889 г. в Одессе из болгарских эмигрантов формируется «главная группа действия», отправляющаяся в ноябре 1891 г. в Болгарию для активной работы по свержению правительства Фердинанда. Боясь испортить вконец свою достаточно испорченную репутацию, царское правительство в лице директора азиатского департамента Зиновьева инструктировало Путяту: «(Мы) не ограничиваемся благотворительностью, помогая болгарским эмигрантам, но не даем советов и не желаем нести ответственности» [1].

Не отказывалось правительство и от поддержки индивидуальных террористических актов, коль скоро представлялась возможность ударить этим оружием по правительству Фердинанда. Не отказывалось оно от этого тем более потому, что формальной ответственности в этой области было легче всего избежать.

Еще в марте 1887 г. русское консульство в Рущуке организовало покушение на жизнь одного из видных деятелей стамбуловской партии Мантова, сыгравшего крупную роль в подавлении февральского восстания. А русской миссией в Бухаресте была организована защита Мантова на суде.

В сентябре 1888 г. азиатский департамент подготовил покушение на жизнь министра иностранных дел Начевича. Одесский генерал-губернатор «оказался вполне расположенным сделать все, дозволяемое законом, для свободного и спокойного пребывания» покушавшегося в Одессе.

В марте 1891 г. при участии агентов царского правительства был убит министр финансов Бельчев. Убийцы скрылись в Сербии и оттуда на русском пароходе благополучно прибыли в Одессу.

В феврале 1892 г. при поддержке Цанкова царское пра-

[1] Телеграмма от 15/XI 1891 г.

вительство организовало убийство болгарского полномочного министра в Константинополе Волковича. Убийцы получили приют в той же гостеприимной Одессе, и сам царь принял живейшее участие в их дальнейшей судьбе.

Продолжая избранный ею путь, крепостническая власть еще только плотнее закрывалась своим заговорщическим плащом, чтобы мир не видел лица виновника кровавых преступлений. Роль плаща, которым прикрывал царизм свою авантюристическую политику в Болгарии, должны были сыграть представители той общественной группы, идейные предки которой и раньше имели своим назначением создавать идеологическое прикрытие для царской агрессии на Ближнем Востоке. Председатели славянских комитетов выступают теперь не в качестве пламенных проповедников славянской идеи, не в качестве агитаторов за дело помощи «братьям-славянам». На них возлагается миссия непосредственной и ничем не прикрытой помощи текущей практической политике азиатского департамента.

Когда Гартвиг разрабатывал совместно с Цанковым свой большой план организованных инсуррекционных действий эмиграции и внутренней оппозиции, в разработке этого плана ближайшее участие принимал председатель одесского славянского благотворительного общества Кривцов. Кривцов был посредствующим звеном в сношениях министерства иностранных дел с оппозицией.

Кривцову вверялись азиатским департаментом денежные суммы «на известные предприятия эмиграции». Кривцов руководил действиями, четко формулировавшимися на границах Болгарии (№ 84, 85). Он же подготовлял восстание капитана Набокова.

Ближайшее участие в организации восстания Набокова принимал и председатель петербургского славянского благотворительного общества граф Игнатьев, ходатайствовавший перед министерством об отпуске ружей и боевых припасов для экспедиции (№ 86). Тот же Игнатьев был причастен к организации убийства Волковича.

Недаром министерство иностранных дел после убийства боялось, чтобы не были раскрыты «все секреты Ризова, Кривцова и графа Игнатьева» (№ 137). Когда убийцы Бельчева Ризов и Нажаров были захвачены на территории Румынии и им угрожала опасность быть выданными болгарским властям, министерством была дана директива всем русским агентам в Румынии и Сербии, а также Кривцову немедленно выручить их из беды. И недаром после смерти

Кривцова агент министерства иностранных дел в Одессе Путята поспешил опечатать и взять в свое распоряжение всю оставшуюся после него переписку (№ 108).

Открыто от своего имени организовывать восстания против соседней, хотя и недружественной, державы, тем более что все эти предприятия были связаны с риском неудачи, официально брать под свое покровительство жертвы инсценированных восстаний, выступать официально в качестве укрывателя подосланных им убийц — все это царизм считал для себя делом неудобным и политически нецелесообразным. Все это должно было стать делом «общественной благотворительности», делом славянских благотворительных обществ. В условиях той подпольной заговорщической работы, какую вело царское министерство иностранных дел в Болгарии, славянские общества призывались к подставной роли передатчиков министерских директив руководителям эмигрантского движения, к роли передатчиков оружия и денежных сумм заговорщикам, к роли организаторов банд и укрывателей террористов.

«Чем менее остается у нас надежды на покаяние софийского правительства,—рассуждал один из эпигонов славянофильства в начале 1890 г., — тем беспощаднее следует нам обращаться с ним, и за временной невозможностью наносить ему более чувствительные удары бить его по крайней мере по карману». Славянофильский публицист предлагал взыскать с Болгарии платежи по долгу за последние четыре года. «Сентиментальность так же мало уместна в политике, как и в торговом деле», — добавлял он при этом [1].

От старой фразеологии славянофильства у эпигонов его не оставалось и следа. Славянские общества превратились в простые придатки азиатского департамента министерства иностранных дел.

***

Таким образом, скатываясь постепенно к системе политических убийств и разбойничьих банд, царизм всей своей деятельностью в Болгарии давал яркий образчик авантюристической захватнической политики, шедшей к неизбежному краху.

П. Павлович

---

[1] «Русский вестник», февраль 1890 г., стр. 336—351.

АВАНТЮРЫ РУССКОГО ЦАРИЗМА В БОЛГАРИИ ПО ДОКУМЕНТАМ ЦАРСКИХ АРХИВОВ

I

НИЗВЕРЖЕНИЕ ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БАТТЕНБЕРГСКОГО

К началу 1885 г. в Болгарии стало у власти либеральное министерство Каравелова, пришедшее на смену предыдущему кабинету Цанкова. Влияние царской России в Болгарии неуклонно падало. Ставленник России болгарский князь Александр Баттенбергский проводил политику западной ориентации, в глазах царского правительства становился «изменником» интересам России. Для укрепления своего влияния в стране царское правительство приняло решение свергнуть с престола Александра Баттенбергского, заменив его другим, более приемлемым для царизма лицом. В своей борьбе с Баттенбергом царское правительство опиралось на партию цанковистов и «привязало» к себе Цанкова «материальными выгодами». Одновременно оно подкупило наиболее видных сторонников Цанкова — Бурмова и Балабанова. Подкупленный «триумвират» подписал клятвенное обещание «держаться в своей деятельности направления, согласного с видами императорского правительства». После присоединения к Болгарии Восточной Румелии, усилившего престиж Баттенберга, вопрос об его низвержении приобрел для царизма особую остроту.

Царская Россия пыталась побудить к выступлению против Болгарии греков и даже турок. Русский военный агент в Софии подготовлял низвержение. При слабости русского влияния в стране низвержение могло произойти только путем дворцового переворота. Сам царь не был уверен в успехе. «Боюсь, что ничего путного из этого не выйдет», — гласит его помета. Дворцовый переворот был произведен 9/VIII 1886 г., но ставшему у власти временному правительству Цанкова удалось продержаться лишь 3 дня. Контрпереворот, произведенный партией промышленной буржуазии во главе со Стамбуловым, разрушил планы царизма.

№ 1 Выписка[1] из письма дипломатического агента в Софии директору азиатского департамента Зиновьеву

30/18 января 1885 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Пользуюсь отъездом в Варну полковника Арсеньева, чтобы попросить его сдать там на русский пароход мою сегод-

[1] Выписка сделана составителем.

няшнюю экспедицию. Вы увидите из нее, что на так называемых праздниках у меня не было почти ни одного дня, в который на мою голову не свалилась бы какая-либо черепица. Самой неприятной была для меня бесспорно неожиданная любезность со мной князя, обратившегося ко мне за советом и помощью. Отказать в них — значило подтвердить газетные известия и его внутреннее убеждение в нашем желании видеть его вне Болгарии, т. е. поставить вопрос ребром. Сделать это без специального разрешения министерства я не счел себя вправе, не зная, своевременен ли для нас в настоящее время кризис. Кроме того я не доверяю энергии Каравелова и его уменью привести к желаемому результату раз начатое дело. Поднимать же шум по пустякам я признал вредным. Лучше, по моему мнению, сохранить имеющееся в руках оружие до более благоприятного момента, когда решение будет принято, все будет готово и кандидат подыскан, с тем чтобы дело могло быть окончено недели в две. Иначе можно опасаться хаоса. Наиболее благоразумный болгарин, больной Стамбулов, полагает, что от князя можно отделаться только силой, т. е. арестовав его и выпроводив с конвоем за пределы княжества; к этому он присовокупляет, что на время междуцарствия власть должна находиться в крепких и сильных руках какого-нибудь диктатора. Но кто употребит эту силу против князя и кто явится диктатором, — вот вопросы, на которые ответы может дать только Петербург, так как армия в наших руках, а кандидатов в диктаторы среди болгар нет. Впрочем это не более[1] как личное мнение Стамбулова, который, ко всеобщему прискорбию, едва ли оправится от чахотки. Остальные болгары еще не пришли к этому заключению и питают себя иллюзиями, что могут сами справиться с своими делами. Нужно повидимому дать им еще некоторое время похозяйничать. Потом они, нужно надеяться, сами увидят, что путного ничего создать не могут, и последуют мудрому примеру древних новгородцев.

Примите и пр.

А. Коянде р.

---

[1] На полях против слов «Впрочем это не более...» до конца абзаца отчеркнуто карандашом.

№ 2. Выписка[1] из письма дипломатического агента в Софии директору азиатского департамента Зиновьеву

19/7 июня 1885 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Пользуюсь отъездом в Петербург Завадского, чтобы в нескольких словах ознакомить вас с последними событиями в Софии. Утешительного сообщить вам не могу ничего. Напротив, я должен сегодня признаться, что с каждым днем все более и более теряю надежду добиться чего-либо от болгар. Кроме обманов, недоверия и нелюбви к России я к сожалению не вижу здесь ничего, по крайней мере в среде здешней интеллигенции, заправляющей судьбами хорошего и в сущности симпатичного народа.

В письме Николаю Карловичу[2] от 20/8 мая[3] я дал отчет о моих стараниях примирить Каравелова с Цанковым ввиду необходимости, по моему мнению, для Болгарии удаления отсюда князя Александра. Усилия мои в этом направлении оказались тщетными вследствие недоверия, которое питают болгары один к другому и особенно к желаниям и намерениям России. Немедленно же после первого свидания этих двух лиц у меня Каравелов начал уклоняться от всяких разговоров со мной по этому поводу. Не желая показывать ему, что России было бы выгодно избавиться от князя, я также воздерживался от намеков на происшедшее, но должен был, по требованию Цанкова, раз или два завести с министром-президентом речь об интересовавшем нас вопросе. Каравелов отделывался общими фразами и обращал мое внимание на то, что Цанков в своем органе не переставал враждебно относиться как к депутатам народного собрания вообще, так и к членам настоящего министерства в особенности. На замечание мое, что и орган Каравелова не щадит цанковистов, министр-президент дал мне обещание прекратить нападки на них, если они подадут тому пример. Вследствие этого Цанков, по моему настоянию, изменил тон своей газеты. Но Каравелов, вместо того чтобы исполнить данное

---

[1] Выписка сделана составителем.

[2] Н. К. Гирс.

[3] В этом письме Кояндер сообщил о состоявшемся у него свидании Каравелова и Цанкова. Передавая свой разговор с ними по вопросу об отношении России к князю Александру, Кояндер писал Гирсу, что повторил им о своей готовности «ходатайствовать о прощении князя Александра, если они (Цанков и Каравелов) заявят мне, что он нужен... Болгарии и что они довольны его управлением. Кояндер добавил, что он не счел себя вправе скрыть от них то, что Россия едва ли может искренно желать объединения Болгарии под скипетром столь враждебного ей князя».

мне обещание, воспользовался помещенными в органе Цанкова нападками и насмешками над князем, чтобы выступить в своей газете защитником последнего и поссорить окончательно Цанкова с его высочеством. Этот поступок Каравелова тем более возмутил меня, что он воспользовался мной, чтобы достигнуть этой своей цели. Сознавая неблаговидность своего образа действий, Каравелов прекратил посещения свои агентства[1], куда прежде этого он являлся через день, а в трудные для него минуты — даже по три раза в день. Я конечно не сделал ни шагу, чтобы вновь с ним сблизиться, и в конце концов он третьего дня явился ко мне, так как сообразил, что ему было бы крайне невыгодно лишиться поддержки России, которую он хотя и ненавидит, но которой все-таки боится.

К сожалению из всей этой истории я вынес глубокое убеждение, что нам ни на одного болгарина полагаться невозможно и что кроме обмана и лжи от них ожидать ничего нельзя. Из моих предыдущих писем вам известно, что и Цанков, и Каравелов, и Стамбулов в разговорах со мной настоятельно указывали на невозможность жить с князем Александром и как бы ожидали только дозволения России, чтобы приступить к его удалению. Между тем теперь эти же самые господа толкуют о необходимости поддержать князя против России.

После шестилетнего существования самостоятельной Болгарии едва ли может остаться какое-либо сомнение в неспособности местных элементов создать что-нибудь прочное или просто путное. Развращать нравственно народ вожаки его умеют, и я боюсь, что они успевают в этом. Но далее этого их искусство не идет. Найти в самом себе средства для борьбы с вредными элементами болгары едва ли в состоянии, так как в среде так называемой интеллигенции страны нет достаточно здоровых сил, чтобы противостоять деморализующим началам, которые вводит в княжество слишком широкая свобода, сразу предоставленная полуграмотным дикарям, которых чужеземное иго приучило к тому же к обманам и двуличности и в мнении которых слово «честность» составляет синоним «глупости». Без посторонней помощи они, по моему убеждению, не обойдутся, а откуда и в какой форме она придет к ним, если мы будем продолжать воздерживаться, предугадать трудно.

Таковы неутешительные заключения, к которым я пришел после пятнадцатимесячного моего здесь пребывания и

[1] Так в оригинале.

которые я пока совершенно частным образом считаю долгом сообщить вам, глубокоуважаемый Иван Алексеевич. В моих глазах, положение серьезно, и я не считаю себя вправе скрыть это от вас. Какие средства были бы наиболее целесообразны для его поправления — решать не мне. Но средства нужны энергичные, ибо паллиативы едва ли помогут. Будь князь честный и порядочный человек — выход не представлял бы затруднений. Установить и поддержать здесь его сильную власть, приняв на себя даже ответственность перед так называемым общественным мнением страны, было бы делом нетрудным. Но предпринять это было бы возможно лишь при условии уверенности, что эта власть принесет стране пользу, а не вред, и что поддержанный нами князь будет вполне и исключительно руководствоваться нашими указаниями. При настоящих условиях это немыслимо. Так как посылка сюда русского генерал-губернатора также дело едва ли возможное, то, мне кажется, остается одно средство — это заставить самих болгар обратиться к нам за помощью и за спасением. Все, что здесь происходит, является возможным только вследствие присутствия в Болгарии русских офицеров, гарантирующих внутренний порядок в стране. Без них здесь вероятно в самый короткий промежуток времени дошли бы до полной анархии, для избавления от которой болгары вероятно опять обратились бы к нам. Средство это конечно очень рискованное и может повести к осложнениям или к результату, противоположному тому, который мы ожидаем. Но, повторяю, без принятия радикальных мер мы все равно рискуем потерять Болгарию в очень недалеком будущем[1].

Примите и пр.

А. Кояндер.

№ 3. Выписка[2] из письма дипломатического агента в Софии товарищу министра иностранных дел Влангали

16/4 августа 1885 г.

Глубокоуважаемый Александр Егорович,

Сегодня князь Кантакузин имел с князем Александром

[1] Слова «Все, что здесь происходит...» до конца абзаца подчеркнуты карандашом.

[2] Выписка сделана составителем.

разговор, о котором считаю нелишним наскоро дать отчет вашему превосходительству.

Заговорив о теперешнем положении дел в Болгарии, князь спросил военного министра, каким оно представляется ему, на что князь Кантакузин не мог ему не ответить, что, по его мнению, дела идут весьма плохо: в прессе и в школе открыто проповедуются социализм и атеизм; в армии и народе идет усиленная антирусская и анархическая пропаганда. При подобных условиях пребывание в Болгарии для всякого порядочного человека является обузой, и военный министр сознался его высочеству, что ни один из постов, которые он занимал до настоящего времени, не казался ему столь тяжелым, как нынешний.

Князь Александр воспользовался этими словами, чтобы вновь высказать своему собеседнику сетования на невыносимое положение, в которое ставит его холодность к нему государя императора. «В Болгарии,— сказал князь,— есть две силы: Россия и я, и они должны действовать в согласии. При этом условии все здешние деятели вроде Каравелова, Цанкова, Стоилова и прочих не значат ничего. Без совместного же действия России и князя на сцену выступают их мелкие страстишки и честолюбия, которые неминуемо ведут страну к анархии. Ни России, ни мне ни на одну из так называемых партий положиться нет никакой возможности; они обманывают нас и эксплоатируют наше взаимное недоверие и наши неприязненные отношения. Я вполне сознаю, что подобное положение долее продолжаться не может: нужно или чтобы меня пустили в Петербург, или чтобы я ушел из Болгарии. Эту дилемму я поставил проездом через Вену князю Лобанову, который дал мне честное слово доложить наш разговор государю императору. Я еду 12-го числа на маневры в Австрию. Главная цель моего путешествия — встретиться с князем Лобановым, который даст мне наконец категорический ответ».

Позволю себе высказать по поводу этого разговора несколько собственных соображений.

Самым лучшим исходом была бы наша оккупация княжества и назначение сюда русского генерал-губернатора с введением в Болгарии наших законов. Возможно или нет подобное радикальное средство, судить не мне, хотя примеры Египта, Туниса и Боснии и находятся перед глазами Европы.

Вторым исходом было бы удаление отсюда князя Александра и замена его человеком, вполне нам преданным и

ни в каком случае не каким-либо проходимцем вроде Алеко-паши, о чем кажется мечтает Каравелов. Перемена династии может быть сделана только по нашей инициативе, ибо я убедился, что от болгар ожидать в этом направлении нечего. Князь должен быть вызван в Россию, где ему следует категорически объявить волю государя, чтобы он в Болгарию не возвращался, и предложить денег. Новый князь должен начать с уничтожения, с нашей помощью, разного рода «свобод»: прессы, митингов и т. п. Для управления страной ему необходимо будет придать несколько дельных и добросовестных лиц, ибо, пользуясь одними местными элементами, он не в состоянии будет ничего сделать.

Третьим исходом является примирение с настоящим князем на известных условиях, например составления русского министерства под главенством князя Кантакузина, приостановки действия конституции и т. д. Чтобы вернее держать его в руках, можно выдавать ему добавочное содержание из оккупационного фонда. Здесь я должен высказать мнение, что оставаться с ним в настоящих отношениях немыслимо. Нужно или удалить его, или сблизиться с ним. Теперь мы бесполезно его раздражаем, нисколько ему не вредим, а между тем все более и более восстановляем против себя этот важнейший после России в Болгарии фактор.

Наконец четвертый исход — это вызов отсюда агента и офицеров в случае, если сами болгары не исполнят того, что мы считаем необходимым для их блага, т. е. ограничения поименованных «свобод», уничтожения разных «прав», которые дает конституция, с оставлением лишь народу контроля над финансами. Наше удаление отсюда поведет вероятно к анархии, а в конце концов и к иноземной оккупации, австрийской, румынской, турецкой... или нашей...

Из всех этих представляющихся мне возможными комбинаций наиболее легкая, но зато и самая рискованная с точки зрения достижения желаемого результата — это примирение с князем. Не мне судить, возможна ли она, но делаемая им теперь попытка, повидимому последняя, представляла бы случай сделать это без особенного ущерба нашему достоинству[1].

Примите и пр.

А. Коянде р.

---

[1] На подлиннике опубликованного документа помета рукой Александра III: «Нет сомнения, что момент наступил решительно действовать в Болгарии и покончить со всеми этими вопросами».

№ 4. Письмо дипломатического агента в Софии директору азиатского департамента Зиновьеву

Петербург, 29/17 декабря 1885 г.

М. г., Иван Алексеевич,

Перед самым отъездом моим из Софии Драган Цанков поверил мне, что материальное положение его крайне тяжело, что за последние полтора года он жил исключительно на деньги, которые давали ему взаймы его друзья и приверженцы, что в настоящее время этот источник вполне иссяк и что он не имеет никаких средств к дальнейшему существованию. Ввиду подобной крайности он вынужден обратиться к императорскому правительству с ходатайством об оказании ему денежного вспомоществования.

Вашему превосходительству известна роль, которую играл Цанков в истории возрождения болгарской национальности, и влияние, которым он пользовался в среде болгар в первые годы существования полунезависимого княжества. Хотя значение его и уменьшилось как вследствие его собственных ошибок, так и вследствие интриг его политических противников, однако весьма легко может случиться, что при борьбе партий, которая несомненно возгорится по окончании переживаемого теперь Болгарией кризиса, Цанков снова приобретет себе популярность и влияние, эксплоатируя недовольство, которое возбудили в народе тяжелые военные реквизиции, восстановляющие население против настоящего правительства. Если принять во внимание, с другой стороны, что с присоединением к княжеству Восточной Румелии в Болгарии несомненно усилятся элементы, враждебные Каравелову, — так как по всем признакам большинство румелийского населения далеко не сочувствует крайним тенденциям настоящего болгарского министра-президента,—то можно ожидать, что факт соединения усилит партию Цанкова и укрепит его положение. В прежнее время Цанков действовал в смысле отстранения нашего вмешательства во внутренние дела Болгарии, ибо видел в нас силу, на которую исключительно опирался ненавистный ему князь Александр. Тем не менее Цанков всегда полагал, что Болгария должна находиться в сфере влияния России и опираться исключительно на нее, так как без поддержки с нашей стороны болгарская народность, по его мнению, существовать пока не может. В последнее время он открыто стоял за наше вмешательство и не скрывал, что видит единственное спасение страны в установлении в ней, хотя бы временно, русского

управления. Враждебные чувства, которые проявили относительно нас князь Александр и его теперешние министры, несомненно дают в руки Цанкову орудие для агитации в среде народа против существующего в княжестве порядка вещей. Этим положением дел мы могли воспользоваться, для того чтобы, не выдвигаясь вперед, через посредство самих болгар дискредитировать в глазах страны наших врагов и тем способствовать к скорейшему их удалению от власти. Для этого нам следовало бы снабжать Цанкова необходимыми для ведения агитации денежными средствами, которые получить он может только от нас.

Принимая в соображение пользу, которую мы можем извлечь для наших собственных интересов, привязав к себе Цанкова материальными выгодами, я позволяю себе подкрепить его ходатайство об оказании ему денежной помощи из сумм оккупационного фонда. На первый раз в виде личного вспомоществования ему следовало бы выдать от 10 до 12 тысяч франков. Впоследствии его можно было бы также снабжать и средствами, необходимыми для ведения борьбы с его политическими противниками, которые в настоящее время являются и нашими самыми опасными врагами. Расходование в сущности крайне незначительной части имеющихся в нашем распоряжении сумм упомянутого фонда на подобного рода предметы могло бы, по моему мнению, принести значительную долю пользы нашему положению и нашим интересам в Болгарии.

Примите и пр.

А. Кояндер.

№ 5. Телеграмма дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу

5 января 1886 г./25 декабря 1885 г.

Намереваясь издавать газету, коей цель была бы разъяснять, насколько настоящее антирусское направление в Болгарии противоречит народным интересам и пагубно отзовется на ее будущности, причем насколько возможно не прибегалось бы к нападкам на правительство и другие партии, — Драган Цанков, Балабанов и Бурмов полагают необходимою поездку последнего в Россию для сбора пожертвований на издание такой газеты и на борьбу другими средствами с антирусским здесь направлением. Но так как ввиду начинающих более и более обнаруживаться благоприятных условий для такой пропаганды желательно было бы осно-

вать подобную газету возможно скорее, то Цанков просит секретно оказать ему единовременную правительственную субсидию в шесть тысяч франков, так чтобы, не дожидаясь собранных Бурмовым денег, он мог начать издание газеты с 1 января[1].

[Богданов.]

№ 6. *Телеграмма министра иностранных дел дипломатическому агенту в Софии Богданову.*

7 января 1886 г./26 декабря 1885 г.

Получил телеграмму от [5 января] 24 [декабря][2].

Весьма секретно. Во внимание к стесненному личному положению Драгана Цанкова и его предположению издавать газету государю императору угодно было разрешить выдать ему из оккупационных сумм двенадцать тысяч франков.

Гирс.

№ 7. *Телеграмма дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу*

17/5 апреля 1886 г.

Решив продолжать издание газеты «Средец», Цанков намерен заменить название ее названием «Сан-Стефанская Болгария» — обозначение, что она есть орган народнолиберальной партии, утратило всякое значение в Болгарии.

Цанков желал бы знать предварительно выпуска газеты с новым именем мнение на этот счет императорского правительства, отзыва коего он может ждать до 9 апреля, когда должен появиться первый номер новой газеты[3].

Богданов.

---

[1] На подлиннике помета рукой Александра III: «Ему уже дано 12 000 фр.».

[2] См. № 5.

[3] В ответ на публикуемую телеграмму Зиновьев 18/6 апреля сообщал Богданову: «Признаем неудобным, чтобы газета выходила под названием «Сан-Стефанская Болгария», следует придумать другое». На подлиннике этой телеграммы имеется помета карандашом рукой Гирса: «Его величество изволил найти ответ совершенно правильным».

№ 8. Депеша[1] *дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу*

17/5 апреля 1886 г.

Милостивый государь, Николай Карлович,

Я имел честь получить весьма секретную инструкцию вашего превосходительства от [2 апреля] 21 минувшего марта за № 55[2], которой вы благоволили предписать мне выдавать гг. Бурмову, Цанкову и Балабанову из болгарского оккупационного фонда по 40 тысяч франков в год, начиная с [13] 1 января сего года, на издание газеты с целью разъяснения болгарам их истинных интересов и на агитацию среди народа в том же смысле, и не премину в точности сообразоваться с приказанием вашего высокопревосходительства принять все меры к тому, чтобы пособие это строго хранилось в тайне.

Следуя заключающемуся в названной инструкции указанию, я привлек особенное внимание трех болгарских общественных деятелей на то, что газета, которую они основывают, не должна уклоняться от взглядов императорского правительства на настоящее положение дел в Болгарии и на будущность страны этой и не должна сделаться проводником исключительно партийных интересов, которые были бы несовместимы с нашими целями. К наблюдению за тем, чтобы газета эта оставалась верна предначертанной ей задаче, я не оставлю употребить все усилия свои.

В виде гарантии того, что эти три лица будут строго держаться в своей деятельности направления, согласного с видами императорского правительства, гг. Цанков и Балабанов письменно заявили на подписанной г. Бурмовым копии с поданной им императорскому министерству по вышесказанному предмету докладной записки[3], что они вполне принимают и одобряют все в ней изложенное как верное и точное выражение их собственных чувств и убеждений. Кроме того все три лица подписали на этой записке клятвенное обещание, что они точно будут сообразоваться со сказанным в ней и строго будут придерживаться изложенной в ней программы, будут ли они в оппозиции или у власти. Они поклялись также, что будут всегда единодушно действовать

---

[1] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[2] Имеется в виду письмо Гирса от 2 апреля/21 марта за № 55, в основном изложенное публикуемым в тексте документом.

[3] Докладная записка, упомянутая в тексте публикуемого документа, в деле отсутствует.

по этой программе, по взаимном между собой совещании, и что никто из них никогда не позволит себе какое-либо отдельное действие, не посоветовавшись с другими своими союзниками и не получив их одобрения и согласия, и также будут ли они у власти или в оппозиции. В заключение они дали клятву, что останутся неизменно верными этому тройственному союзу во всевозможных случаях.

Вышеозначенная копия с докладной записки с изложенным клятвенным обещанием хранится в императорском дипломатическом агентстве.

Что касается способов расходования отпускаемого гг. Бурмову, Цанкову и Балабанову императорским правительством пособия, а также отчетности по оному, то между ними и мною последовало соглашение в таком смысле, что следующая им сумма будет в начале каждой четверти года передаваема императорским дипломатическим агентством г. Бурмову, который будет исполнять должность казначея тройственного союза, что ни один расход не может быть произведен без согласия всех членов союза и что отчеты в расходовании получаемых ими сумм будут ежегодно представляться за подписью всех трех императорскому дипломатическому агентству.

Основанная гг. Бурмовым, Цанковым и Балабановым газета, которой они дали название «Светлина», составляет как бы продолжение издававшегося Цанковым органа его партии «Средец». От участия в редактировании новой газеты устранились прежние сотрудники Цанкова, и редакционный комитет ее состоит исключительно из трех названных лиц.

Примите и пр.

П. Богданов.

№ 9. Выписка[1] из донесения генерального консула в Филиппополе министру иностранных дел Гирсу

31/19 мая 1886 г.

М. г., Николай Карлович,

Я имел высокую честь получить собственноручное письмо вашего высокопревосходительства из Ливадии[2].

Насколько я мог убедиться из долговременных наблюдений и разговоров с лицами, принадлежащими к различным политическим партиям в Румелии, отношение болгар к кня-

---

[1] Выписка сделана составителем.

[2] Упомянутое в тексте публикуемого документа письмо Гирса в деле отсутствует.

зю Александру и положение дел представляются в настоящее время следующими.

Лично князь Александр приверженцев не имеет за исключением войска и незначительной части политической партии консерваторов. Масса же народа относится к нему безразлично. Собственно такие же чувства питают к князю и оказывающие в настоящее время самую энергичную ему поддержку радикалы и партия Каравелова. Последняя впрочем заметно стала сдержаннее в деле отстаивания его высочества, но продолжает итти рука об руку с приверженцами Захария Стоянова ввиду лишь предстоящих выборов.

Главные стимулы такой защиты — не личные качества принца Баттенбергского, не сознание его полезности для болгарского народа, а национальное движение. Те же причины, которые вызвали румелийский переворот, руководят и теперь защитников[1] князя Александра. В настоящее время представляется более чем вероятным, что переворот [18] 6 сентября[2] не был хорошо обставлен политической комбинацией и исключительно обязан своим происхождением толкам о поднявшемся в княжестве династическом вопросе. Этим предположением объясняются как необдуманное участие князя Александра в деле провозглашения объединения Болгарии, так и непонятные страстные нападки правительственных органов печати и руководителей движения против посягательства России на самостоятельность и национальную независимость Болгарии.

Члены оппозиции, в тайне желающие русской оккупации Болгарии и считающие ее неизбежной, полагают, что лучшим средством, чтобы дискредитировать князя Александра в глазах населения и сделать его управление невозможным в Румелии и даже Болгарии, был бы протест со стороны Турции или другой европейской державы против созыва румелийских депутатов в Софийское народное собрание или какой-либо акт, который показал бы населению, что объединение не достигнуто. Такой акт вызвал бы неминуемо общее восстание в области, но практических результатов, ввиду приверженности к князю войска, кроме замешательства по созданию самих представителей оппозиции трудно было бы ожидать.

Но несмотря на кажущийся успех князя Александра в деле объединения Болгарии, ненормальные отношения в

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Имеется в виду переворот от 18/6 сентября 1885 г., присоединение Восточной Румелии к Болгарии.

России дают себя чувствовать. Народ, невзирая на отсутствие организации в его руководителях, невзирая на произвольные аресты, ссылки, шайки наемных палочников, открыто высказывает посредством митингов, демонстраций и восстаний, что считает только то правительство действительно народным, которое идет рука об руку с Россией. Там же, где вопрос был поставлен: «Князь или Россия», селяне не призадумались с орудием в руках и ценой нескольких десятков жизней показать, на чьей стороне находятся их симпатии.

Чтобы спасти Болгарию от хаотического политического состояния, по мнению самих же болгар, существуют три средства: предоставление населению самому убедиться в непригодности его государственного строя, что конечно не может пройти без потрясений и многочисленных жертв, прощение государем императором князя Александра при изменении конституции и наконец русская оккупация [1].

Примите и пр.

И. Игельстром.

№ 10. Записка [2], составленная послом в Константинополе Нелидовым

10 июля/28 июня 1886 г.

При определении политики, которой нам надлежит держаться относительно Болгарии, следует прежде всего иметь в виду два обстоятельства:

Во-первых, невозможность [3] для нас иметь доверие к князю Александру и возвратить ему прежнее благоволение в том даже случае, если бы болгарское правительство и вступило на путь, согласный с нашими желаниями; и

Во-вторых, личное положение, созданное себе князем в Болгарии посредством интриг и при помощи армии и министерства, вследствие чего свержение его может произойти только в силу внутреннего переворота. Всякое же участие или давление извне может лишь сплотить еще более враж-

[1] Весь последний абзац отчеркнут карандашом. Против слов: «чтобы спасти Болгарию» рукой Александра III написано: «Что неизбежно и необходимо», против слов «прощение государем...» им же написано: «Не желаю».

[2] На записке помета рукой Александра III: «Одобрить эту программу безусловно».

[3] Слова «Во-первых невозможность...» до конца абзаца отчеркнуты красным карандашом, рукой Александра III написано: «Безусловно».

дебные нам элементы и укрепить при помощи других иностранных влияний нынешнее антирусское правительство.

Принимая во внимание, что вместе с тем мы не можем вполне отказаться от симпатий наших к болгарскому народу и перестать сочувственно относиться к его политическим стремлениям, нами же самими вызванным, казалось бы целесообразным руководствоваться в сношениях наших с болгарами, Портою и другими христианскими населениями Востока следующими положениями:

1. Относиться к князю Александру и министерству Каравелова совершенно безучастно, заявляя при всех случаях, что они не внушают нам никакого доверия и действия их как по отношению к Болгарии, так и к великим державам заслуживают порицания [1].

2. Объяснить болгарскому народу и вожакам оппозиции, что, сохраняя неизменным сочувствие наше к судьбам болгарского племени, мы со времени Румелийского переворота должны относиться к ним с большею против прежнего осторожностью и отнюдь не можем принимать в их развитии деятельного участия до тех пор, пока во главе Края стоит князь и правительство нам враждебное; но что мы не желаем [2] также и вмешиваться во внутренние дела, поддерживать ту или другую партию и способствовать переворотам в том или другом смысле. Это дело самих болгар, если они сознают, в какую сторону влекут собственные их интересы.

3. Предписать нашим агентам наблюдать в сношениях с князем Александром строжайшую осторожность, не оказывая ему ни особой предусмотрительности, ни слишком явной враждебности, так как та и другая равно возвышают его значение, а последняя служит ему предлогом для выставления себя жертвою нашей ненависти и для приобретения тем поддержки Запада.

4. Относительно Турции, раз заявив о нарушении князем условий состоявшегося между державами соглашения, не настаивать более на этом вопросе, предоставляя почин в дальнейших мерах самой Порте и ставя ей при случае на вид (как это и было уже сделано), что она более других заинтересована в соблюдении трактатов. Мы же, постоянно относясь с сочувствием к приобретаемым христианским населением выгодам, не намерены становиться стражами турец-

---

[1] Против пункта1-го на полях рукой Александра III написано: «Д».

[2] Слова «но что мы не желаем также и вмешиваться...» до конца пункта 2-го отчеркнуты. На полях рукой Александра III написано: «В таком случае нам надо поддерживать оппозицию и их орган».

кого владычества, и если Порта сама своих прав не отстаивает по отношению к болгарам, не можем требовать более строгого их сохранения другими христианскими народностями, населяющими турецкую империю.

5. Убедившись в несостоятельности болгарского элемента, которого передовые люди, наподобие сербским, способны отшатнуться от России и искать поддержки и союза у ее врагов, — не преследовать во что бы то ни стало дальнейшего разрешения болгарского вопроса в смысле создания Великой Болгарии, а предоставить его последовательное развитие политическим нуждам, которые могут представиться при возможном столкновении нашем с Турциею или при замешательствах на Балканском полуострове. Вопрос о судьбе Македонии, не предрешенный нами, может тогда стать в наших руках весьма ценным орудием для приобретения содействия той или другой народности, ибо все они будут обязаны искать для достижения своих целей нашей поддержки и покровительства.

6. Пользуясь благоприятным впечатлением, произведенным нашим участием в последнем кризисе на греков, стараться приблизить к себе сочувствие эллинского элемента, весьма важного для нас как в видах возможного действия в будущем в Архипелаге, так и преобладающего влияния, принадлежащего греческому населению в Константинополе и на всем турецком побережье Средиземного моря.

При сем следует однако не изменять явным и резким образом наших отношений к грекам и славянам, дабы не вызвать, с одной стороны, обвинений в оставлении нами славянских интересов, а с другой — не дать греческим заправилам повода слишком живо поднять антиславянскую агитацию и тем — или скомпрометировать себя и нас, или, снова изменив нам, продать себя за более дорогую цену нашим врагам, и в особенности Англии.

Надо ждать, что греческие передовые люди и преимущественно Трикупис будут стараться заручиться нашими обещаниями по отношению к будущему разделу Македонии. Мы можем согласиться не поддерживать долее болгарской пропаганды в южной части Македонии, изъявив намерение в данную минуту справедливо и беспристрастно взвесить взаимные права и требования соприкасающихся там народностей; но лишь под условием[1], что и греческая аги-

[1] Слово «но лишь под условием...» до конца документа отчеркнуты. На полях рукой Александра III написано: «Совершенно одобрено».

тация против славян прекратится, греческая передовая печать станет к нам относиться сначала менее враждебно, а затем и сочувственно, — и что нравственное влияние греческих правящих сфер будет направлено к обеспечению чисто русских интересов на Востоке и к благоприятному разрешению интересующих нас там церковных вопросов, — в сношениях наших с Вселенскою патриархиею и в находящихся на очереди делах наших афонских монастырей. Прямого же воздействия греческого правительства на эти дела и вопросы следовало бы тщательно избегать, сохраняя неприкосновенным принцип непосредственных сношений наших с церковными властями и учреждениями Востока вне всякого чужого вмешательства.

А. Нелидов.

№ 11. Телеграмма[1] *дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу*

8 августа/27 июля 1886 г.
Весьма секретно.

Участники заговора, направленного к свержению князя, намерены произвести переворот посредством 2-го пешего полка, которым должен быть замещен стоящий здесь преданный князю 1-й пеший полк. Последний должен быть отправлен к Сливнице под предлогом возведения укреплений на сербской границе. В необходимости укреплений стараются убедить князя и правительство доставлением ложных известий об усилившихся приготовлениях сербов к войне. Доклад о необходимости принять такие меры будет представлен князю 29 июля. Если доклад будет одобрен, то прибытие 2-го полка можно ожидать 1 августа.

Момент считается заговорщиками благоприятным ввиду отсутствия из Софии почти всех преданных князю высших офицеров.

Если переворот удастся, то для обеспечения от сербов и турок немедленно будет объявлена мобилизация, для чего потребуются деньги и патроны, в которых ощущается большой недостаток, в этом случае возлагается надежда на помощь России.

Сахаров просит сообщить изложенное Обручеву.

Богданов.

---

[1] На подлиннике помета Александра III: «Боюсь, что ничего путного из этого не выйдет».

№ 12. Телеграмма дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу

10 августа/29 июля 1886 г.
Весьма секретно.

Сегодня князь изъявил согласие на отправление к сербской границе двух дружин 1-го полка, которые выступят завтра утром. Здесь остается наименее преданная князю дружина. 2-й полк прибудет в Софию 1 августа. Князь сам на-днях собирается выехать к Сливнице для осмотра позиций. Захват князя предполагается произвести или до отъезда его на позиции или по возвращении в Софию. По свержении князя предполагается учредить из всех партий временное правительство, которое обратится к императорскому правительству с ходатайством признать совершившийся факт и немедленно прислать императорского комиссара и офицеров для принятия частей. Временное правительство будет просить о назначении комиссаром одного из наипопулярнейших в Болгарии генералов — Игнатьева или Дундукова.

Сахаров просит передать предыдущее Обручеву.

Богданов.

№ 13. Телеграмма дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу

21/9 августа 1886 г.

Сегодня в 3½ часа утра войсками и народом свергнут князь, который подписал отречение. Князь с братом увезен в монастырь. Кровопролития не было. Телеграммы иностранцев не пропускаются.

Богданов.

№ 14. Телеграмма дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу

21/9 августа 1886 г.

Временное правительство составлено. Председатель — митрополит Климент; члены: Драган Цанков, Бурмов, Христо-Стоянов, Радославов, Величков и майор Никифоров; главнокомандующий майор Груев.

Временное правительство умоляет государя императора принять болгарский народ под свою защиту и покровительство. Оно особенно ходатайствует об обеспечении границ Северной и Южной Болгарии от неприятельского нашествия.

Оно просит советов и указаний по вопросу об осуществлении полного соединения обеих Болгарий.

Кассы пусты; поэтому правительство просит оказать ему заимообразно денежную помощь; пока можно предоставить в его распоряжение оккупационный фонд свыше миллиона франков.

Крайне желательно избежать мобилизации, так как она несомненно вызовет внутренние осложнения.

Переворот был вначале встречен народом и войсками радостно. Но вследствие замедления в образовании временного правительства появилось брожение. Военное положение объявлено. В ночь князя отправляют за границу. Я взял на себя выдать 55 000 франков, необходимых на отправку князя и другие, связанные с ней расходы.

Сильная и немедленная поддержка императорского правительства спасет это положение.

Communique copies Constantinople es Philippople[1].

Богданов.

№ 15. Выписка из рапорта[2] военного агента в Софии начальнику главного штаба Обручеву

12 сентября/31 августа 1886 г.

Телеграфические донесения мои вашему превосходительству через азиатский департамент остановились на том, что войска, предназначавшиеся для производства переворота, отказались от участия в нем из-за опасения русской оккупации. Вожаки переворота после некоторого размышления решились обмануть колеблющихся в том смысле, что они заручились обещанием России не оккупировать Болгарию, благодаря чему и склонили на свою сторону войска.

Переворот последовал в ночь с [20] 8 на [21] 9 августа для меня совершенно неожиданно, так как после [17] 4 августа[3] я не имел случая видеть вожаков переворота и полагал дело расстроившимся.

Переворот, совершившийся вполне успешно, был скомпрометирован вследствие интриг небольшой кучки княжеской партии и председателя народного собрания Стамбулова, который испугался, что партия его будет оттерта от власти. В войсках их поддержали участники Филиппопольского переворота, ввиду того что при князе им было гораздо выгоднее служить, чем при других обстоятельствах.

---

[1] Сообщаю копии в Константинополь и Филиппополь.

[2] Выписка, сделанная в Мин-стве иностр. дел, препровождена Гирсу военным министром отношением от 24/12 сентября за № 94.

[3] Так в подлиннике.

Таким образом, подняв войска, присягнувшие уже временному правительству, против переворота и пользуясь тем, что все чиновники принадлежали к партии Стамбулова, сей последний провозгласил себя регентом князя и начал делать от его имени распоряжения, приглашая в то же время князя возвратиться в Болгарию. Временное правительство оказалось бессильным справиться с движением потому, что, с одной стороны, не решалось прибегнуть к крутым мерам, а с другой — потому что не имело в провинциях органов для передачи своих распоряжений, почему и должно было пасть.

Попытка Каравелова исправить дело, скомпрометированное его партией со Стамбуловым во главе, потерпела неудачу.

Прибытие войск в Софию из Восточной Румелии и появление князя в Рущуке побудило войска переворота отойти к Кюстендилю, с тем чтобы держаться возможно долее в надежде на выручку из России. С появлением князя в Болгарии начался террор и огульные аресты. Вожаки переворота почти все захвачены.

Долгом считаю довести, что по моему убеждению офицерский состав болгарской армии стал безусловно негоден для дальнейшей службы в Болгарии. Как офицеры войск переворота, так и офицеры войск реакции совершенно одного достоинства. Первые даже предпочтительнее, потому что они руководились известной идеей, ради которой рисковали жизнью, и во время успеха отличались сдержанностью, вторые же были просто игралищем в руках партии, составленной из людей самой низкой нравственности, и которые проявили себя всякого рода безобразиями и излишествами. Офицеры — вожаки переворота все прекрасные люди и вполне преданные нам; вожаки же реакции есть те самые Николаевы и Муткуровы, которые устраивали переворот в Филиппополе и, понятно, заинтересованные в сохранении своего выдающегося положения при князе.

Вследствие всего этого правительством и руководителями войск принято решение произвести под насильственным давлением выборы таких депутатов в великое народное собрание, которые выбрали бы князем снова Александра Баттенбергского. Если эта клика не развалится до начала выборов, то нет сомнения, что замысел их будет иметь успех, так как масса здесь крайне труслива и не посмеет отстаивать убеждений. О солдатах ничего сказать нельзя, они окончательно потерялись и исполняют приказания того, кто громче кричит.

Сахаров.

II
МИССИЯ ГЕНЕРАЛА КАУЛЬБАРСА

Совершив контрпереворот, новое болгарское правительство (регентство Стамбулова) стало чинить расправу над участниками неудавшегося заговора. В Болгарии почва окончательно уходила из-под ног царского правительства. Тогда царское правительство отправило в Болгарию в качестве своего комиссара генерала Каульбарса. После неудачной попытки добиться непосредственно от регентства согласия на отсрочку выборов в народное собрание и на освобождение арестованных по делу о перевороте, Каульбарс предпринял агитационную поездку по стране и развернул кампанию среди гражданского населения и в войсках, направленную к срыву выборов. Одновременно в Тырнове, Шумле, Рущуке, Сливнах подготовлялось восстание.

Вожди оппозиции (цанковистский «триумвират») подали Каульбарсу заявление с просьбой об оккупации, которая мыслилась в форме высадки русской бригады в Варне и замены болгарского офицерского состава русским. Главным препятствием к осуществлению этого плана являлась позиция, занятая в болгарском вопросе западноевропейскими державами. Не добившись ничего, Каульбарс покинул Болгарию. Из Болгарии был отозван также весь русский консульский состав (ноябрь 1886 г.). Подготовляя восстание внутри страны, царское правительство для маскировки своих действий одновременно созывало в Константинополе конференцию представителей болгарского правительства и болгарской оппозиции для переговоров по вопросу об организации власти.

№ 16. Выписка из донесения исполняющего обязанности дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу[1]

20/8 сентября 1886 г.

Милостивый государь, Николай Карлович,

Мы не должны заблуждаться относительно состава и средств преданной нам охранительной партии в стране...

Но к несчастью «оппозиция» не представляет народа и имеет на него менее влияния, нежели остальные партии.

И вот члены оппозиции приходят в императорское агент-

[1] Выписка сделана составителем. Неклюдов был в Софии временным представителем царского правительства.

ство и говорят: «Постарайтесь освободить из-под стражи преданных вам офицеров и вожаков нашей партии; пришлите сюда хоть два полка вашего храброго войска и затем мы с русским комиссаром — представителем царя — сумеем обуздать наших и ваших противников». И эту «сказку про белого бычка» я слышу ежедневно.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 17. Выписка[1] *из донесения исполняющего обязанности дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу*

20/8 сентября 1886 г.

Милостивый государь, Николай Карлович,

Вопрос об участи офицеров участников переворота до сих пор остался в неопределенном положении...

Я находился до сего в полной неизвестности относительно хода дела, почему и не имел никакой возможности охранять участников переворота от расправы со стороны настоящих правителей...

Слух о приезде генерала Каульбарса побудил их еще более торопиться исполнением задуманного предприятия. [18] 6 сентября я был извещен о посылке повозок в Радомир для перевозки офицеров и о намерении правительства судить Груева и Бендерева в Тырнове. Я немедленно решился принять самые энергичные меры для того, чтобы отдалить срок суда над обвиняемыми, и крайне осчастливлен теми инструкциями, которыми ваше высочество сочло возможным снабдить меня....

Кризис, возбужденный моим заявлением, в полном разгаре, но участь обвиняемых обеспечена по крайней мере настолько, насколько нынешнее правительство опасается открытого с нами разрыва.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 18. Телеграмма[2] *военного комиссара российского правительства в Софии министру иностранных дел Гирсу*

20/8 сентября 1886 г.

Испрашиваю соизволения вашего величества, если бы на то понадобилось, объехать Болгарию и Румелию. Глубоко

[1] Выписка сделана составителем.

[2] На подлиннике имеется помета рукой Александра III: «Совершенно согласен на это и даже необходимо».

убежден, что мое внезапное появление в провинции и прямое обращение к народу успокоит умы и предупредит всякие затруднения.

Каульбарс.

№ 19. Выписка[1] из донесения исполняющего обязанности дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу

24/12 сентября 1886 г.

Милостивый государь, Николай Карлович,

Секретными телеграммами моими от [19]/7 и [21]/9 сего месяца я имел честь представить вашему высокопревосходительству различные оборотные вопросы о суде над офицерами — участниками переворота[2] [21]/9 августа.

Положа руку на сердце, мы не можем отрицать известной солидарности нашей с делом сих офицеров. Они сделали то, что говорило им сознание опасности, навлекаемой на их отечество поступками одной личности; они исполнили то, что подсказывали им все русское общественное мнение, вся русская печать; на что указывала им, думали они, еще более высокая, более могущественная рука в лице русского представительства — гражданского и военного в крае...

Познакомившись из секретных архивов дипломатического агентства с тем участием, которое выпало нам на долю в щекотливом деле августовского переворота, я твердо считаю лишь одно — это, что всеми средствами, не запрещенными мне свыше, я воспрепятствую всякому бесповоротному решению нынешних правителей относительно судьбы Груева, Бендерева и других главнейших участников события [21]/9 августа.

Впрочем не одно лишь это соображение чисто нравственного свойства побуждало меня к подобной решимости...

Я имел также основание опасаться по отношению к офицерам переворота всякого опрометчивого и всякого злонамеренного шага правителей, подстрекаемых к тому некоторыми иностранными агентами и внушениями, исходящими от бывшего князя. Доходившие до меня за последние дни сведения подтверждают эти подозрения.

Примите и пр.

Неклюдов.

---

[1] Выписка сделана составителем.
[2] См. выписку из донесения от 20/8 сентября.

№ 20. *Телеграмма военного комиссара российского правительства в Софии министру иностранных дел Гирсу*

7 октября/25 сентября 1886 г.

Вследствие телеграммы вашего высокопревосходительства от [25] 13 сентября[1] я передал болгарскому правительству следующую ноту: «Господин министр, в дополнение к сказанному мной вам при вчерашнем свидании нашем, в настоящее время по поручению императорского правительства имею честь сообщить вам, что, по мнению сего правительства, созвание великого народного собрания при настоящем положении страны не может быть признано законным и что решения такого собрания не имели бы в глазах наших никакого значения. Ввиду сего я советую болгарскому правительству: 1) отсрочить выборы на возможно более отдаленный срок; 2) чтобы вывести страну из того возбужденного состояния, в котором она ныне находится, и чтобы дать возможность выборам подойти без принуждения и в более нормальных условиях, немедленно снять военное положение, освободить в то же время из-под ареста всех заключенных по поводу событий [21]/9 августа».

Обращаю внимание на слова «я советую», ибо я не требовал, а только советовал болгарскому министру. Тем не менее на словах всегда продолжал убеждать их согласиться и не считаю необходимым в этом уступать.

Каульбарс.

№ 21. *Выписка[2] из письма консула в Видине послу в Константинополе Нелидову*

11 октября/29 сентября 1886 г.

Движение гарнизонов, на которое одну минуту мы возлагали надежды, повидимому замерло. Храбрые шумлинцы повидимому больше потрясают оружием. На своих я мало надеюсь. Хорошо, если бы их удалось нейтрализовать, что впрочем до сих пор шло успешно. Вчера [10 октября]/28-го мы сыграли с правительством весьма злую шутку. Избиратели как ни в чем не бывало явились на выборы, выбрали бюро, потом вдруг: «Братья болгары, хотите выборов?» — «Нет, не хотим». — «Так айда в консульство». И вот бюро, уполномоченное и официально избранное, вручило мне резолюцию, экземпляр коей был по телеграфу передан Радославову. В этой резолюции требуется отложить выборы и подчиниться ноте Каульбарса. Таким образом у нас в руках

[1] Упомянутая телеграмма Гирса от 13 сентября в деле отсутствует.
[2] Выписка сделана составителем.

юридическое доказательство, что выборы в Видине материально были невозможны. Между тем правительство нагайками согнало каких-то цыган и все-таки кого-то выбрали. Положение наше затруднено двойственными действиями Каравелова. В отставку он не подает, а на выборах его сторонники шли заодно с партией Стамбулова.

Карцов.

№ 22. Выписка[1] из донесения исполняющего обязанности дипломатического агента в Софии военному комиссару правительства в Софии Каульбарсу

12 октября/30 сентября 1886 г.

Утром в воскресенье [10 октября] 28 сентября, перед самым началом назначенных болгарским правительством выборов, толпа селяков, человек в 600 приблизительно, подошла к агентству...[2]

На требование селяков видеть русского консула и услышать его мнение относительно выборов я вышел на балкон и, приветствуемый восторженными криками «живи русский царь, живи Россия», сказал селякам нижеследующую речь на болгарском языке:

«Русский царь любит Болгарию и желает ей блага. Его величество потребовало через генерала Каульбарса, чтобы все арестованные были освобождены и чтобы выборы были отложены. Императорское правительство будет считать настоящие выборы недействительными».

Толпа ушла с громкими криками «ура»...

Через полчаса дошли с места выборов вести, что селяков бьют, и тотчас затем в сени агентства хлынула кучка избитых крестьян. У всех с головы струилась кровь, у одного глаз был вышиблен и висел над щекой. Раненые начали рассказывать мне, что, по приходе на место выборов и увидав бюро составленным в их отсутствии, селяки начали громко протестовать против незаконности бюро, грозя разогнать его силой и требуя нового избрания его членов — им отвечали бранью и угрозами, от слов перешли к драке...[3].

Селяки в числе 250 человек расположились во дворе и в саду. Я велел им принести хлеба, сыру и 100 ок виноградного вина (по полбутылке на человека). Ворота агентства были немедленно заперты и к ним приставлено 10 невооруженных

---

[1] Выписка сделана составителем.
[2] См. письмо Карцова от 11 октября/29 сентября.
[3] На подлиннике помета рукой Александра III: «Мерзость».

черногорцев, заранее призванных на всякий случай ко дню выборов.

На другой день я не преминул протестовать против происшедшего представляемой у сего нотою [1].

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 23. Телеграмма военного комиссара российского правительства в Софии министру иностранных дел Гирсу

13/1 октября 1886 г.

Сообщаю копии Нелидову и Лобанову.

В некоторых войсках начинается оппозиционное брожение против правительства с целью заставить его подчиниться России. Буду поддерживать это движение, но в то же время предупреждать насилия.

Каульбарс.

№ 24. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе министру иностранных дел Гирсу

14/2 октября 1886 г.

Командир первой батареи первого артиллерийского шефского полка, капитан Гергинов, принимавший деятельное участие в перевороте [21]/9 августа, прислан партией Цанкова, чтобы переговорить с болгарскими офицерами, скрывшимися в России. Он сообщил, что войска, расположенные в Тырнове, Шумле, Рущуке, совершенно подготовлены к новому восстанию, предназначенному на-днях для свержения регентства. Решено убить Стамбулова, Муткурова, Попова. Майор Ванков выехал в Германию за получением от Круппа остатка боевых запасов, и Белов орудует в Шумле. Дмитриев кажется успел пробраться в Болгарию; Гергинов, выжидающий ответной телеграммы из Москвы, чтобы поспешить вернуться в Болгарию, личность весьма энергичная и способная на все.

Романенко.

№ 25. Телеграмма исполняющего обязанности дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу

17/5 октября 1886 г.

Сегодня был у меня бывший командир Сливенской бригады Гуджев и заявил, что Сливенский полк готов к действию против правительства при условии успеха и пользы этого шага, чтобы иначе не вдаваться бесполезно в опасное

---

[1] Упомянутая в тексте нота в деле отсутствует.

предприятие. Затем он спрашивает, можно ли будет ему ввиду его отставки надеть русский мундир для престижа перед полком, так как он офицер русского производства и числится в нашем Минском полку; о том же спрашивает и бывший командир Сливенского полка Дужов, русский офицер болгарского ополчения. Гуджев ждет ответа. Прошу инструкций генерала.

Неклюдов.

№ 26. Заявление вождей болгарской оппозиции военному комиссару российского правительства в Софии Каульбарсу

29/17 октября 1886 г.

Искренне сожалея о пагубном и безрассудном направлении княжества в последнее время, нижеподписавшиеся обещают неуклонно соблюдать в качестве как частных граждан, так и общественных деятелей следующую программу:

1. Недопущение ни под каким условием и навсегда кого-либо из принцев баттенбергских на престоле княжества.

2. Избрание князя согласно советам и указаниям российского императорского правительства.

3. Ведение международных отношений и исполнение задач княжества не иначе как по совету и с поддержкой России.

4. Устройство и приготовление болгарского войска по плану и началам, одобренным российским императорским правительством.

5. Развитие внутреннего устройства Болгарии на основании начал православного христианства и при тщательном устранении от оного нелепостей демократии.

6. Воспитание юношества и народа в духе христианской нравственности и с сей целью тщательное устранение крайних элементов из учебных заведений и обуздание их действий в народе.

7. Святое уважение к законам и безусловную им покорность.

8. Принятие серьезных мер, чтобы поставить суды в условия, обеспечивающие посвященное беспристрастие и справедливость при раздаянии[1] правосудия.

9. Обеспечение всех находящихся на государственной службе лиц справедливыми и беспристрастными законами относительно принятия их на службу и увольнения их от оной, равно как повышения и выдачи им пенсий.

Подписи: Бурмов, М. Балабанов и Д. Цанков.

---

[1] Так в оригинале.

№ 27. *Донесение военного комиссара российского правительства в Софии министру иностранных дел Гирсу*[1]

30/18 октября 1886 г.

М. г., Николай Карлович,

Вчера и сегодня мне некоторые из наших сторонников в Болгарии подали мысль, о которой считаю долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства и которую быть может при случае можно было бы иметь в виду. Предложение этих господ можно было бы назвать полуоккупацией, так как это выражение ближе всего подходит к сущности нижеследующего.

Эти господа исходят из того совершенно правильного предположения, что упорство против нас значительной части болгарской армии основано исключительно на упорстве офицеров. Нижние чины все абсолютно держат сторону народа и пойдут с нами. Вот почему предложение сводится к тому, чтобы дать решительный толчок нижним чинам и главным образом при их участии избавить страну от правительства террора. По их мнению, для сего нужен всего небольшой отряд наших войск силой около бригады, из трех родов оружия состоящий. Отряд этот должен неожиданно высадиться в Варне и тотчас завладеть дружиной, болгарских офицеров посадить на суда, заменив их русскими, под начальством которых дружина пойдет далее с нашими войсками. Во всех следующих гарнизонах придется делать то же самое, оставляя в стороне лишь тех болгарских офицеров, которые нам преданы.

Разумеется, план этот выполним только, если Европа согласится на оккупацию; а если таковая осуществится, то лучше и вернее прислать большее число войск...

Примите и пр. Каульбарс.

№ 28. *Всеподданнейший доклад министра иностранных дел Гирса — Александру III*

7 ноября/25 октября 1886 г.

Беру смелость представить при сем две полученные на имя вашего императорского величества от генерал-майора барона Каульбарса секретные телеграммы[2].

Сообщая о сочувствии к России, высказываемом болгарским населением, представитель наш считает при сем том не лишним напомнить о могущей представиться нам необходимости принять непосредственные меры к поддержанию

[1] На подлиннике помета Александра III: «По-моему, не практичен».

[2] Очевидно имеется в виду донесение генерала Каульбарса от 30/18 октября (см. № 27).

наших требований. Из этого следует заключить, что, по мнению его, одни сочувственные нам заявления населения не могут привести нас к разрешению настоящего кризиса. С основательностью мнения этого не могу конечно не согласиться, но при всем том для полной оценки результатов предпринятого генералом Каульбарсом объезда[1] нам остается еще выждать последствий той реакции, которая проявилась среди части болгарских войск, и потому, как явствует из вчерашней телеграммы г. Неклюдова, пугает регентство и может вынудить его подчиниться наконец предъявленным ему требованиям.

Как бы то ни было, но мне кажется, что при настоящих обстоятельствах ни оккупация, ни какие-либо военные демонстрации не могут быть предприняты нами без предварительного соглашения с некоторыми державами. Как соображение это, так и возможность обстоятельств, которые принудят нас прибегнуть к вооруженному воздействию в той или другой форме, заставляют меня заключить, что было бы может быть полезным поручить генерал-лейтенанту графу Шувалову по возвращении в Берлин заехать в Берзин для конфиденциальных объяснений с князем Бисмарком.

В ожидании всемилостивейших приказаний осмеливаюсь повергнуть при сем на благоусмотрение вашего величества проект секретной телеграммы[2], которую мне казалось бы не лишним отправить к генералу Каульбарсу, дабы обратить его внимание на серьезные стороны настоящего положения.

Гирс.

№ 29. Телеграмма[3] директора азиатского департамента консулу в Рущуке Шатохину

Передайте генералу Каульбарсу следующую телеграмму. Император ознакомился с вашими двумя телеграммами из Систова от 30/18 октября[4].

Я уже сообщил Вам нашу точку зрения по вопросу оккупации, которую император считает чрезвычайно серьезной мерой, к которой мы могли бы прибегнуть только в случае крайней необходимости. Неожиданная посылка наших судов в Варну и Бургас могла бы также вызвать серьезные осложнения в случае, если бы мы не достигли предварительного соглашения с некоторыми державами. Ходатайства, представленные вами регентству, сообщены последним великим

[1] См. № 18.
[2] См. телеграмму Зиновьева (№ 29).
[3] Дата отсутствует.
[4] См. №№ 23, 27.

державам. С своей стороны, мы поспешили уведомить последних о наших соображениях, стараясь доказать их обоснованность. Державы занимают сдержанную позицию за исключением Англии, которая сочла возможным высказать свои возражения против ходатайств, о которых идет речь, пытаясь придать им значение вопроса общеевропейского характера.

Зиновьев.

№ 30. *Телеграмма военного комиссара российского правительства в Софии министру иностранных дел Гирсу*

9 ноября/27 октября 1886 г.

Выраженное мной мнение об оккупации[1] основано на просьбах самих болгар[2], которые только этим путем считают возможным избавиться от террора правительства. Под влиянием последнего Рущук принял меня холодно. Бригада высказалась против нас.

Каульбарс.

№ 31. *Телеграмма посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу*

13 ноября 1886 г.

Предложение Великого визиря[3] имеет в виду не соглашение наше с регентами и министрами, а изменение без нашего прямого участия состава регентства в угодном нам смысле путем внутреннего переворота, а не революционного его свержения.

Это не интрига Грекова, а открытая работа его в пользу мирного разрешения кризиса при посредстве Турции.

Предполагается, что новое регентство, в котором благоприятные нам элементы должны быть в большинстве, сумеет постепенно изменить министерство, а затем и найти средство произвести беспристрастные новые выборы[4].

Нелидов.

---

[1] См. документ № 27.

[2] См. документ № 26.

[3] Убедившись в полном крахе миссии ген. Каульбарса, русское самодержавие в ноябре 1886 г. находит незначительный повод для разрыва дипломатических отношений и дает распоряжение о демонстративном выезде генерала из Болгарии. Одновременно при посредничестве одного из вождей болгарских консерваторов Грекова царизм с диверсионными целями инсценирует в Константинополе переговоры между болгарским правительством и своим ставленником, главой болгарской оппозиции — Цанковым.

[4] На подлиннике помета Александра III: «После отъезда Каульбарса и наших консулов в Болгарии мы можем принять предложение Турции и тогда увидим, насколько оно искренно и возможно».

III

ВОССТАНИЕ, ОРГАНИЗОВАННОЕ КАПИТАНОМ РУССКОЙ СЛУЖБЫ НАБОКОВЫМ в 1886 г.

Еще во время пребывания генерала Каульбарса в Болгарии в конце октября 1886 г. капитаном русской службы Набоковым подготовлялось восстание в Бургасе и Сливнах. Восстание подготовлялось при участии болгарских офицеров — эмигрантов Дражева и Тянкова — и черногорской четы, привезенной для этой цели из Константинополя. Строились расчеты на прибытие в Бургас к моменту восстания русского военного судна.

22/X с. ст. в Бургасе Набокову удалось поднять восстание гарнизона и арестовать гражданские и военные власти. Подошедшими на другой день правительственными войсками результаты восстания были ликвидированы, руководители восстания бежали.

При содействии русского дипломатического представительства Набокову удалось избежать репрессий и скрыться в Константинополе, откуда он был скоро отправлен в Одессу.

№ 32. Телеграмма[1] *министра финансов Болгарии своему помощнику Панайотову*

5 ноября/23 октября.

3 ноября/21 октября капитан Набоков, поручик Кисельский, черногорский поп и еще несколько других совещались в доме капитана Набокова. В этот же вечер поручик Кисельский со своими единомышленниками-офицерами пошел в казарму к солдатам и вместе со сговорившимися тремя ротами решили обезоружить первую роту, которая оказывала сопротивление. Обезоружив ее, бунтовщики арестовали в городе главнейших противников и между ними окружного управителя. В это время командир дружины Караиванов с двумя-пятью офицерами успел бежать в Айтос.

В течение дня поручик Кисельский сделал распоряжение о созыве резервистов и запаса округа в Бургас; когда последние собрались, он прочел телеграмму как солдатам, так

[1] Перехваченная телеграмма. На подлиннике знак царского рассмотрения.

и гражданам, выдавая ее за телеграмму Каульбарса; в ней говорилось, что войско и народ будто бы восстали против правительства, что регентство арестовано и что собрание распущено, а также что составлено новое министерство. В этот же день капитан Набоков выехал по направлению к Хаскову и Пловдиву с целью объехать всю южную Болгарию и произвести там бунт.

6 ноября/24 октября утром возвратился капитан Караиванов с двумя ротами из Айтоса и, прибыв в Бургас, направился прямо к казармам. Увидав его, солдаты не оказали ни малейшего сопротивления и сдались. Находившиеся в городе ротные командиры немедленно явились к дружинному командиру и покорились.

После того Караиванов освободил арестованных, в том числе и окружного управителя. Сделано было распоряжение схватить заговорщиков. Черногорский поп был найден в доме русских кавасов; в том же доме находились и многие другие бунтовщики.

Поручик Кисельский с некоторыми другими заговорщиками успел бежать морем. О капитане Набокове известий нет; как только будут получены сведения о нем, не премину уведомить о том всех агентов[1].

Начевич.

№ 33. *Телеграмма управляющего вицеконсульством в Бургасе министру иностранных дел Гирсу*

5 ноября/23 октября 1886 г.

Retard causé par communication interrompue[2].

Телеграфирую в Софию.

Сегодня в 4 часа утра бургасский гарнизон во главе офицера Кисельского арестовал гражданские власти, командира, 6 офицеров и несколько человек партии. Движение направлено против правительства. Население присоединилось к войскам. Обошлось без крови. Все спокойно и порядок полный.

Прошу прислать из Варны для охраны консульства военное судно; было бы весьма важной правительственной поддержкой.

Копия сообщается посольству в Филиппополе.

Емельянов.

---

[1] В 4 часа вечера телеграфная станция была окружена войсками и сообщение прервано.

[2] Опоздание по причине прерванного сообщения.

№ 34. Телеграмма посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

7 ноября/25 октября 1886 г.
Весьма секретно.

Получил личное письмо от 22/10[1].

Тянков сегодня уехал на наемном пароходе в Бургас с товарищами. Другой, захваченный им в Одессе, уже пробрался в Сливно. Тянков просит напомнить вам о присылке в Бургас обещанного будто бы оружия[2].

Нелидов.

№ 35. Телеграмма[3] вицеконсула в Варне министру иностранных дел Гирсу

7 ноября/25 октября 1886 г.

Емельянов сообщил нарочным лодкой для передачи в агентство и министерству следующее: «Завтра пополудни сюда придут из Сливно войска усмирять Бургасский гарнизон, который решился защищаться. Будет кровопролитие. Требуется скорое прибытие клипера». Телеграфные сношения мои с Бургасом прерваны распоряжением из Тырново.

Похитонов.

№ 36. Выписка[4] из депеши посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

12 января 1887 г./31 декабря 1886 г.

М. г., Николай Карлович,

Несчастный исход безумного нападения на болгарские владения, предпринятого капитаном Бояновым при содействии русского офицера Набокова, черногорского священника Количича и нескольких десятков черногорцев и болгар, составлял предмет секретной телеграммы моей от 9 января/28 декабря[5].

До сей минуты трудно узнать подробности этого дела и настоящие обстоятельства его неудачи. Между тем не подлежит, кажется, сомнению, что кроме легкомыслия, с кото-

---

[1] Соответствующее письмо в деле отсутствует.

[2] Слово «оружия» подчеркнуто и к нему сделана сноска рукой Гирса: «Об этом не было речи». На полях напротив рукой Александра III написано: «Что-нибудь другое».

[3] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[4] Выписка сделана составителем.

[5] В деле отсутствует.

рым устроено было это предприятие, и совершенно неподходящего времени года неудачу его главном образом следует приписать тому, что в числе участвовавших были агенты нынешнего софийского правительства, передававшие своевременно обо всех подробностях оного г-ну Вулковичу. Тотчас по отъезде четы, отправившейся на пароходе в бухту Василикось (около Сезополя), в Порте получена была от турецкого посольства в Цетинье и в черногорской миссии от князя Николая телеграфическая просьба воспрепятствовать этой безумной выходке его подданных и, задержав виновных, выслать их в Черногорию.

Примите и пр.

Нелидов.

№ 37. Выписка[1] из депеши посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу.

2 февраля/21 января 1887 г.

М. г., Николай Карлович,

Перешедшие в турецкие пределы участники болгарско-набоковской и дражевской чет привезены были в Константинополь. По уверению турок, между ними нет русско-подданных. Следствие об отправлении парохода «Георгиос» продолжается. В числе задержанных находится и один болгарин, снабженный русским паспортом... Так как у арестованного предполагалось сделать домашний обыск, на что требовалось разрешение посольства, то я воспользовался, чтобы заявить Порте, что, отнюдь не одобряя безумного предприятия Набокова и К-о, мы не можем однако не сочувствовать чувствам, побудившим их взяться за оружие, но я не могу не указать на неудобство расширять в угоду Вулковичу и Стамбулову размеры этого следствия — единственно с целью нанести вред Цанкову с надеждою вмешать в дело и Россию.

Абдул-Гамид по обыкновению свалил всю вину на верховного визиря, ищущего будто бы возможность поссорить его с Россией, и тотчас же дал приказание прекратить всякие расследования среди эмигрантов, арестованных выпустить.

Примите и пр.

Нелидов.

[1] Выписка сделана составителем.

№ 38. Телеграмма[1] посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

12 февраля/31 января 1887 г.

Меня извещают, что участник бургасского восстания Набоков прибыл сюда, находится в связи с болгарскими офицерами и пытается вербовать черногорцев для высадки в Бургас или Варну, на что будто бы имеет согласие императорского правительства, также обещание поддержки, судов и оружия. Сильно опасаюсь, чтобы его здесь пребывание и неосторожные действия не скомпрометировали и нас и дело, так как между самими болгарами есть предатели и за ними зорко следят регентство, Турция и Англия.

Нелидов.

№ 39. Телеграмма[2] посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

18/6 февраля 1887 г.

Набоков вчера по собственному желанию уехал в Одессу. Ему сообщено было, что того требовало и правительство. О состоявшемся о нем распоряжении я известил по телеграфу одесского генерал-губернатора. Здесь же во избежание скандала и ввиду его добровольного отъезда никаких принудительных мер против него принято не было.

Нелидов.

№ 40. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Зиновьеву

5 ноября/23 октября 1891 г.

Убедительно прошу спросить Цанкова, достойны ли нашего покровительства черногорцы Милан Банович и Усионович, выдающие себя за участников бургасской экспедиции Набокова и неотступно просящие отправить их в Петербург[3].

Путята.

---

[1] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[2] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[3] Телеграмма от 7 ноября (25 октября). Зиновьев отвечал: «Цанкову Банович и Усионович неизвестны и в делах департамента о них сведений нет, а потому необходимо отменить поездку их в Петербург».

IV

ВОССТАНИЕ 19 ФЕВРАЛЯ 1887 г.

В декабре 1886 г. в российском министерстве иностранных дел совместно с прибывшими в Петербург вождями болгарского оппозиционного офицерства Груевым и Бендеревым был разработан план большого восстания в Болгарии. На организацию восстания министерством иностранных дел было отпущено 300 тыс. франков и 2 тыс. ружей. Организационной базой восстания служил Бухарест. Общее руководство было поручено русскому посланнику в Румынии Хитрово. В то время как в Константинополе заседала созванная царским правительством для «мирного разрешения болгарского кризиса» конференция из представителей болгарского правительства и болгарской оппозиции, в Бухаресте печатались воззвания, собиралось оружие, концентрировались силы. 16/II было поднято восстание в Силистрии и вслед за тем в Рущуке. Восстания были подавлены. Попытка Стоянова поднять восстание в Румелии (22/II) вовсе не удалась. Часть повстанцев, которой удалось избежать правительственных репрессий, спаслась в Румынии, где ей была оказана материальная помощь русским посланником Хитрово.

№ 41. Письмо министра иностранных дел посланнику в Бухаресте Хитрово

2 февраля/21 января 1887 г.

Перед отъездом своим из С.-Петербурга известный вашему превосходительству майор Груев высказал желание, чтобы в распоряжение его и его единомышленников было отпущено триста тысяч франков и две тысячи ружей с патронами, необходимыми по его мнению для успеха предприятия, о котором я сообщал уже вам в секретном письме от 22/10 прошлого декабря[1].

Означенному ходатайству признано было возможным удовлетворить, но под условием, чтобы главное наблюдение за действиями болгарских офицеров попрежнему негласно

[1] В деле отсутствует.

сосредоточивалось в руках ваших в видах предупреждения последствий, не согласных с нашими интересами.

Во вверенной вам миссии имеется в настоящее время на хранении более четырехсот тысяч франков из болгарского фонда. Как я имел уже честь сообщить вам в письме от 22/10 декабря, вам предоставляется производить из суммы этой болгарским офицерам выдачи, сообразуясь с потребностями. Об этих потребностях нельзя судить из С.-Петербурга, почему вам предстоит руководствоваться личным усмотрением во всем, что касается размера и своевременности выдачи. Если, с одной стороны, желательно избегать бесцельных расходов, то, с другой — нельзя упускать из виду, что всякое рискованное предприятие не может быть ведено без самопожертвований.

Что касается второго пункта ходатайства майора Груева, то военным министерством уже сделано распоряжение о сосредоточении у измаильского воинского начальника двух тысяч ружей с патронами. Отпуск оружия как частью, так и полностью будет производиться не иначе как по вашим указаниям лицам, вами рекомендованным.

В этом случае я покорнейше прошу вас ни под каким видом не упускать из виду следующие существенные соображения.

Не отказывая болгарским офицерам в возможном содействии, мы считаем тем не менее необходимым воздерживаться от всякого непосредственного участия в их предприятиях. Предприятия эти ведутся названными офицерами на собственный риск, а следовательно все без исключения агенты наши должны заботиться об устранении всяких сколько-нибудь основательных поводов к подозрению в том, что они причастны настоящему делу.

Так как всякое вооруженное предприятие против регентства может повлечь за собой кровопролитие, жертвами коего будут не истинные виновники настоящего прискорбного положения дел в Болгарии, а несчастные болгары, очутившиеся на стороне регентства вследствие насилия или неведения, то никакая попытка в означенном смысле не может быть оправдана, если только не будут предварительно приняты все возможные меры к обеспечению ей успеха. Всякое напрасное кровопролитие сопряжено с тяжкой нравственной ответственностью, и притом оно может повлечь лишь к упрочению регентства и послужить благовидным предлогом к усилению того гнета, под которым настоящие софийские правители держат болгарский народ.

Ввиду всего этого вам предстоит противодействовать всяким рискованным попыткам болгарских офицеров и их необдуманным увлечениям.

Вверяя вам руководство столь щекотливым делом, я вполне убежден, что в этом случае вы благодаря опытности вашей сумеете верно оценить обстоятельства, при которых может быть оказано болгарским офицерам ожидаемое ими от нас содействие, и что вы не оставите руководить их вашими советами, с тем чтобы предупредить со стороны их всякий опрометчивый шаг.

О получении настоящего письма я буду ожидать вашего уведомления.

Примите и пр.

Гирс.

№ 42. *Телеграмма*[1] *посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

4 февраля/23 января 1887 г.

Бендерев и другие офицеры просят передать Груеву, что его присутствие здесь как можно скорее необходимо для пользы дела[2].

[Хитрово.]

№ 43. *Выписка из депеши*[3] *посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

20/8 февраля 1887 г.

М. г., Николай Карлович,

1 [13] текущего февраля я имел честь получить весьма секретные инструкции вашего высокопревосходительства от [2 февраля] 21 января[4]. Одновременно с сим прибывший из С.-Петербурга майор Груев, не останавливаясь в Бухаресте, проехал прямо в разные придунайские пункты для тайных сношений с некоторыми единомышленниками, состоящими еще на службе в болгарских войсках, и лишь сегодня, возвратившись из своей поездки, явился ко мне. Вечером уже собрались у меня майоры Груев и Гуджев и капитаны Бендерев и Дмитриев.

---

[1] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[2] К последнему слову сделана ссылка, внизу рукой Гирса написано: «Это будет сообщено Груеву, который выехал на-днях в Одессу».

[3] Выписка сделана составителем.

[4] См. № 41.

Прежде всего я поставил на вид моим собеседникам воззрения императорского правительства на предпринимаемое ими патриотическое дело. Я им высказал, что в силу моих инструкций, а равно и личных моих убеждений, я имею право поощрять их и оказывать им поддержку лишь на такие предприятия, которые представляют достаточные залоги успеха. Я объяснил им, что буду считать себя всегда обязанным воздерживать их от всяких предприятий частных, недостаточно обдуманных и недостаточно подготовленных, могущих быть подавленными и иметь результатом лишь бесполезное кровопролитие и усиление власти нынешнего правительства. Ввиду сих условий моей поддержки предпринимаемого ими дела я указал им на необходимость с нашей стороны всестороннего хладнокровного обсуждения сообща истинного положения дел и шансов успеха.

Поддерживаемые денежными средствами, которые императорскому правительству угодно было предоставить с этою целью в мое распоряжение, приверженцы наши проявляют неусыпную, вполне бескорыстную деятельность. Независимо от тайных сношений с отдельными личностями они напечатали в громадном количестве прокламации и открытые письма к регентам, к офицерам и к гражданам. Эти печатные воззвания были частью препровождены в Болгарию через разные пункты румынской границы, частью препровождены в Константинополь для распространения в Румелии и через Румелию в Болгарию. Но распространение это весьма затруднительно по причине зоркой бдительности болгарских пограничных властей и многочисленных агентов софийских правителей, расходующих громадные суммы на полицию. По слухам, несколько лиц, пойманных в Рущуке с этими печатными воззваниями, были бесчеловечно избиты полицией. Рядом с печатными прокламациями эмигранты начали издавать в Брайлове еженедельную болгарскую газету под заглавием «Девятое августа» и еще другую под заглавием «Да разберемся», коих первые нумера имею честь при сем препроводить [1].

Для действий в самой Софии приверженцы наши вынуждены прибегать к посредству разных факторов, за полную благонадежность которых очевидно не всегда можно ручаться. По причине отдаленности Софии все это, разумеется, весьма затруднительно. Для большего обеспечения в этом

---

[1] Упомянутое в тексте публикуемого документа приложение в деле отсутствует.

отношении все действия предпринимаются не иначе, как по предварительному соглашению с константинопольским комитетом и с Цанковым, иногда при посредстве моих сношений с тайным советником Нелидовым. Таким образом недавно, отпуская по просьбе гг. Груева, Бендерева, Дмитриева и Гуджева на этот предмет 30 000 франков, я отказал им в переводе непосредственно мною столь значительной суммы в Софию. Из этой суммы 10 000 франков были мною выданы в руки офицеров для пересылки их в Софию самыми маленькими суммами на несколько лиц. Остальные 20 000 франков были мною переведены в Константинополь Т. С. Нелидову для передачи тамошнему комитету в лице майора Стоянова.

Мне кажется, в настоящую минуту было бы выгодно не настаивать ни на какой княжеской кандидатуре, а стремиться лишь к свержению софийских негодяев и замене их прочным временным правительством с русским военным министром. О кандидатуре всегда будет время позаботиться впоследствии [1].

Относительно константинопольских переговоров Цанкова с Грековым, Стоиловым и Волковичем никто не составляет себе иллюзий и никто не ожидает от этих переговоров каких-либо практических результатов. Разве для одних софийских правителей представляется в них что-либо существенное. Эти самозванные правители ищут проволочки времени, рассчитывая на европейскую войну. С другой стороны для них представляется та выгода, что некоторые нерешительные их противники все-таки выжидают результатов этих переговоров. Поэтому всего выгоднее было бы, чтобы депутация возвратилась в Софию без всяких результатов и чтобы переговоры прервались окончательно.

Самая постановка партий Цанковым на этих переговорах была едва ли практичною. Мне кажется, не следовало упоминать о каких-либо партиях — правительственной, консервативной, цанковской и каравеловской. Следовало видеть перед собой лишь две величины: незаконное, захватившее в свои руки и насильственно удерживающее власть софийское правительство и протестующую против этого правительства оппозицию народа, и не сходить с этой точки зрения [2].

---

[1] Слова «Мне кажется...» до «позаботиться впоследствии» отчеркнуты красным карандашом, на полях рукой Александра III написано: «Да».

[2] Слова «Следовало видеть...» до «с этой точки зрения» отчеркнуты карандашом, на полях рукой Александра III написано: «Справедливо».

Вообще все неудачное дело константинопольских переговоров представляется мне весьма простою истиною. Иногда можно и даже должно повесить человека; стараться же убедить его, чтобы он сам повесился, представляется препровождением времени по меньшей мере непроизводительным. Расстаться с властью для нынешних ее предержателей в Болгарии равносильно самоубийству; как же можно надеяться, чтобы они на это добровольно согласились. Насильственный порядок вещей, установившийся в Болгарии, может быть уничтожен лишь насильственным переворотом, и чем ранее это может быть достигнуто, тем лучше, ибо всякая проволочка лишь разжигает ту нравственную деморализацию и ту общественную апатию, из которых нынешние правители черпают тайну их слишком продолжительного существования.

Сумеют ли наши приверженцы с теми средствами, которыми они располагают, осуществить этот насильственный переворот, удастся ли им, преследуя заветные цели, предупредить преждевременные вспышки, могущие окончательно скомпрометировать их дело, — решить заранее невозможно. С своей стороны я конечно приложу все мое старание по мере сил и возможности для руководства ими в смысле инструкций, преподанных мне вашим высокопревосходительством.

Примите и пр.

Хитрово.

№ 44. Телеграмма[1] посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

28/16 февраля 1887 г.

Бендерев сообщил мне сейчас, что корреспонденция эмигрантов с Силистрией перехвачена и что силистрийский комендант, командир тамошней дружины капитан Крестев, будучи окончательно скомпрометирован, должен либо бежать, либо теперь же объявить себя с преданной дружиной против правительства и просить указаний комитета. Вероятно решится на последнее. Вследствие этого там должно поневоле начаться движение ныне же. Необходимо поддержать, чтобы не вышла бесполезная вспышка. Груев, Гуджев, Дмитриев и другие выехали утром в Калараш, Зимницу и Журжев. Ожидаются от них известия. Приняты меры к

[1] На подлиннике рукой Александра III написано: «Дай бог в добрый час».

предупреждению единомышленников в Константинополе и Софии, дабы возбудить единовременно движение везде, где возможно. Таким образом можно ожидать повсеместного движения с минуты на минуту. Эмигранты полагают, что против Силистрии будет послана преданная регентам пехота из Рущука. Тогда в Рущуке останется саперный полк, преданный нам, который с гражданами объявит себя против правителей. В крайнем случае Крестев со всей дружиной перейдет на левый берег и передаст оружие румынам. Бендерев просит предупредить всех болгарских офицеров быть готовыми к вызову и сообщить Стоянову в Константинополь.

Хитрово.

№ 45. Телеграмма[1] посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

28/16 февраля 1887 г.

Faisant suite à mon télégramme de ce matin[2].

Гарнизон Силистрии открыто восстал. Ожидаю известий из Калараша. Несколько офицеров эмигрантов переправляются завтра из Калараша в Силистрию. Вызываются все офицеры из Одессы. Сообщаю Константинополь.

Хитрово.

№ 46. Телеграмма[3] посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

2 марта/18 февраля 1887 г.

В Силистрии недостает патронов. Нельзя ли на всякий случай немедленно выслать в Унген жандармскому ротмистру Буркову в мое распоряжение не менее 100 000 патронов Бердана. Быть может найду средства их перевезти по румынской железной дороге[4].

Хитрово.

---

[1] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[2] Продолжение моей утренней телеграммы, см. № 44.

[3] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[4] В тот же день Хитрово телеграфировал: «Полезно было бы кроме Измаила и Унген немедленно сложить в мое распоряжение 100 000 патронов Бердана в Рени.

Мы воспользовались бы первой возможностью с открытием навигации перевоза их водой».

№ 47. Телеграмма[1] *посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

2 марта/18 февраля 1887 г.

Из Силистрии сообщают: население примкнуло к дружине, объявившейся против регентства. Дружина, состоящая из девятисот человек, вероятно уже пополнена 2 000 резервистов. Дружина вооружена берданками; патронов всего кажется тридцать на ружье. Для резервистов и населения имеются крынки с огромным количеством патронов, но плохих. Против восставших выслана вся пехота из Рущука и по слухам гарнизоны Шумлы и Варны, вероятно части этих гарнизонов; отойдут они не ранее четверга. Движение произошло преждевременно, но может иметь последствием движение всеобщее. Все будет зависеть от духа других гарнизонов. Если часть Шумленского примкнет к Силистрийскому, успех несомненен. С уходом пехоты из Рущука быть может удастся увлечь тамошний пионерский полк и население объявится против регентства. В Систове тоже можно ожидать движения. В этих пунктах усиленно работают в этом смысле. С нетерпением ждем известий из Софии, где тоже подготовлено, но успех весьма гадателен. На Румелию надежды мало. Дмитриев, Диков, Кавалов уже в рядах силистрийской дружины. Бендерев выезжает туда сегодня с 30 000 франков на первые нужды. За прежними выдачами у меня остается 280 000 франков. Наши приверженцы во всяком случае намерены дать сражение. Если войска противников будут прибывать не одновременно, надеются разбить их по частям. Если будут разбиты, отступят в Добруджу и сдадут оружие румынам. В худшем случае это будет громадный протест против незаконного правительства.

Благодаря моим отличным отношениям с Братиану я вполне обеспечил наших приверженцев от всяких стеснений со стороны румынских пограничных властей[2].

Хитрово.

---

[1] На подлиннике помета рукой Александра III: «Страшно, если они будут побиты».

[2] Слова: «Благодаря моим...» до «пограничных властей» отчеркнуты карандашом, на полях рукой Александра III написано: «Это очень утешительно».

№ 48. Выписка[1] из депеши посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

2 марта/18 февраля 1887 г.

М. г., Николай Карлович,

События за последнее время следовали так быстро одно за другим, что я решительно не успевал передавать о них вашему высокопревосходительству сведения письменно и поневоле принужден был ограничиваться телеграммами.

Таким образом я едва оканчивал отправляемое с нынешнею же экспедициею донесение мое за № 4 [2] о деятельности комитета эмигрантов, как деятельность эта вступила внезапно в совершенно новый фазис по причине преждевременно вспыхнувшего восстания силистрийского гарнизона.

В деятельности наших приверженцев во время начала проявлялась чрезвычайная нервность: то больше надежды, то совершенное уныние. При этом разъезды их по придунайским пунктам и вся их тайная деятельность постоянно меня озабочивали. Рядом с преданностью и усердием они к сожалению весьма неопытны в деле тайной агитации и часто крайне неосторожны. Но я должен сказать, что румынские власти относятся к ним, если не сочувственно, то по крайней мере вовсе не враждебно и смотрят сквозь пальцы на всю их деятельность. Быть может под рукою оказывают они услуги и софийским регентам, сообщая им о присутствии здесь значительного числа эмигрантов. Но по внешности по крайней мере поведение румын безукоризненно. Тем не менее я всячески стараюсь внушить нашим приверженцам о необходимости с нашей стороны крайней осторожности и сдержанности, которых к сожалению у них недостает.

За последние дни приверженцы наши после временного успеха снова поднялись духом. Они начали получать сочувственные ответы из разных гарнизонов. По их уверениям они могут вполне рассчитывать на гарнизон Силистрии и на части гарнизона Шумленского и Рущукского. В Варне они тоже рассчитывают на некоторых единомышленников.

В Силистрии дело начинается к сожалению преждевременно. Третьего дня командир тамошней дружины Крестев уведомил Бендерева, что письмо его было перехвачено, что он таким образом окончательно скомпрометирован, что далее ждать не может и решается объявиться с дружиною против регентства. Вместе с тем он просил указаний комитета. Све-

---

[1] Выписка сделана составителем. На подлиннике знак царского рассмотрения.

[2] См. № 43.

дение это я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству по телеграфу[1].

Сегодня вечером Бендерев вернулся из Силистрии с известиями вполне хорошими. Он говорит, что народонаселение поголовно примкнуло к дружине, которая пополняется резервистами. Бендерев опасается только за недостаточное количество патронов к берданкам, которыми вооружена дружина; всего по 60 на ружье. Крынок же с патронами достаточно для резервистов, но патроны плохие. Теперь подвезти патроны из Измаила невозможно, так как Дунай еще покрыт льдом. Погода стоит очень теплая, и нужно ожидать вскрытия в самом непродолжительном времени. В этих видах Бендерев просил меня хлопотать по телеграфу о высылке патронов в Рени и Унгены[2]. При открытии навигации подвезти патроны из Рени гораздо ближе, чем из Измаила. В крайнем случае быть может удастся провезти патроны из Унген по румынской железной дороге посредством подкупа. Бендерев возвращается сегодня через Калараш в Силистрию. По его просьбе я выдал ему 30 000 франков на первые нужды. За этою выдачею у меня остается около 280 000. Если движение серьезно разрастется, этот фонд может оказаться недостаточным.

Получено известие, что против восставшего Силистрийского гарнизона высланы войска из Рущука, Шумлы и Варны.

Из Софии и из Румелии к сожалению известия менее удовлетворительны. Там слишком медлят. Дело, начатое в Восточной Болгарии, было бы гораздо более обеспечено, если бы ему предшествовало потрясение в столице.

Эмигранты главнейшим образом рассчитывают на гарнизоны и надеются, что военного движения будет достаточно для возбуждения повсеместного восстания и низвержения софийского насильственного и незаконного правительства.

Примите и пр. Хитрово.

№ 49. Телеграмма[3] посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

3 марта/19 февраля 1887 г.

Дело, начатое в Силистрии, растет. Известия хорошие. Части, двинутые против Силистрии, незначительны и нена-

---

[1] См. № 44.

[2] См. № 46.

[3] На подлиннике рукой Александра III написано: «Дай бог успеха».

дёжны для регентства. Надежды на объявление против регентства Рущука, Систова и Лома усиливаются. Из Рущука мне сообщают телеграмму полковника Николаева, из Софии от 16-го, капитану Попову немедленно итти в Силистрию. Завтра из Шумлы отправляется дружина капитана Паншерского со взводом кавалерии и батареей. Выдать по 200 патронов на ружье, отправлять людей на подводах и бомбардировать город. План действий: капитан Попов, доходя до селения Гаидашир, двинется по дороге до... а [1], где расположится лагерем. Строго следить, чтобы неприятель не мог скрыться. По взятии Силистрии — учредить полевой суд под председательством капитана Драндаревского и подвергнуть на месте смертной казни. Эти известия передал в Силистрию. В случае удачи дела регенты вероятно убегут из Софии. Приняты меры к непропуску этих мерзавцев в Луме и под Царибродом.

Хитрово.

№ 50. *Телеграмма* [2] *посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

3 марта/19 февраля 1887 г.

Румынское сведение.

Силистрийская дружина разбита. Крестев убит, говорят, на румынской территории во время отступления. Часть дружины перешла в Румынию и обезоружена. В Рущуке с утра перестрелка. Дерутся на улицах. Верных сведений еще нет. Сношения с Журжевым прерваны.

Хитрово

№ 51. *Телеграмма* [3] *посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

3 марта/19 февраля 1887 г.

Сейчас получил депешу из Журжева: восстание подавлено. Эмигранты арестованы. Будут завтра расстреляны. Узунов арестован [4].

Хитрово.

---

[1] Пропуск в подлиннике.

[2] На подлиннике рукой Александра III написано: «Надеюсь, что неправда».

[3] На подлиннике рукой Александра III написано: «Более чем грустно».

[4] В телеграмме от 5 марта (21 февраля) Хитрово, сообщая «подробности из Журжева», указывал причины неудачи восстания: «С ничтожными силами восставшие разбросались. Не заняли арсенала и допустили в тылу вооружиться милиционерам. Дрались храбро, отчаянно, но без толку». На телеграмме рукой Александра III написано: «Печально».

№ 52. Телеграмма посланника[1] *в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

3 марта/19 февраля 1887 г.

Скорбные известия из Силистрии подтверждаются. Костев убит своими солдатами. Подробностей еще нет. Из Рущука известия самые печальные. Ожесточенный бой на улицах длился весь день, говорят, много раненых и убитых. Перед вечером объявившиеся против регентства были вытеснены из казарм и бежали. Майоры Узунов и Филов настигнуты при переправе через Лои и раненые отвезены в Рущук. Сообщения с румынским берегом и телеграфные сообщения восстановлены.

[Хитрово.]

№ 53. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

4 марта/20 февраля 1887 г.

Сейчас получил длинное письмо от Груева из Журжева[2], заканчивающееся следующими словами: «Ясно только одно, что дело проиграно окончательно и будет масса новых жертв расправы гг. Мантовых, Драндаревских и пр. Молю и упрашиваю вас донести о вышеизложенном его величеству и просить заступничества; только мощное слово государя императора может прекратить имеющуюся быть резню и кровавую расправу с массой ни в чем неповинного народа. Надежды несчастных, их семей, жен, детей только на бога и великого государя императора. Предполагают, что Узунов застрелился. Участников расстреливают сегодня или завтра».

Копию письма отправляю с курьером. Не разделяю мнения Груева, что дело проиграно окончательно. «Дойдет время и до софийских негодяев, но нужна большая выдержка»[3].

Хитрово.

---

[1] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[2] См. № 55.

[3] Последний абзац отчеркнут карандашом. Напротив на полях рукой Александра III написано: «Дай бог». Над текстом публикуемой телеграммы имеется помета Александра III: «Это-то и ужасно, что мы ровно ничего не можем сделать для защиты несчастных болгар».

№ 54. Телеграмма[1] посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

4 марта/20 февраля 1887 г.

Сообщаю копию Нелидову.

Комиссаров сообщает: [3 марта] 19 февраля с 4 часов пополудни начались аресты. Арестовано до 200 человек, все знатные граждане; отправлены в Черную Джамир — каторжную тюрьму. Есть российские подданные и черногорцы. Ночью наклеены объявления о прекращении восстания в Силистрии и Рущуке. Передают Цанкову, что его партия положительно вся арестована, в том числе и Людсканов. К ним никого не пускают. Всех страшно бьют мешками с песком и дробью.

Хитрово.

№ 55. Письмо[2] майора Груева посланнику в Бухаресте Хитрово

4 марта/20 февраля 1887 г.

Спешу уведомить вас в том, что творилось вчера в Рущуке. Сообщаемое собрано из самых точных источников только до 11 часов дня [3 марта] 19 февраля, т. е. от участников и очевидцев. До сих пор не известно ничего положительного, что происходило от 11 час. утра до 4 час. пополудни, но жители в Журжеве слышали все время, начиная с 5½ утра до 4 час. пополудни, ружейную перестрелку; в 3 часа дня, говорят, слышны были три орудийных выстрела. Еще [28] 16-го вечером майор Узунов — воспитанник Военно-инженерной академии и защитник Видина в Сербскую войну, — собрав офицеров Пионерного полка (состоящего из 5½ рот) и прочитав им выписки из писем, которые мы ему секретным образом писали, а также сказав им краткую речь, в которой в мрачных красках обрисовал положение Болгарии, сообщил о своем решении и о решении других начальников частей в других гарнизонах низвергнуть регентство и министерство насильственным путем. Все офицеры Пионерного полка не согласились с майором Узуновым: не согласившиеся были младшие офицеры, слепые орудия регентского режима, благодаря существованию которого они имеют кусок хлеба. Тогда майор Узунов отпустил офицеров, попросив их сохранять в строгой тайне все, о чем говорилось. [1 марта] 17 и [2 марта] 18 февраля прошли в тре-

[1] На подлиннике рукой Александра III написано: «Отвратительно».

[2] Рукописная копия.

вожном бездействии. Заметно было только, что префект Мантов и оставшиеся (за уходом капитана Драндаревского и двух других офицеров на Силистрию) офицеры пехотных 6 рот часто собирались, говорили шопотом между собою и вообще имели вид очень встревоженный. [2 марта] 18 февраля вечером майор Узунов опять созвал офицеров Пионерного полка и вновь настоял на необходимости объявиться полку против регентов по примеру Силистрии. На этот раз решение было принято в положительном смысле. Соображено было, кого арестовать из граждан и офицеров пехотного полка; но первым и необходимым делом было решение об арестовании Мантова. Все это решалось опять секретным образом. В 5 час. утра начались аресты, но к несчастью совершенно неудачные. Мантов, вероятно предваренный, успел скрыться неизвестно где, причем команда, прибывшая для его арестования на квартиру к нему, встречена была выстрелами 8—10 жандармов Мантова, вооруженных с головы до пяток всевозможным оружием. Несколько жандармов было при этом убито. Большинство офицеров пехотного полка тоже не удалось арестовать: они все, вероятно предупрежденные, спали в казармах, каждый в своей роте. Не успели арестовать и вновь назначенного недавно перед тем пехотного офицера (капитана Драганова — ярого баттенбергиста) начальником флотилии, который тоже успел скрыться. Около 6 час. утра все аресты были закончены. Жандармы Мантова все были собраны, обезоружены и заключены в казармах Пионерного полка. К этому же часу общая обстановка дела была в таком положении. По городу ходили усиленные патрули пионеров; население все попряталось по домам и решительно ни одного человека не было видно по улицам; магазины, лавки, кабаки закрыты; 6 рот пехоты по численности при офицерах заперлись в своих казармах, имея при себе оружие и патроны, но казарма была окружена пионерами; в пионерной казарме были заключены жандармы Мантова и к ним приставлен караул от пионеров; у этой же казармы находились остальные пионеры; их оставалось (всего из $5^1/_2$ рот) вероятно весьма немного вследствие большого расхода людей на патрули и на арестование, моряки (их всего 200 человек) разбиты были на 3 части: большая половина под командою мичмана Кисимова, единственного нашего моряка, недели полторы тому назад уволенного из службы за неблагонадежностью, находилась при пионерной казарме и готова была действовать заодно с пионерами, остальные моряки находились

частью на стоявшем на пристани пароходе «Голубчик», частью в своих морских казармах.

В 6 час. началась стрельба из окон пехотных казарм по пионерам, которая продолжалась некоторое время, по истечении которого майор Узунов, выбросив белый флаг, успел войти в переговоры с пехотными офицерами в казарме, он их просил сложить оружие и сдаться, но пехотные офицеры отвечали, что они могут переговаривать[1] о сдаче только с командиром пионеров Андреевым, последний был арестован и допустить его на переговоры Узунов не решился. Тогда началась новая перестрелка. В одном квартале милиционеры в числе около 150 человек под командою двух людей: одного какого-то старика и другого молодого (школьный учитель кажется), двинулись также против пионеров; начался бой по улицам. В это же время капитан Драганов прибежал в морские казармы, забрал с собою оставшуюся там команду моряков и отправился на пристань к пароходу «Голубчик», ворвался на пароход без всякого сопротивления, где уже стал хозяином, приказав пароходу отвалить от пристани и стать посреди Дуная. Между тем к пароходу прибыли из Журжева майор Панов и Тона Карджиев; они были вызваны Узуновым ранним утром, когда дело повидимому окончилось благополучно, и сели в 10 час. утра на лодку и переправились к тому берегу. По слухам, они вошли на «Голубчик» прямо в лапы капитану Драганову. Около 11 час. утра дело приняло самый неблагоприятный оборот, офицеры отчаялись; по словам г. Черковского, многие из последних ранены и убиты. Есть много раненых и убитых по улицам пионеров. Подробности расскажет податель сего г-н Черковский. Ясно только, что дело проиграно окончательно и будет масса жертв расправы гг. Мантовых, Драндаревских и прочих. Молю и упрашиваю вас, ваше превосходительство, довести о вышеизложенном его величеству и просить заступничества; только мощное слово государя может прекратить имеющую быть резню и кровавую расправу с массою ни в чем неповинного народа. Надежды несчастников, их семей, жен, детей только на бога и государя императора.

Предполагают, что Узунов застрелился. Их расстреляют сегодня или завтра.

О Систове здесь ничего не известно.

---

[1] Так в оригинале.

№ 56. Телеграмма[1] посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

5 марта/21 февраля 1887 г.

Только что получил телеграмму.

Приговор произнесен:

15 человек к смертной казни;

бывший майор Панов, депутат Карджиев и Цветков к смерти или 15 лет тюрьмы; к тому же два болгарина из Румелии. Капитан Илиев — три месяца тюрьмы; вследствие смертельной раны Филова не судили — при смерти.

Иностранные консулы коллективно ходатайствовали об отсрочке исполнения приговора, дабы дать несчастным время просить помилования в Софии.

Хитрово.

№ 57. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

5 марта/21 февраля 1887 г.

Жены несчастных рущукских приговоренных приехали в Бухарест. Сердце разрывается[2] перед их отчаянием. Заключенных страшно истязают[3]. На завтра казнь.

Хитрово.

№ 58. Телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте Хитрово[4]

Сообщено нашему послу в Константинополе.

Ваши вчерашние телеграммы[5] крайне нас опечалили. Употребите все старания, чтобы облегчить участь несчастных жертв восстания. Будьте крайне осторожны в сношениях ваших, даже в сношениях с Братиану, на которого вряд ли можно положиться.

Гирс.

---

[1] На подлиннике имеется помета Александра III: «Проклятые регенты, когда дойдет очередь и до них!?»

[2] Слова «Сердце разрывается» подчеркнуты, на полях напротив рукой Александра III написано: «Да».

[3] Слова «Страшно истязают» подчеркнуты, на полях напротив Александром III написано: «И это перед смертью».

[4] Дата отсутствует. Повидимому 6 марта [22 февраля].

[5] См. №№ 56 и 57.

№ 59. Телеграмма[1] посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

6 марта/21 февраля 1887 г.

Необходимо удалить из Румынии по возможности, по крайней мере на время, болгарских офицеров-эмигрантов. Я предложил Бендереву сегодня же выехать в Кишинев и задержать там офицеров, вызванных комитетом из России. Прочие офицеры тоже отсюда выедут. Останутся: Груев, Гуджев и Дерманчев для окончания денежных дел. Относительно новых эмигрантов, перешедших с оружием в Добруджу, румынское правительство приняло решение оставить их на свободе, предложить им либо безвыездное пребывание в одном из северных городов Румынии, либо свободный выезд за границу.

Хитрово.

№ 60. Телеграмма[2] посланника в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

5 марта/21 февраля 1887 г.

Je télégraphie Hitrovo[3].

Стоянов спрашивает, где находятся Груев, Бендерев и другие. Просит передать первому, что восстание в Румелии он назначил на [6 марта] 22-е. Все офицеры отправляются туда сегодня, завтра. Курьеры отправлены. Просит подробных сведений о ходе дел в Силистрии и Рущуке. Нет ли особых ему указаний. Просит немедленного ответа.

То же самое просит сообщить Бахчеванову с просьбой поддержать движение чем только можно. Если он арестован, передать кому-либо из единомышленников. Я же предлагаю крайнюю осторожность в сообщениях с Софией, дабы наше участие никаким образом не могло быть открыто.

№ 61. Телеграмма посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

8 марта/24 февраля 1887 г.

Восстание в Румелии не удалось. Поселяне пограничных сел, где началось, разбежались. Тянков и Дуков вернулись,

---

[1] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[2] На подлиннике имеется помета Александра III: «Все это ни к чему и поздно».

[3] Я телеграфирую Хитрово.

и завтра Тянков едет в Константинополь, если успеет, так как полиция очень следит. Стоянову лучше не приезжать. Офицеры намерены тоже вернуться в Константинополь.

Все вышло весьма плохо.

Нелидов.

№ 62. Выписка[1] *из депеши посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

10 марта/26 февраля 1887 г.

М. г., Николай Карлович,

Предшествующие мои два донесения, за №№ 4 и 5[2], отправляемые с сим же курьером, не представляют уже больше иного интереса, как интерес ретроспективный. Я запоздал их отправлением по причине страшной быстроты, с которою сменялись события, сосредоточивавшие мое внимание.

По причине массы безотлагательной работы, поглощавшей как меня самого, так и весь мой персонал, я решительно не имел возможности заняться материальным изготовлением к отправлению залежавшейся экспедиции. О последовательном ходе событий я имел честь содержать ваше высокопревосходительство в постоянной известности многочисленными моими телеграммами, которые в копиях я большею частью сообщал послу в Константинополе для его сведения. Ныне с сокрушенным сердцем приступаю к систематическому изложению силистрийского неудачного и рущукского кровавого событий, насколько события эти до сих пор выяснились из собранных пока сведений.

К сожалению, надо сознаться, преданные нам военные болгарские эмигранты: Груев, Бендерев, Дмитриев и др., взявшие на себя главное руководство задуманного ими предприятия, не оказались на высоте своей задачи. Впрочем из трех надо признать гораздо выше Груева. Это личность более уравновешенная. Равным образом я должен отдать справедливость некоторым второстепенным деятелям, менее увлекавшимся, чем, в особенности, Бендерев. Но все они вместе рядом с пылкостью и бескорыстною преданностью не обладают той выдержкой, которая приобретается лишь

---

[1] Выписка сделана составителем. На подлиннике помета рукой Александра III: «Ужасно читать все это».

[2] См. №№ 43 и 48.

опытностью и которая необходима для ведения столь трудного дела, как то, за которое они взялись. Слишком большая доверчивость в сношениях с людьми, увлечение надеждами, недостаточно основательными,—все это в значительной степени способствовало неуспеху. Не подлежит никакому сомнению, что регентство чрез своих шпионов было заранее предупреждено о происходившей агитации в среде офицеров разных гарнизонов. С другой стороны, несомненно, что и в том виде, в каком велась пропаганда, результат был бы иной, если бы силистрийское движение, а за ним и рущукское, не вспыхнули преждевременно. Но в том-то беда, что вследствие перехваченной переписки с силистрийским гарнизоном дальнейшая проволочка делалась невозможною. Предупрежденное регентство не преминуло бы принять самые энергические меры для предупреждения возможности дальнейшей пропаганды в войсках.

Что регентство было заранее предупреждено, доказывается и самими его распоряжениями. Таким образом из Шумлы против Силистрии были высланы не те войска, которых ожидали наши приверженцы. Говорят, в Шумле были произведены в самый день силистрийского движения некоторые аресты, и части войск оттуда были сводные под командою вполне благонадежных начальников.

Что касается кровавых рущукских событий, то здесь опять неуспех главнейшим образом имел причиною колебание со стороны майора Узунова и его сообщников, решение, принятое в последнюю минуту, и отсутствие предусмотрительности и заранее обдуманного плана.

Ввиду более или менее подробного описания рущукских событий имею честь прежде всего при сем препроводить копию письма от [4 марта] 20 февраля, полученного мною от Груева из Журжева [1], письма, коего заключение я тогда уже передал вашему высокопревосходительству телеграммою за № 81 [2].

О происходившем на возмутительной пародии суда, в котором от имени незаконного, никем не признанного правительства судились восставшие против незаконного и возмутительного порядка вещей несколько из лучших и честнейших людей Болгарии, погибших за свои убеждения и за преданность России, я мог собрать некоторые сведения от нескольких очевидцев...

---

[1] См. № 55.
[2] См. № 53.

В этом чудовищном суде председательствовал майор Андреев, года три тому назад судившийся за изнасилование, свидетелями были пьяный префект Мантов, несколько лет тому назад осужденный в Румынии за конокрадство, с его жандармами и разным кабачным сбродом на жалованьи полиции, а приводил в исполнение приговор или скорее умерщвлял присланный нарочно из Софии с особыми полномочиями полковник Петров. Обвиняемым не позволяли говорить. Их спрашивали исключительно о событиях дня. Узунов и другие просили позволения высказать причины, побудившие их к восстанию. Их останавливали криками и бранью.

Прокурор Марков заявил на суде, что каков бы ни был приговор, он во всяком случае не может быть приведен в исполнение над ранеными до излечения. Была разыграна и комедия призыва к милости воображающих себя законным правительством софийских негодяев. Осужденным предложили обратиться к ним с просьбой о помиловании. Большая часть отказалась. Майор Узунов с гордостью ответил, что ему нечего просить убийц, что одно, о чем бы он просил, это разрешение написать те причины, которые заставили его восстать против невыносимого гнета, тяготеющего над его родиной. Он прибавил, что принимает все на себя и просит пощадить своих подчиненных. Несмотря на уверения прокурора, несчастных [6 марта] 22 [февраля] в 5 час. утра вытащили полунагих из тюрем и больниц и повезли на место казни. Узунова везли босиком. Сопровождавший его священник снял с себя рясу и покрыл ему ноги. Узунов просил священника тотчас же пойти к нему домой, окрестить его еще некрещеного сына и назвать Афанасием. Вдовы и родственники убитых показывали мне предсмертные записки некоторых из них. Все эти мученики погибли с последними словами, что умирают за преданность Болгарии и России.

Расстреливавшие солдаты большею частью стреляли в воздух. Однако по первому залпу восемь из девяти убиваемых пали. Остался на ногах один поручик Зеленогоров; ни одна пуля в него не попала. Три раза переменяли стрелявшие в него взводы. Тогда подошел к нему офицер и в упор выпустил ему в лоб пять выстрелов из револьвера. По окончании убийства священник хотел над каждою могилою заметить имя расстрелянного. Какой-то офицер прогнал его с ругательствами, угрожая револьвером. Этим кончилась эта страшная сцена убийства.

Все эти дни я переживал тяжелые впечатления в заботах о прибывших сюда вдовах и детях несчастных жертв кровавых событий. Семьи остались большею частью без средств к существованию. Я пока сделал все, что мне было возможно, для облегчения их участи, на первое время по крайней мере в материальном отношении. По сему предмету представляю особое донесение.

Равным образом в бедственном положении находится здесь множество убегающих из всех концов Болгарии от господствующего во всей стране террора.

Хитрово.

V

ПЕРЕГОВОРЫ С МАЙОРОМ ПАНИЦЕЙ

25/VI 1887 г. народное собрание избрало князем болгарским Фердинанда Кобургского, ставленника Австрии. Царское правительство дало своим агентам на Балканах директиву держать курс на низвержение нового князя. Русский посланник в Бухаресте вошел в сношения с оппозиционной группой болгарского офицерства, действовавшей в Рущуке и возглавлявшейся майором Паницею. Хотя Паница принадлежал к приверженцам Баттенберга, царское самодержавие дало своей дипломатической агентуре на Балканах санкцию на установление связи с новым кандидатом на роль вождя антикняжеского движения.

Подготовительная работа по органи ации восстания затянулась. В то же время от Паницы, ожидавшего присылки оружия и боевых припасов, были получены основные положения его политических требований; в их число входили неприемлемые для царизма пункты о генерале Каульбарсе, об организации после низвержения Фердинанда временного правительства из представителей политических партий, о выборе нового князя народным собранием.

Так как царизм не считал в ту пору свою игру в Болгарии проигранной, он отклонил предложение Паницы и отказал ему в поддержке. Особенно отрицательно отнеслось царское правительство к проекту Паницы организовать восстание в Македонии: это могло вызвать вмешательство держав и привлечь их внимание к болгарскому вопросу.

Оставив Паницу на произвол княжеских властей, царское правительство делало ставку на капитана Набокова, обещая ему денежные средства и присылку военных подкреплений из Одессы.

№ 63. Телеграмма директора азиатского департамента посланнику в Бухаресте Хитрово

22/10 августа 1887 г.

В дополнение к циркулярной ноте, отправленной министерством иностранных дел нашим представителям в Европе о признании незаконности нахождения принца Кобургского в Болгарии в качестве князя, долгом считаю уведомить ваше превосходительство, что императорское правительство окончательно решило принца Кобургского как узурпатора при-

знать находящимся вне всякого закона, на этом основании и действия, направленные лично против Кобургского для удаления его из Болгарии, не могут почитаться предосудительными и наказуемыми.

Передавая о вышеприведенном окончательном решении императорского правительства, покорнейше прошу вас, милостивый государь, благоволите оказать содействие лицам благонадежным, изъявившим готовность принять деятельное участие в удалении принца Кобургского из Болгарии[1].

Зиновьев.

№ 64. *Телеграмма*[2] *посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

7 октября/25 сентября 1887 г.

Известный Паница прислал ко мне нарочного тайно с предложением в 2 недели выгнать Кобургского и покончить с болгарским безобразием без всякой с нашей стороны материальной или иной поддержки. Он просит лишь предварительного свидания с уполномоченным от меня лицом для переговоров о будущем, о том, чего ожидать после этого переворота. Сам приехать в Бухарест не может, опасаясь болгарских шпионов. Посылаю в Журжево Вилламона для этого свидания, во всяком случае весьма интересного, которое нас ничем не обязывает. О последующем сообщу через два дня.

Хитрово.

№ 65. *Отношение посланника в Бухаресте директору азиатского департамента Зиновьеву*

Октябрь 1887 г.[3]

Состоявший при канцелярии вверенной мне императорской миссии драгоман[4] нашего консульства в Рущуке передал мне, что проживающий в Рущуке русско-подданный артиллерии поручик Порфирий Колобков имеет интимные связи с некоторыми влиятельными офицерами в Болгарии, через посредство которых г. Якобсон полагает действовать по вопросу удаления принца Кобургского.

---

[1] Слова «изъявившим готовность...» до конца предложения в оригинале подчеркнуты.

[2] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[3] Рукописная копия. Дата отсутствует.

[4] Якобсон.

Приглашенный мной в Бухарест поручик Колобков на сделанное ему предложение быть нам полезным в вышеозначенном вопросе выразил свою полнейшую готовность и сделал указание на некоторых офицеров болгарской армии — бывших его сослуживцев. По мнению г. Колобкова, неудача рущукской революции последовала от гуманных отношений к делу покойного майора Узунова. Для предотвращения таковых роковых последствий поручик Колобков указывает на майора Паницу, который, если изъявит согласие на удаление принца Кобургского из Болгарии, не будет разборчивым в средствах для достижения цели, и что только при таких условиях можно будет рассчитывать на успех.

Имея в виду, что, по сведениям императорской миссии, майор Паница, будучи приверженцем принца Баттенберга и сподвижником незаконных болгарских правителей, всегда состоял во главе тех из болгарских офицеров, которые оказывали нам противодействия, я не мог разрешить г. Колобкову вести переговоры с названным офицером по предмету удаления принца Кобургского из Болгарии от моего имени, но поручил ему входить в частные сношения по сему предмету с г. Паницей и довести до моих сведений о последствиях.

Доводя о сем до сведения вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, по совещании с проживающими в Петербурге болгарскими офицерами относительно предложений, сделанных поручиком Колобковым, благоволите почтить меня уведомлением.

Хитрово.

№ 66. *Телеграмма директора азиатского департамента посланнику в Бухаресте Хитрово*

Октябрь 1887 г.[1]

В ответ на отношение от с. м.[2] имею честь уведомить ваше превосходительство, что, несмотря на нелестные отзывы проживающих здесь болгарских офицеров о майоре Панице, я нахожу возможным разрешить драгоману нашего рущукского консульства вести частные переговоры с поручиком Колобковым относительно намерений майора Паницы и его товарищей по вопросу удаления из Болгарии принца Кобургского.

[1] Дата отсутствует.
[2] Документ № 65.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить ваше превосходительство благоволить дать наставление г. Якобсону быть весьма осторожным в данном случае, чтобы не обнаружить наше участие в конспиративном удалении принца Кобургского из Болгарии.

Зиновьев.

№ 67. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

7 ноября/26 октября 1887 г.

Паница дал мне знать через верное лицо из Рущука, что отправился в Софию с сообщником с целью начать дело в самой столице.

Хитрово.

№ 68. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

Ноябрь 1887 г.[1]

Поручик Колобков сообщил мне, что майор Паница от имени болгарских офицеров и по уполномочию вновь образованной в Болгарии оппозиционной правительству партии желает передать мне или первому секретарю вверенной мне императорской миссии условия, при которых можно достигнуть удаления принца Кобургского из Болгарии и образования нового правительства в княжестве с императорским комиссаром во главе.

Не доверяя вообще предложениям майора Паницы, я поручил драгоману консульства отправиться в Рущук, узнать предварительно, в чем заключаются условия майора Паницы и от имени каких болгарских офицеров он действует.

Ныне Якобсон доносит мне, что майор Паница, требуя свидания с Вилламовым, не желает передать своих условий через посредство других чиновников императорской миссии. Вследствие сего имею честь покорнейше просить ваше превосходительство благоволить уведомить меня, найдете ли вы, милостивый государь, с вашей стороны возможным предоставить майору Панице свидание с г. Вилламовым и входить с названным офицером в непосредственные переговоры по вышеприведенному предмету[2].

Хитрово.

---

[1] Дата отсутствует.

[2] В ответ на публикуемую в тексте телеграмму Зиновьев телеграфировал, что было бы желательно, чтобы переговоры Вилламова с Паницей имели частный характер и чтобы свидание их «происходило в одном из прибрежных городов Румынии».

№ 69. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

Декабрь 1887 г.[1]

Долгом считаю довести до сведения вашего превосходительства, что вчера был командирован мной в г. Журжево первый секретарь императорской миссии для ведения переговор в с майором Паницей по предмету удаления принца Кобургского из Болгарии и составления нового правительства в княжестве. Майор Паница сделал заявление о том, что он действует по уполномочию других болгарских офицеров и представителей народной партии в Болгарии, требования которых заключаются в следующем: 1) в отпуске императорским правительством оружия, боевых припасов для восстания в Македонии; 2) в признании временного правительства в княжестве по удалении принца Кобургского из Болгарии; 3) временное правительство может быть составлено из следующих лиц: Радославова, Драгана Цанкова, доктора Моллова, Федора Бурмова, полковника Николаева и главнокомандующего его же, майора Паницы; 4) временное правительство высказало согласие пригласить в Болгарию импер[аторского] комиссара, который может быть назначен императорским правительством из лиц военного ведомства за исключением генерал-майора барона Николая Васильевича Каульбарса; 5) под руководством императорского комиссара будет созвано великое народное собрание, которому будет предоставлен выбор князя на вакантный болгарский престол из кандидатов, указанных императорским правительством, но не исключая кандидатуры принца Баттенберга; 6) эмигранты из болгарских офицеров могут прибыть в Болгарию только после избрания князя, другие же эмигранты могут возвратиться в Болгарию по составлении временного правительства; 7) по избрании князя русским офицерам могут быть предоставлены в Болгарии должности военного министра и командиров бригад, другие же должности должны быть замещены исключительно болгарскими офицерами; 8) суду и наказанию за убийство капитана Крестева в Силистрии и за смертную казнь офицеров и других лиц в Рущуке подвергнуть лишь бывших болгарских регентов — майора Петрова, капитанов Андреева, Сапунова, Тепавского, поручика Маркова и рущукского префекта Мантова, других лиц от ответственности освободить.

---

[1] Дата отсутствует.

Майор Паница, не сомневаясь в благоприятном исходе восстания в Македонии, ходатайствует перед императорским правительством об оказании содействия к присоединению этой провинции к Болгарии. Кроме того названный офицер, вручая г. Вилламову письменное свое заявление, просит его, если возможно, таковое лично представить на благоусмотрение министерства иностранных дел.

Хитрово.

№ 70. Всеподданнейший доклад министра иностранных дел Александру III

20/7 декабря 1887 г.

Представляя при сем на высочайшее воззрение вашего величества подробный отчет[1] нашего посланника в Бухаресте о свидании Вилламова с Паницей, смею подтвердить высказанное уже мною мнение, что Хитрово хорошо сделал, что не оттолкнул от себя того болгарского деятеля. Но в переговорах с ним г. Хитрово должен соблюдать большую осторожность, так как Паница, стремящийся главным образом вызвать восстание в Македонии, может легко втянуть нас в новые и весьма несвоевременные политические осложнения[2].

Относительно же взгляда г. Хитрово на дальнейший образ действий в Болгарии я позволяю себе думать, что предварительно обсуждения его нам следует выждать результата поездки г. Гартвига, которая, насколько можно судить из его телеграмм, выяснит настоящее положение дел в Болгарии[3].

№ 71. Письмо директора азиатского департамента посланнику в Бухаресте Хитрово

Декабрь 1887 г.[4]

Милостивый государь, Михаил Александрович!

Рассмотрев заявление майора Паницы[5], по выслушании личного заключения коллежского советника Вилламова и

---

[1] См. № 69.

[2] Слова «Но в переговорах...» до «политические осложнения» отчеркнуты, на полях рукой Александра III написано: «Да».

[3] Слова «Относительно же взгляда...» до «положение дел в Болгарии» отчеркнуты, на полях рукой Александра III написано: «Подождать».

[4] Дата отсутствует.

[5] См. № 69.

отзывов болгарских эмигрантов о поведении названного офицера, императ[орское] министерство иностранных дел пришло к следующим выводам: ходатайство об отпуске ружей, боевых припасов и денежных средств для восстания в Македонии не может быть удовлетворено на том основании, что в данное время восстание в Македонии при его даже благоприятном результате не соответствует нашим интересам на Балканском полуострове вообще и в Болгарии в особенности.

Результатом македонского восстания может быть только восстановление в этой провинции автономного правления согласно постановлениям Берлинского договора. При существовании же в Македонии разных элементов, друг другу враждебных, едва ли можно ожидать прочного автономного правления в этой провинции, и в последнем случае неминуемо последует вмешательство европейских держав во внутреннее правление Македонии и может быть даже иностранная оккупация. Не подлежит сомнению, что при враждебном настроении против нас союзных держав и Англии, оккупация Македонии будет предоставлена Австро-Венгрии в интересах которой есть признание законности настоящего болгарского правительства с принцем Кобургским во главе.

Майор Паница в своем заявлении между прочим рекомендует лиц, из которых будет составлено в Болгарии временное правительство, именно: Радославова, Драгана Цанкова, доктора Моллова, Федора Бурмова, полковника Николаева, под главной командой его, Паницы. Но заявление названного офицера в этом отношении не подлежит удовлетворению, потому что по принятию правления княжества тамошнее министерство будет составлено не из лиц, принадлежащих разным политическим партиям в Болгарии, а из тех, кои предварительно изъявят свою готовность выполнить требование императорского правительства и о которых генерал-майор барон Каульбарс своевременно довел до сведения статс-секретаря Гирса.

Что касается до требования майора Паницы о назначении импер[аторским] правительством кандидата для замещения болгарского престола, то вопрос этот окончательно решен в том смысле, что княжество может управляться под верховным правлением его величества государя императора и высочайше назначенного наместника, сохраняя притом в силу суще-

ствующей в Болгарии конституции[1]. Генерал-майор барон Каульбарс [25] 13 сентября минувшего года официально сообщил болгарским правителям, а также гласно передал болгарскому народу о вышеприведенном решении императ[орского] правительства. В своем сообщении барон Каульбарс ясно выразил пункт «9»: «мы требуем, чтобы великое народное собрание собралось только после выборов, сделанных без всякого принуждения и совершенно свободных; ибо желаем, чтобы болгарский народ возможно откровеннее и свободнее занялся обсуждением вопроса о выборе князя и своей будущности».

Императорское правительство не предоставляет великому народному собранию права выбора князя, а только обсудить вопрос о выборе, то-есть, следует ли вообще болгарскому народу выбирать отдельного князя или же управлять княжеством на началах вышеприведенных. Следовательно назначенный в Болгарии императ[орский] комиссар не может сделать будущему болгар[скому] великому народному собранию указания на того или другого кандидата на княжеский престол.

Относительно признания нами законности временного правительства по удалении принца Кобургского из Болгарии, то в этом отношении ходатайство майора Паницы с командированием императорского комиссара в Болгарии само собой удовлетворено[2].

Небезызвестно вашему превосходительству, что на последнюю ноту императорского министерства иностранных дел о признании незаконности пребывания принца Кобургского в Болгарии в качестве тамошнего князя венский кабинет старался узнать о наших дальнейших намерениях по удалении самозванного князя из Болгарии. Не входя в дипломатическую переписку и избегая создания какого-то болгарского вопроса, императ[орское] правительство с высочайшего соизволения решило сделать официальное сообщение[3] о том, что по удалении из Болгарии принца Кобургского всякое правительство в княжестве будет нами признано законным. Я полагаю, что правительственное сообщение это подействует на умы болгарских офицеров и других влиятельных в княжестве лиц, чтобы ускорить устранение препятствий к сближению России с Болгарией. Препятствия

[1] Так в подлиннике.
[2] Так в подлиннике.
[3] См. № 85.

эти заключаются единственно в лице незаконного князя Кобургского.

По отношению к службе наших офицеров в болгарской армии майор Паница в своем заявлении ходатайствует о назначении в Болгарии русского военного министра и командиров бригад; все же остальные должности могут быть замещены болгарскими офицерами. Но ходатайство это в данное время не может быть удовлетворено по следующим соображениям: последние события в Болгарии с [21] 9 августа минувшего года включительно доказали полнейшую дезорганизацию болгарской армии и отсутствие у тамошних офицеров понятия о долге присяги, о верности престолу и отечеству, а следовательно при таком состоянии болгарского войска имеющий быть назначенным императ[орский] комиссар не может быть также гарантирован от измены, а тем более в точном исполнении его приказаний.

Кроме того при рассмотрении вопроса об оккупации для водворения в княжестве надлежащего порядка согласно требованию генерал-майора барона Каульбарса в военном совете было постановлено, что во избежание вмешательства других европейских держав в болгарском вопросе императорское правительство должно заботиться не о содержании в Болгарии оккупационного корпуса, а только пополнить нынешнюю болгарскую армию нашими пехотными, кавалерийскими полками и артиллерией. При этом пополнении армии конечно немыслимо, чтобы болгарский офицер командовал полком, в котором половина его состоит из нашего войска.

Неблагоприятный исход революции Софийской, Бургасской, Силистрийской, Рущукской и других местностей Болгарии достаточно убедил императорское министерство иностранных дел в полной неспособности болгарских офицеров управлять и руководить народным движением в княжестве.

На этом основании нельзя положиться на действия майора Паницы и его товарищей по революционному движению. Ввиду того, а также основываясь на отзыве председателя комитета славянского благотворительного общества и на сообщении нашего генерального штаба, министерство решило снабдить экспедицию капитана Набокова[1] всем необходимым и на некоторое время приостановить переговоры с майором Паницей, если последний хотя бы изъявил согласие на изменение некоторых условий, изложенных в его заявлении.

---

[1] См. № 86.

Предпочитая экспедицию капитана Набокова всяким соглашениям с болгарскими офицерами, императ[орское] министерство командировало в Константинополь первого секретаря вверенной вашему превосходительству императорской миссии для окончательных условий с Набоковым и о порядке управления занятой им местности в Болгарии до прибытия из Одессы подкреплений. Затем разрешено коллежскому советнику Вилламову выдать капитану Набокову денежные средства на содержание людей, собранных им для названной экспедиции.

Вследствие вышеизложенного я считаю своим долгом просить ваше превосходительство благоволить под благовидным предлогом приостановить переговоры с майором Паницей, хотя бы частным образом через посредство поручика Колобкова.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Зиновьев.

№ 72. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

5 февраля/24 января 1890 г.

Здешнее министерство иностранных дел получило из Софии телеграфическое известие о раскрытом там заговоре, во главе которого стоял Паница. Заговорщики намеревались уничтожить Стамбулова и Муткурова, объявить низложение Кобурга. Начальник софийского гарнизона Кисов был в заговоре, но в последнюю минуту выдал сообщников, которые были арестованы. Арестов произведено много. Был также заподозрен Николаев, но против него доказательств не найдено и он арестован не был. В телеграмме Джувары в числе заговорщиков упоминаются еще какие-то Матвеев и Арнаутов. По получении здешним министерством более подробных сведений не премину их сообщить.

Хитрово.

№ 73. Письмо посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

13/1 июля 1890 г.

Милостивый государь, Николай Карлович,

Известие о казни Паницы возбудило здесь всеобщее негодование.

Все здешние газеты, к каким бы политическим оттенкам они ни принадлежали, поместили передовые статьи, резко

порицающие самозванного болгарского князя и его правителей за это бесполезное зверство.

Здешние враждебные нам политиканы утешали себя тем, что австрийское влияние удерживается всецело в Болгарии, где водворившийся порядок вещей представлялся им с каждым днем все более и более упрочивающимся.

Вначале на возбужденный в Софии процесс майора Паницы враги наши возлагали великие надежды. Процесс этот должен был разоблачить русские интриги вообще и мои в особенности благодаря будто бы захваченным неопровержимым документам самого для нас компрометирующего свойства. Когда же обнаружилась вся пустота этого процесса, вся несостоятельность якобы собранных против нас улик, враждебное нам общественное мнение не замедлило разочароваться в изобретенном и раздутом процессе Паницы. Сам Паница представился в глазах общественного мнения безопасным болтуном, а весь его пресловутый заговор пустым ребячеством, без всяких доказанных деяний. Неожиданное же подтверждение приговора принцем Фердинандом и притом при таких неблаговидных условиях на палубе парохода, увозящего его из Болгарии, и вслед затем самая эта казнь, исполненная как-то исподтишка, неожиданно, более похожая на убийство и личную месть, — все это не могло не произвести потрясающего впечатления на общественное мнение.

Хитрово.

VI

МИССИЯ ГАРТВИГА

После утверждения в Болгарии правительства Фердинанда Кобургского силы болгарских эмигрантов оказались разбросанными в России, Румынии, Сербии и Турции. Деятельность царских агентов в Румынии не была достаточно увязана с деятельностью русского посольства в Константинополе и дипломатического агентства в Одессе.

Предпринимавшиеся эмигрантами совместно с чинами российского министерства иностранных дел попытки организации восстаний одна за другой кончались неудачей.

В октябре 1887 г. российским министерством иностранных дел был командирован на Балканы чиновник азиатского департамента Гартвиг. Целью его поездки было установление связи между Хитрово и Нелидовым и объединение их работы с работою Цанкова как представителя и руководителя всей эмиграции. Отмежевываясь от политики разрозненных выступлений, министерство иностранных дел в лице Гартвига разработало совместно с Цанковым большой план восстания на основе согласованных действий всех сил эмиграции. Одновременно Гартвиг подготовлял организационную базу в Сербии. Он хлопотал перед министерством об ассигновании 30 000 франков Цанкову, который создавал свой конспиративный аппарат в узловых, пограничных с Болгарией пунктах.

№ 74. Выписка[1] *из письма директора азиатского департамента послу в Константинополе Нелидову*

15/3 октября 1887 г.

Отсутствие сведений о положении в разных странах болгарской эмиграции, а равно и несогласия в их действиях и помыслах возбудили во мне мысль поручить лицу, знакомому как с болгарским вопросом, так и со многими влиятельными лицами болгарской эмиграции, посетить места, в которых она пребывает, войти в частные с ними сношения, объяснить желания императорского правительства и установить по возможности единство в их действиях. Избранное мной на сей предмет лицо — чиновник азиатского департамента Гартвиг

[1] Выписка сделана составителем.

удовлетворяет всем вышепоименованным требованиям, так как он находился долгое время в Восточной Румелии и знаком со многими главными деятелями оппозиции и находится с некоторыми из них в сношениях.

Благоразумный и умеренный взгляд Гартвига на это дело вообще служит некоторым ручательством, что поездка его принесет пользу тем, что ознакомит нас с мыслями и намерениями болгарской оппозиции. Миссия эта является таким образом чисто обсервационной и приведет к уяснению, что мы можем ожидать от вышеупомянутой оппозиции.

В настоящее время болгарские выходцы находятся преимущественно в Константинополе, в Румынии, Сербии и у нас. В действиях и даже в мыслях их нет никакого единства. Получают от нас правительственные пособия совершенно бесплодные. Если бы они, даже получая некоторые пособия, находились бы на своей родине, то они увеличивали бы число голосов оппозиции. Затем многие из более выдающихся из них лиц стремятся в Петербург, где плачутся, представляют разные предложения, в практическом результате коих не может быть никакой уверенности. Все почти хлопочут об оккупации, которая и без их мнения состоялась бы, если бы императорское правительство находило бы ее выгодной интересам России.

Поездка Гартвига должна начаться с Бухареста собственно для сговора с нашим там посланником, которому поручено руководить обращающимися к нему в Румынии болгарами. Посещение Бухареста необходимо для установления соглашения между посланником Хитрово и Гартвигом. Затем последний прямо проедет в Константинополь, а затем в Адрианополь для свидания с Цанковым и другими имеющими значение болгарами.

Впоследствии окажется нужным Гартвигу проехать по Дунаю и в Сербию.

Примите и пр.

Зиновьев.

№ 75. Телеграмма посла в Константинополе министру иностранных дел Гарсу

21/9 октября 1887 г.
Лично.

Гартвиг просит сообщить: имел свидание с Цанковым и Людскановым. Они вполне сознают необходимость действовать сообща со всеми группами, отнюдь не прибегая к частым, весьма опасным восстаниям.

Полагают, что вся гражданская оппозиция готова следовать их указаниям ввиду полного исчезновения прежних подразделений на политические партии. Они приблизительно держатся тех же воззрений на предстоящую им задачу, каковые мне удалось в согласии с инструкциями провести среди военной эмиграции. Цанков также убежден, что в стране есть почва для серьезного переворота, нужно только некоторое время для подготовки. Еду завтра в Адрианополь, где рассчитываю удержать эмигрантов от безумных предприятий.

Нелидов.

№ 76. Выписка[1] из письма коллежского советника Н. Г. Гартвига[2]

22/10 октября 1887 г.

Дорогой друг мой, Юрий Сергеевич,

Я получил ваше первое письмо и спешу поблагодарить вас за участие, которое вы принимаете в моей миссии. Сведения из Петербурга для меня в данную минуту крайне полезны. Но я должен вас предупредить, что действую я совершенно на иной почве, чем вы предполагаете. И думаю, что это единственный способ достигнуть успеха.

Как я действую, что предпринимаю и каковы мои планы— мне совсем неудобно и трудно излагать в письме. А так как моя миссия подготовительная, то мы успеем наговориться при свидании, которое не за горами: я рассчитываю вскоре вернуться в Питер и представить подробный отчет, которым теперь исключительно займусь. Сведений[3] я собрал массу, крайне интересных, план действий обдумал по-моему единственно возможный. Уверен, что вы его одобрите. Нелидов отнесся ко мне крайне благосклонно и даже предупредительно, оказывает во всем свое содействие и хотя говорит, что не вполне рассчитывает на мои оптимистические заключения, всегда однако присовокупляет, что я более компетентен судить, ибо обладаю запасами сведений и свежих впечатлений.

Примите и пр.

Н. Гартвиг.

---

[1] Выписка сделана составителем.
[2] Адресат неизвестен.
[3] См. приложение.

Лица, с которыми велись переговоры

А. Выдающиеся представители армии

а) Лица, с коими велись непосредственные переговоры: Бахчеванов, Ножаров, Македонский, Бричков, Матеев, Ванков, Дуков.

б) Лица, от коих имелись письменные или устные сообщения через доверенных агентов: Никифоров, Танов, Маринов, Белинов, Волков, Козарев, Зефиров, Таков, Гергинов, Стоян, Тодоров, Ванков, Бендерев.

Б. Лица гражданские, с коими велись непосредственные переговоры: Попов, Мыларов, Геров, Кара-Михайлов, Бобчев, Цанков, Людсканов, Бракалов.

В. Лица, которые примут участие в подготовительном перевороте.

Военные эмигранты

1. Капитан Беликов, бывший командир Бдинского, а потом Тырновского полка, участия в перевороте 9 августа не принимал.

Оставил службу вследствие отказа регентству послать части Тырновского полка на усмирение Систовского восстания.

2. Майор Ванков, бывший инспектор стрелковой части, оставил службу в январе 1887 г.

3. Капитан 1-го Софийского полка Бахчеванов, участвовавший в перевороте 9 августа и назначенный временным правительством командующим 1-м Софийским полком.

4. Капитан Зефиров того же полка, участник в перевороте 9 августа и конвоир Баттенберга в Рени.

5. Капитан Паков, командир роты военного училища, участник в перевороте 9 августа.

6. Капитан Гергинов, командир батареи 1-го артиллерийского полка, участник в перевороте 9 августа.

7. Капитан Ножаров того же артиллерийского полка. Во время переворота 9 августа назначен градоначальником г. Софии.

8. Капитан Матеев саперного батальона. Через него велись переговоры Бухарестским комитетом с покойным Узуновым в Рущуке.

9. Капитан Македонский, Софийского полка, осужден за юнкерский заговор.

10. Капитан Ванков 1-го артиллерийского полка, участник в перевороте 9 августа.

11. Капитан Карабаров, участник переворота 9 августа, сопровождал Баттенберга в г. Рени и участвовал в Рущукском движении 19 февраля.

12. Капитан Тодоров, командир дружины Сарумского полка, участник в перевороте 9 августа.

13. Поручик того же полка Големинов, командир роты и участник в том же перевороте.

14. Капитан Дуков, бывший командир Сливненского полка, замешанный в Бургазском и в Сливненском движениях.

15. Подпоручик 2-го артиллерийского полка Васильев, участник в Шумленском движении.

16. Капитан инженер Вазов, один из видных деятелей переворота 9 августа.

Затем, по мере развития действий, предполагается пригласить из эмигрировавших следующих лиц, которые по настоящему развитию дела считаются преждевременными:

1. Командира Струмского полка майора Стоянова.
2. Майора Гуджева, бывшего бригадного командира.
3. Капитана Бендерева, бывшего товарища военного министра.
4. Капитана Метителева, бывшего командира батареи в 1-м артиллерийском полку, участника в перевороте 9 августа.
5. Командира батареи 2-го артиллерийского полка Кожухарова, замешанного в Шумненском артиллерийском движении.
6. Капитана Радомирского полка Бобекова, участника в Бургасском движении.
7. Поручика того же полка Стойкова, участвовавшего там же.
8. Капитана Струмского полка Филиппова.
9. Командира 2-го артиллерийского полка Людсканова.
10. Поручика Матеева Софийского пехотного полка.
11. Капитана Янкова, участника в перевороте 9 августа, сопровождавшего Баттенберга до г. Рени.
12. Капитана 1-го кавалерийского полка Драганова.
13. Капитана Златарского, командовавшего 1-м артиллерийским полком во время переворота 9 августа.
14. Капитана Мандажиева, командира дружины в Систове, участника в Систовском движении.
15. Капитана Арнаутова, командира роты Дунайского полка, участника в Силистрийском восстании.

Из статских эмигрантов:

На первое время считаем нужным ограничиться следующими лицами:

а) на западной границе:

1. Бывший управитель в Видине и софийский градоначальник Христо Иванов (Калпакчиев — б. р.).
2. Тырнский управитель Казаров.
3. Ломский адвокат Димитрий Лулчев, депутат и главный водитель в Ломском и Кутловицком движении.
4 и 5. Христо Дончев и Перчов, бывшие депутаты.
6. Лука Нейчев, бывший депутат во всех народных собраниях в В. Румелии, а затем в народном собрании в Болгарии.
7. Д. Наумов, участник в юнкерском Софийском движении.

Кроме того имеется значительное число второстепенных деятелей.

б) Для Восточной Румелии:

1. Драган Цанков, бывший президент-министр.
2. Маджаров, бывший министр финансов в Восточной Румелии.
3. Стефан Бобчев, бывший член постоянного комитета там же.
4. Иван Вазов (поэт), бывший член того же комитета.
5. Юруков, бывший член того же комитета.

6. Мусевич, бывший депутат. Имеет громадное влияние в Татар-назарджинском округе.

7. Пане Господинов, бывший депутат и бывший руководитель Старо-загорского и Хаскейского движения. Имеет громадное влияние в этих округах.

8. А. Торанов, главный участник в Бургасском восстании и бывший редактор «Бургасского вестника».

9. Бракалов, крупный землевладелец Бургасского округа, участник в Бургасском восстании.

10. Карамихалов и масса второстепенных деятелей.

Внутри страны войдено в сношение со следующими влиятельными лицами:

1. Петко Каравеловым, бывшим министром-президентом.
2. Михаилом Никифоровым, бывшим военным министром.
3. Ильей Цановым, бывшим министром иностранных дел.
4. Доктором Шиломановичем.
5. Д. Нажаровым, крупным табачным фабрикантом; оба последние — члены оппозиционного центрального софийского бюро.
6. Сарафовым, бывшим министром финансов.
7. Петром Станчевым, бывшим варненским управителем.
8. Майором Пановым, командующим 2-м артиллерийским полком, братом покойного Панова, и с многими из офицеров разных полков, о чем даны особые сведения.

№ 77. *Телеграмма посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу*

Октябрь 1887 г.[1]

Гартвиг просит сообщить: «Вот результаты моих переговоров с Цанковым и другими эмигрантами. Всякие попытки к сепаративным предприятиям оставлены. Сношения с эмиграциею в Румынии и Сербии уже завязаны. В руках Цанкова будут сосредоточены все нити. На это согласны представители всех бывших партий. Во взглядах Цанкова произошла благоприятная в нашем смысле перемена. От нас ожидают лишь денежной помощи в скромных размерах и в виде пособия для настоятельных нужд. В случае успеха, который в их глазах несомненен, обещают признать эти выдачи долгом будущего болгарского правительства. Сегодня выезжаю в Одессу, где останусь дня два, для окончательного уговора с некоторыми офицерами. Все эмигранты убедительно просят меня поехать в Сербию. Со своей стороны прошу разрешения вашего высокопревосходительства предварительно явиться в Петербург за получением некоторых указаний, без которых поездка моя в Белград будет бесплодна.

Почтительнейше ожидаю приказаний через Романенко».

Нелидов.

[1] Дата отсутствует.

№ 78. Телеграмма посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

7 ноября/26 октября 1887 г.

Ссылаясь на переговоры с Гартвигом, Цанков и эмиграция предполагают: отправив ненужную часть здешних эмигрантов на иждивение славянского общества в Киев, расселить остальных — около 30 человек — в 6 пограничных с Румынией и Кюстендилем пунктах. Каждая группа будет находиться под главенством доверенного лица, имеющего особое влияние в соседнем болгарском округе. Через них будут устраиваться сношения, сосредоточиваться сюда к Цанкову вести из Болгарии и распространяться отсюда общие мероприятия.

Для содержания шести групп необходимо 140 лир ежемесячно вместо 60 раздаваемых ныне посольством. Может ли министерство предоставить в мое распоряжение эту сумму сверх 60 лир, выдаваемых Цанкову с Людскановым и Геновичу, и 20 лир, которыми необходимо располагать для помощи бегущим вновь из Болгарии в Салоники и Адрианополь.

Общая сумма составит таким образом 5 000 франков в месяц. Благоволите скорее ответить телеграммою.

Нелидов.

№ 79. Выписка[1] из донесения коллежского советника Гартвига директору азиатского департамента Зиновьеву

9 ноября/28 октября 1887 г.

М. г., Иван Алексеевич,

По полученным мной сегодня сведениям некоторые эмигранты, отчаиваясь получить денежное пособие, считая свое положение безвыходным, выказывают большое нетерпение начать агитацию теперь же. Бывший жандармский комендант в Бургасе, в свое время ярый сторонник правительства, изгнанный Стамбуловым, предлагает теперь же устроить восстание в Панегюриште, где у него богатые связи.

Лица, решающиеся избавить страну от настоящих заправил путем тайных заговоров против Стамбулова, Муткурова и самого князя, продолжают свою деятельность. Из Софии сообщают, что обнаруженное покушение Франца Демовича до того напугало Кобургского, что он порывается снова

[1] Выписка сделана составителем.

уехать в Эбентоль, с тем чтобы уже не возвратиться. Княжеская яхта до сих пор не разгружается и стоит в Рущуке. Воронецкий заговор был открыт австрийским агентом, который получил подробные сведения от австрийского генерального консула в Одессе — Пиомбаццо.

Вашему превосходительству не безызвестно, что на-днях должен начаться процесс в военном суде по обвинению Каравелова и Никифорова в государственной измене. В мою бытность в Константинополе мне сообщили, что оба бывшие министра сильно беспокоились о своей участи, ныне от Никифорова есть известие, что они рассчитывают на удачный исход процесса, хотя не говорят, на чем они основывают свое предположение.

Получены также некоторые утешительные для эмигрантов сведения из Шумлы, местная артиллерия обещает свое содействие.

Примите и пр.

Н. Гартвиг.

№ 80. *Выписка*[1] *из донесения коллежского советника Гартвига директору азиатского департамента Зиновьеву*

12 ноября/31 октября 1887 г.

М. г., Иван Алексеевич,

В дополнение к донесению моему от [9 ноября] 28 октября за № 6[2] имею честь донести вашему превосходительству, что на первое время, для того чтобы удержать наиболее отчаянных эмигрантов от рискованных предприятий, было бы крайне необходимо дать им пособие в размере десяти тысяч франков. Деньги эти удобнее всего было бы перевести для раздачи по назначению г. Кривцову, присяжному поверенному в Одессе.

Г. Кривцов, бывший член славянского благотворительного общества, находится в весьма близких сношениях с болгарской оппозицией, которая питает к нему безграничное доверие.

Пользуясь уважением и почетом в Одессе и будучи человеком с большими средствами, Кривцов не злоупотребит доверием императорского министерства, можно вполне поручиться, что выдаваемые ему суммы будут расходоваться осмотрительно и необходимая отчетность будет им своевременно представлена.

---

[1] Выписка сделана составителем.
[2] См. № 79.

В бытность мою в Бухаресте М. А. Хитрово, вследствие представленных мной сведений о крайне плачевном материальном положении выходцев, поселившихся по границе Восточной Румелии, перевел на имя помянутого Кривцова восемь тысяч франков для раздачи их беднейшим. Я осмеливаюсь ходатайствовать об утверждении этого расхода. Равно обращаюсь с покорнейшей просьбой о разрешении миссии нашей выдать капитану Бахчеванову тысячу франков в уплату расходов его по переезду из Пирота в Бухарест, Одессу и Константинополь и обратно к месту жительства своего в Сербии. Бахчеванов ездил в Румынию для переговоров со мной, а в Константинополь для передачи Цанкову приглашения взять на себя руководительство над эмиграцией.

Н. Гартвиг.

№ 81. *Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

6 декабря/24 ноября 1887 г.

От Гартвига: успех задуманного эмигрантами предприятия будет зависеть от отношения к ним будущего сербского кабинета. Ристич обещал мне быть к ним снисходительным, разрешил Бахчеванову поселиться в Пироте, а Белинову прибыть в Ниш. Возлагать большие надежды на Ристича нельзя. Он совсем отдался королю и все более теряет в стране...[1]. В церковном вопросе добивается взвалить вину на Груича, но несправедливо. Груич, недавний союзник Ристича, перешел к радикалам. Последние весьма сочувствуют болгарской оппозиции. Если диверсия в Сербии не удастся, эмигранты рассчитывают, хотя с большим трудом, достигнуть успеха в Восточной Румелии.

Подробное донесение привезу лично.

Хитрово.

№ 82. *Донесение коллежского советника Гартвига директору азиатского департамента Зиновьеву*

14/2 декабря 1887 г.

М. г., Иван Алексеевич,

Заручившись обещаниями Ристича и Груича[2], я выехал из Белграда. Если эти обещания могут служить гарантией

[1] Пропуск в подлиннике.
[2] См. № 81.

более снисходительного на будущее время отношения сербских властей к болгарской эмиграции, то успех затеваемого ею предприятия можно считать более или менее обеспеченным при условии конечно обдуманного и согласного образа действий всех групп эмиграции.

Я уже имел честь упомянуть, что Цанков, взяв на себя руководительство над всей оппозицией, деятельно начал работать в Константинополе. Он с нетерпением ожидал известий из Сербии: от того, в какие условия поставлены будут члены эмиграции в Сербии, взявшие на себя подготовление к восстанию западной части Болгарии, наиболее враждебно относящейся к существующему порядку, зависело дать то или другое направление всему предприятию.

По сведениям, полученным Цанковым, недовольство в стране продолжает расти с каждым днем, самостоятельного же движения со стороны населения с целью изгнания незаконных властителей Болгарии все-таки ожидать нельзя до тех пор, пока не будет дан серьезный толчок извне. Это обстоятельство как нельзя более убеждает эмигрантов, что избранный ими путь к достижению вышесказанной цели представляется единственно возможным в настоящее время. Для осуществления же задуманного предприятия, как я уже имел честь сообщать в предыдущих своих донесениях, они ощущают сильный недостаток в денежных средствах. Так как в подготовительной работе пройдет около двух месяцев, то Цанков усиленно ходатайствует об отпуске в его распоряжение ныне до 30 000 франков. Без этих денег он не в состоянии отправить избранных офицеров в Сербию и сдерживать безумные предприятия: попытки собравшихся ныне в Константинополе коноводов мелких шаек, кои, увлекшись примером поручика Боянова, стремятся проникнуть в Румелию. Естественно, что пользы от таких частых восстаний не может быть, между тем как силы оппозиции будут все более и более ослабевать.

Если императорское министерство признает возможным удовлетворить ходатайство Цанкова, то помянутые деньги можно было бы передать через славянские благотворительные учреждения, дабы не ставить наших агентов в необходимость вести непосредственные переговоры касательно руководимого Цанковым предприятия.

Впрочем я считаю своим долгом засвидетельствовать, что среди эмигрантов уже не существует ни малейшего сомнения насчет полного безучастия императорского правительства к их предприятию.

Существующей в Болгарии анархии рано или поздно наступит конец; и каким бы путем страна ни вышла из переживаемого ею кризиса, все эти лица со временем возвратятся к деятельности. Оказавши им поддержку в тяжкую для них минуту, когда совесть не позволит им войти в сделку с врагами России, мы несомненно приобретем в них надежных сторонников, в содействии коих мы будем нуждаться при водворении в стране законного порядка.

Примите и пр.

Н. Гартвиг.

№ 83. *Письмо министра иностранных дел послу в Константинополе Нелидову*

17/5 января 1888 г.

В частном письме от 29 минувшего декабря[1] ваше превосходительство сообщили мне ваш взгляд на деятельность болгарской эмиграции в Константинополе, средоточием коей служит Драган Цанков и которая поставила себе задачею объединить все оппозиционные элементы Болгарии, с тем чтобы вызвать в стране этой движение, направленное к низвержению настоящего незаконного правительства.

Заключающиеся в письме вашем данные оказываются далеко не отвечающими нашим ожиданиям.

Не только безусловно необходимой для успеха дела полной солидарности между корифеями оппозиции не установилось, но между некоторыми из ее членов существует открытая рознь, а другие относятся к общему предприятию совершенно пассивно, предпочитая повидимому не высказываться окончательно в ожидании оборота, который примут события, и не желая ничем жертвовать ввиду неизвестности будущего. В то же время наиболее нетерпеливые из эмигрантов пускаются на отчаянные предприятия, вроде последней попытки овладеть Бургасом, каковые предприятия, по нашему глубокому убеждению, могут только компрометировать эмигрантов и вредить успеху ее предположений. Мы готовы верить Цанкову, что попытки эти предпринимаются помимо его воли и что он не в силах помешать им; но, с другой стороны, мы не можем также упустить из виду, что часть отпущенных нами в последнее время средств была употреблена на покрытие расходов для подготовления безумной бургасской высадки. В то же время нас поражает и то обстоятельство, что бургасская высадка не составляет

[1] Изложено исчерпывающим образом в публикуемом в тексте документе.

единичного факта и что подобные же предприятия подготовлялись и на других пунктах болгарской границы. Таким образом из телеграммы посланника нашего в Бухаресте нам известно, что Бахчеванов собирался двинуться с набранною им бандою из Сербии на Тр... в расчете на начавшееся будто бы в Восточной Румелии движение, о котором мы ничего не знаем. Я почел своим долгом во что бы то ни стало помешать замыслам Бахчеванова и поручил г-ну Хитрово передать ему наше безусловное осуждение.

Все это приводит к заключению, что принятая на себя Цанковым и его единомышленниками задача оказывается им не под силу, а между тем, по мере того как уходит время, шансы успеха предприятий эмиграции все уменьшаются.

Соображения эти побуждают нас позаботиться о возможном сокращении расходов на означенные предприятия, с тем чтобы приберечь имеющиеся у нас в распоряжении средства для удовлетворения настоятельных потребностей, каковы: поддержание эмигрировавших болгарских офицеров, которые, будучи прикомандированы к частям наших войск, продолжают получать содержание из болгарского оккупационного фонда, а также выдача пособий эмигрантам, кои не в состоянии вернуться на родину и не имеют в то же время средств к существованию; к числу последних принадлежит и сам Цанков.

Передавая вам вышеизложенное, я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбою благоволить с надлежащею осторожностью разъяснить Цанкову причины, побуждающие нас изменить наш взгляд на деятельность эмиграции. Мы не желали бы совершенно разрушать надежды как его, так и его сторонников и находили бы даже полезным, чтобы они по мере сил старались действовать на общественное мнение в Болгарии в смысле, сообразном с нашими предшествовавшими и вам хорошо известными предположениями. Но в то же время мы признаем более благоразумным воздерживаться от всяких экстренных выдач, пока не убедимся, что болгарская эмиграция организовалась более прочно, чем ныне, и что она в состоянии предпринять что-либо более серьезное, чем те бесплодные попытки, которых мы были до сих пор свидетелями.

В ожидании отзыва вашего превосходительства по предмету результатов объяснений, в которые вы сочтете нужным вступить с Цанковым, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить вам уверение и т. д.

Гирс.

№ 84. *Выписка*[1] *из депеши посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу*

9 февраля/28 января 1888 г.

Милостивый государь, Николай Карлович,

Вследствие весьма секретного отношения вашего высокопревосходительства от [17]5 сего января за № 2[2] я не преминул иметь основательное объяснение с г. Драганом Цанковым относительно целей и надежд болгарской эмиграции.

Г. Цанко́в утверждает, что путем простого нравственного действия никакого улучшения во внутреннем положении Болгарии достигнуть нельзя. Нынешнее правительство до такой степени забрало в руки все нити власти и пользуется последнею с такою беззастенчивостью, что никакое противное его видам мнение или движение, даже самого невинного свойства, не в состоянии проявиться. Масса народа, удрученная этим положением, неспособна однако сама от него избавиться и стряхнуть ненавистный гнет, как неспособна она была свергнуть собственными силами не менее тяжелое оттоманское иго. Народ ждет освобождения или от России, или от вооруженного движения внутри страны, которое подготовить немыслимо без содействия извне.

Вследствие этого и при явном нежелании и невозможности военного вмешательства с нашей стороны Цанков еще в бытность здесь гг. Гартвига и Кривцова предлагал им, по его словам, следующий план действия: назначение со стороны русского правительства военного лица, которому поручено было бы озаботиться из России подготовлением восстания. Этому лицу должны были бы быть подчинены для исполнения его предначертаний три главных агента в Турции, Румынии и Сербии, которые занялись бы образованием и направлением чет как внутри Болгарии, так и на ее границах для совместного действия на сельское население.

С целью завязать сношения с населением княжества и Румелии Цанковым предположено было отправление к границам Болгарии нескольких групп эмигрантов, о чем я имел честь в свое время донести телеграммою от [7 ноября]26 октября[3], на которую последовал на следующий день одобрительный ответ вашего высокопревосходительства.

Но не успели эти группы доехать до предназначенных им мест, к чему встретились препятствия и со стороны ту-

---

[1] Выписка сделана составителем.
[2] См. № 83.
[3] См. № 78.

рецких властей, доселе не допускающих эмигрантов селиться близ болгаро-македонской границы, как в пределах Адрианопольского вилайета и в самом Константинополе стали образовываться частные четы под водительством Боянова и Набокова, для успешного действия коих предполагалось поддержать их со стороны Сербии. Цанков находился в постоянном убеждении, что предприятие это, о котором я узнавал лишь стороною, не было безызвестно императорскому правительству и не должно было противоречить его видам, ибо, как оказывается, им отчасти руководил находившийся в сношениях с министерством иностранных дел г. Кривцов, и на него отпущены были 15 000 франков, о предоставлении коих в распоряжение г. Цанкова «на известные предприятия эмиграции» я был извещен секретною телеграммою г. начальника азиатского департамента от 11 декабря.

Наши отношения к эмиграции должны вследствие этого ограничиться по моему убеждению поддержанием тех лиц, которые действительно вынуждены были из-за своих убеждений выселиться из княжества. Посильное установление и поддержание сношений между ними и болгарами внутри княжества мне тоже кажутся небесполезными в размере, в котором предполагалось их установить в октябре месяце. Отпускаемая на все эти нужды общая сумма в 5 000 франков в месяц кажется мне наименьшим размером обыкновенного расхода, имеющего быть производимым через посредство вверенного мне посольства. Из этих сумм никаких денег на устройство чет, насколько я знаю, употреблено не было, хотя некоторые из получающих пособие эмигрантов и могли участвовать в их составлении. На нужды этого предприятия употреблены были ассигнованные и пересланные сюда из Бухареста 15 000 франков.

Обыкновенные же расходы производились правильно посольством, и о них представляется сегодня особая ведомость.

Смею выразить мнение, что и на будущее время нам неизбежно продолжать помощь эмигрантам в той же степени, впредь до какого-нибудь поворота в положении княжества, который дал бы им возможность возвратиться на родину или указал на своевременность каких-либо более деятельных с нашей стороны предприятий, немыслимых в настоящее время.

Примите и пр.

Нелидов.

№ 85. Письмо министра иностранных дел посланнику в Бухаресте Хитрово

23/11 февраля 1888 г.

М. г., Михаил Александрович,

В опубликованном сегодня в «Правительственном вестнике»[1] сообщении указаны между прочим основания, коими императорское правительство намерено руководствоваться относительно Болгарии по удалении оттуда принца Кобургского. Основания эти имеют источником наше неизменное участие к судьбе княжества, побуждающее нас заботиться об охранении обеспеченных за оным прав и преимуществ и относиться с известною снисходительностью к временным заблуждениям болгар в случае чистосердечного их раскаяния.

Делая заявление по этому предмету, императорское правительство имело в виду успокоить тех болгар, кои, будучи убеждены в шаткости настоящего положения дел и тяготясь оным, не решаются тем не менее отрешиться от своих заблуждений из опасения, что удалением принца Кобургского мы воспользуемся, чтобы насильно навязать княжеству нашу опеку и подвергнуть ответственности тех из болгар, кои более или менее виновны в изменении отношений Болгарии к России. Подобный образ действий был бы несовместим с нашею традиционною политикою относительно славянского востока, почему вам предстоит воспользоваться имеющимися в вашем распоряжении средствами действия, с тем чтобы, опираясь на правительственное сообщение, способствовать устранению изложенных неосновательных опасений.

При всем этом я нахожу однако необходимым, чтобы, заботясь о распространении среди болгар правительственного сообщения, агенты ваши воздерживались от открытой агитации в смысле насильственного низвержения принца Кобургского. Такая агитация была бы несогласна с намерениями императорского правительства, предпочитающего действовать на болгар путем убеждения; вызывая со стороны настоящего болгарского правительства меры к самозащите, она может повести лишь к новым осложнениям и замедлить конечный исход кризиса.

Примите и пр.

Гирс.

[1] «Правительственный вестник», № 33, 1888 г.

VII

ВОССТАНИЕ НАБОКОВА в 1887 г.

В декабре 1887 г. в российском министерстве иностранных дел обсуждалась просьба председателя Петербургского славянского благотворительного общества об организации второй экспедиции капитана Набокова в Болгарию. Намеченная экспедиция входила как составная часть в план, разработанный Драганом Цанковым совместно с чиновником азиатского департамента Гартвигом. Планом предусматривалось вооруженное нападение на болгарскую территорию со стороны Черноморского побережья, что должно было явиться дополнением к предприятиям Новикова и Паницы, подготовлявших переворот внутри страны.

Министерство иностранных дел санкционировало представленный проект только после того, как заслушало личный доклад своего представителя в Бухаресте и получило письменное подтверждение от Нелидова о «возможности перехода четы Набокова» через турецкую территорию. Министерством было выдано Цанкову 15 тыс. франков на расходы по подготовке восстания. При попытке проникнуть на болгарскую территорию набоковские четы были частью перебиты, частью захвачены в плен. Набоков был убит. Неудачный исход предприятия и обнаружившееся участие в нем царского правительства вызвали тревогу у русской дипломатии.

Экспедиция Набокова была последней попыткой со стороны царизма свергнуть болгарское правительство путем вооруженного восстания под своим непосредственным руководством.

№ 86. Телеграмма директора азиатского департамента посланнику в Бухаресте Хитрово

27/15 декабря 1887 г.

Председатель с.-петербургского славянск[ого] благотворительного общества обратился к министру иностранных дел с ходатайством об отпуске ружей и боевых припасов для экспедиции капитана Набокова в Болгарию. На сделанный нашему послу в Константинополе запрос о возможности перехода экспедиции г. Набокова через турецкую территорию и об успехе, ожидаемом от названной экспедиции, тайный советник Нелидов уведомил статс-секретаря Гирса, что экс-

педиции капитана Набокова, как состоящей из болгар и черногорцев, тайный переход через Турцию беспрепятственно возможен, что же касается до ожидаемого успеха от этой экспедиции, то г. Нелидов, основываясь лишь на отзыве проживающего в Константинополе болгарина Драгана Цанкова о малочисленности Бургасского гарнизона и несочувствии населения настоящему болгарскому правительству, рассчитывает на благоприятный исход. Кроме же отзыва г-на Драгана Цанкова наш посол в Константинополе других сведений из Болгарии не имеет.

При рассмотрении ходатайства председателя комитета славян, благотворительного общества, а также содержания секретной телеграммы вашего превосходительства от вчерашнего числа, министр иностранных дел выразил желание, чтобы первый секретарь императорской миссии лично представил статс-секретарю свои заключения по заявлению майора Паницы [1].

Разрешив коллежскому советнику Вилламову двухнедельный отпуск в Россию, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство благоволить сделать распоряжение о выдаче ему из сумм оккупационного фонда курьерской дачи до С.-Петербурга и обратно в Бухарест в установленном размере и предложить г-ну Вилламову немедленно прибыть в Петербург.

Зиновьев.

№ 87. *Телеграмма* [2] *посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу*

4 января/23 декабря 1887 г.

Je télégraphie Romanenko [3].

Благоволите передать Кривцову от Цанкова: Боянов с своей дружиной более 50 человек вчера выехал отсюда особым пароходом и сегодня должен быть в Бургасском округе. Дражев должен войти со своими в Болгарию сегодня или завтра. Подействуйте, чтобы одна чета вошла в Болгарию со стороны Сербии, дабы разделить силы софийского правительства.

Нелидов.

---

[1] См. № 71.

[2] На подлиннике помета рукой Александра III: «Боюсь, что опять нас постигнет неудача».

[3] Я телеграфирую Романенко.

№ 88. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе министру иностранных дел Гирсу

6 января 1888 г./25 декабря 1887 г.

Из Константинополя передают: Боянов [3 января] 22 декабря с четой, на особом пароходе, выехал с целью высадиться в Бургасском округе. Одновременно чета Дражева перешла болгарскую границу в другом месте. Кривцов, выезжающий завтра в Петербург по своим частным делам, представит более подробные сведения.

Романенко.

№ 89. Телеграмма министра-президента в Цетинье министру иностранных дел Гирсу

8 января 1888 г./27 декабря 1887 г.

Князь просит выразить вам свое сожаление по поводу несвоевременной, жалкой попытки черногорцев поднять Бургас. Он безусловно не одобряет зачинщиков этого дела, которое, по мнению черногорского агента в Константинополе, состоялось будто бы с ведома и благодаря потворству турецкой полиции.

Аргиропуло.

№ 90. Телеграмма[1] посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

9 января 1888 г./28 декабря 1887 г.

Экспедиции чет, как и следовало ожидать, кончились весьма печально. Дражева с товарищами, вышедшими в пятницу из Адрианополя, задержали четыре турецких жандарма. Боянов, по сведениям турок, был разбит и перешел в Турцию, потеряв 11 убитых и несколько пленных, между коими, по словам Вулковича, и Набоков. Он здесь скрывался от нас, но я неоднократно заявлял Цанкову и другим, что, считая предприятие это безнадежным, в случае несчастья ни за Набокова, ни за Боянова заступиться не буду в состоянии. Мне отвечали, что их удержать немыслимо, они идут на собственный риск и никаким убеждениям и приказаниям не подчинятся. Возвращающийся отсюда завтра в Бургас французский консул обещал в случае присуждения Набокова протестовать и затем донести посольству. Выручить его будет трудно, ибо он попадается во второй раз, а заступиться

[1] На подлиннике помета рукой Александра III: «Печально».

за него официально мы не имеем основания. Перед турками и иностранцами и я и эмигранты отрицаем всякое участие в этом предприятии и всякое к оному соприкосновение.

Нелидов.

№ 91. Письмо[1] посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

19/7 января 1888 г.

Милостивый государь, Николай Карлович,

Захваченные в Адрианопольском вилайете воины дражевской и бояновской чет приведены в Константинополь, и им производится строгий допрос, равно как и следствие о том, каким образом морская полиция могла допустить беспрепятственный отъезд столь значительного числа вооруженных людей.

Так как по сведениям консула нашего в Адрианополе в числе приведенных туда людей находился и Набоков, я тотчас же запросил о том Порту, с тем чтобы в случае его присутствия между арестованными потребовать его выдачи и отправить в Россию. Верховный визирь самым положительным образом заявил мне, что ни Набокова, ни других русских подданных между доставленными сюда лицами нет. Набоков, по сведениям турок, был убит в стычке с болгарскими войсками. Боянов, раненый, взят ими в плен. Первое из этих известий подтверждается и телеграммами из Софии, в которых говорится между прочим, что на убитом найдено несколько писем от высокопоставленных русских лиц и в числе их письмо графа Н. П. Игнатьева.

Что же касается национальности захваченных товарищей Боянова и Набокова, то, по словам турок, между ними пять черногорцев, а остальные пятнадцать — болгары. В схватке же с войсками погибло одиннадцать человек.

Сведения эти очевидно неточны, ибо Цанкову доподлинно известно, что с Бояновым ушло до сорока человек, большинство коих были черногорцы. Он предполагает, что часть их, в особенности болгаре, разбрелась по пограничным деревням и скрывается там или что они поодиночке переходят в турецкие пределы.

Излишне говорить, что участие славянского комитета и собственно г. Кривцова в этом деле все считают здесь несомненным, а равно и обвиняют в устройстве этого пред-

[1] На подлиннике знак царского рассмотрения.

приятия Цанкова и проживающих в Константинополе эмигрантов. Я всячески стараюсь представить возникновение чет как естественное последствие ненормального состояния Болгарии и отчаяния изгнанных оттуда за сочувствие к России жителей. Ввиду этого мне крайне неприятно было узнать, что г. Кривцов прилагаемой у сего в копии открытой телеграммой [1], написанной латинскими буквами и, разумеется, известною Порте, не только подтвердил подозрения турок относительно себя, но скомпрометировал в их глазах и Людсканова.

Мне кажется вообще, милостивый государь, что отдельные неудающиеся попытки восстаний в Болгарии достаточно доказали несостоятельность подобного образа действия, и если само правительство в них участия не принимает, то было бы уместным и препятствовать устроению таковых предприятий частным лицам и обществам. Иначе на правительство и Россию вообще будет продолжать падать ответственность за все последствия столь безумных нападений, которых печальный исход постоянно представляется и Европе, и болгарам, как признак бессилия России как самой разрешить вопрос открытым употреблением силы, так и воспрепятствовать у себя частным к тому попыткам. А между тем софийские правители торжествуют, власть их укрепляется и раздоры улаживаются при всякой неудачной попытке, делаемой для их свержения извне, и в особенности при помощи иностранцев, т. е. русских, черногорцев и пр. Масса народа продолжает быть недовольной, но правящие кружки укрепляются в противорусском направлении, а прежнее к нам сочувствие так глубоко похоронено в душах народа, что нужна будет продолжительная и последовательная работа, чтобы снова вызвать наружу его общее и искреннее проявление. Эти данные надо, по моему мнению, неизменно иметь в виду при суждении о дальнейшем направлении нашей политики по отношению к болгарскому вопросу.

Примите и пр.

Нелидов.

---

[1] Кривцов телеграфировал Людсканову: «Подробно телеграфируйте мне Петербург, что случилось, живы ли наши. Здесь сердятся, обвиняют в преждевременности. Стараемся успокоить, выгородить старика».

VIII

МИССИЯ НОВИКОВА

В конце ноября 1887 г. русским посланником в Бухаресте Хитрово был отправлен в Софию русско-подданный купец Новиков для переговоров с вождями оппозиции об «организации удаления из Болгарии принца Кобургского».

Новиков был снабжен подробными инструкциями министерства иностранных дел. Он получил 24 тыс. франков на расходы по предприятию. Свои мероприятия по «удалению» Фердинанда Новиков первоначально имел в виду приурочить ко времени экспедиции капитана Набокова и ходатайствовал о присылке динамитных патронов в Рущук, куда ожидалось прибытие князя. Для успеха своего предприятия Новиков требовал от российского министерства иностранных дел ассигнования дополнительных сумм в размере 64 тыс. франков. Деятельность Новикова в Болгарии затянулась до августа 1888 г., когда, в предвидении скорого восстания, он снова ходатайствовал о денежной помощи. Убедившись к этому времени в нецелесообразности метода «явного» поощрения восстаний, российское министерство иностранных дел не обнаружило склонности к дальнейшей поддержке предприятия Новикова.

№ 92. Отношение директора азиатского департамента посланнику в Бухаресте Хитрово

30/18 ноября 1887 г.

Милостивый государь, Михаил Александрович!

Рекомендованный мне вашим превосходительством русско-подданный купец Николай Новиков выразил свою готовность быть нам полезным и оказывать содействие при удалении принца Кобургского из Болгарии.

Зиновьев.

№ 93. Телеграмма директора азиатского департамента посланнику в Бухаресте Хитрово

7 декабря/25 ноября 1887 г.

Желательно поручить купцу Новикову, отправляющемуся через Бухарест в Софию, разузнать там о положении дел и

сделать осторожные внушения вожакам. Внушения заключаются в следующем: в случае переворота Россия не будет никому мстить, не намерена стеснять внутреннюю автономию и лишь потребует, чтобы избрание нового князя состоялось по соглашению с нею и чтобы внешняя политика была согласуема с русскими политическими интересами.

Если с вашей стороны не встречается к тому препятствий, благоволите снабдить Новикова указаниями в этом смысле, выдать ему на расходы до четырех тысяч франков, а также заимообразно двадцать тысяч франков, так как предлогом поездки должны служить будущие торги в Софии.

Зиновьев.

№ 94. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

8 декабря/26 ноября 1887 г.

Вполне сочувствую мысли посылки Новикова. Но не будет ли признано полезным, дабы вселить доверие в слова Новикова, одновременно поместить статью в «Правительственном вестнике» с изложением наших воззрений в смысле вашей телеграммы, с присовокуплением, что ввиду равнодушия держав и самой Турции к нарушению трактата и Россия ныне смотрит на присоединение Румелии как на совершившийся факт. Этот вопрос служит главным орудием врагов наших в Болгарии, эксплоатирующих против нас якобы нашу оппозицию объединению болгарского народа.

Хитрово.

№ 95. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

17/5 декабря 1887 г.

Купец Новиков вчера прибыл из России. На основании вашей депеши от 25 ноября[1] ему выдано 4 000 франков на путевые расходы и 20 000 франков заимообразно. Снабженный словесными инструкциями, он сегодня выезжает в Болгарию. Сведения будет пересылать нам через Белград. Благоволите предложить Персиани пакеты от Новикова пере-

[1] Очевидно ошибка. Имеется в виду телеграмма Зиновьева от 25 ноября, см. № 93.

сылать нам верным способом в Бухарест. Не будет ли признано полезным теперь газетное сообщение, упоминаемое в моей телеграмме от [8 декабря] 26 ноября [1].

Хитрово.

№ 96. Телеграмма посланника в Бухаресте директору азиатского департамента Зиновьеву

1 февраля/20 января 1888 г.

Прибывший из Софии купец Новиков доводит до моих сведений, что возложенное на него поручение по организации удаления из Болгарии принца Кобургского конспиративным образом в данное время не было выполнено ввиду строгих мер, принимаемых софийскими властями к охране особы принца, в особенности после экспедиции капитана Набокова [2]. Для совершения предпринятого дела, по совету лиц благонадежных и изъявивших свою готовность принимать активное участие, купец Новиков полагает употребить динамитные патроны.

Согласно ходатайству г. Новикова имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, если признаете возможным, благоволить сделать распоряжение об отпуске из наших складов динамитных патронов для доставления в Рущук, где ожидают прибытия принца Кобургского.

Для того, чтобы удаление Кобургского из Болгарии легальным или конспиративным образом последовало одновременно с экспедицией капитана Набокова в Бургас, г. Новиков отправляется в Софию, через Бухарест и Белград, с целью принять деятельное участие в этом деле.

Купец Новиков полагает возможным за определенное вознаграждение отыскать в Софии людей, способных конспиративным образом удалить принца Кобургского из пределов княжества. Вследствие сего имею честь покорнейше просить ваше превосходительство благоволите сделать распоряжение о выдаче купцу Новикову из сумм оккупационного фонда 64 000 франков. Вместе с сим считаю долгом присовокупить, что из означенной суммы 4 000 франков следует отнести на личные расходы купца Новикова, на следование его в Софию и обратно.

Хитрово.

---

[1] См. № 94.

[2] См. № 36, 37.

№ 97. Выписка[1] из отношения посланника в Бухаресте директору азиатского департамента Зиновьеву

3 февраля/22 января 1888 г.

Болгарский военный министр полковник Муткуров сделал предложение проживавшим в Софии поручику Колобкову и купцу Новикову взять поставку для болгарской армии из наших оружейных заводов 30 000 ружей Бердана и 3 000 револьверов «Смита и Вессона».

Повергая ходатайство купца Новикова на благосклонное усмотрение вашего превосходительства, долгом считаю присовокупить, что я, с своей стороны, в данное время нахожу возможным удовлетворить означенное ходатайство г. Новикова об отпуске на коммерческих началах ружей и револьверов из наших оружейных заводов для поставки таковых болгарской армии.

О последующем имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, благоволить почтить меня уведомлением по телеграфу для сообщения проживающему в Бухаресте купцу Новикову[2].

Хитрово.

№ 98. Телеграмма посланника в Бухаресте директору азиатского департамента Зиновьеву

24/12 февраля 1888 г.

Содержание секретной телеграммы мной сообщено купцу Новикову и поручику Колобкову. Последний отправляется в Софию для заключения контракта с военным министерством на поставку ружей и револьверов. Купец Новиков тоже отправляется в Петербург лично доложить вашему превосходительству о ходе организованной конспирации против принца Кобургского и ходатайствовать об отпуске ему динамитных патронов.

Хитрово.

---

[1] Выписка сделана составителем.

[2] В ответ на это отношение Зиновьев телеграфировал 22/10 февраля, что ходатайство купца Новикова об отпуске ему оружия было сообщено военному министерству. «Ныне, — сообщал он, — генерал-адъютант Ванновский уведомил статс-секретаря Гирса, что военное министерство не находит препятствий к отпуску из наших оружейных заводов купцу Новикову просимого им количества ружей и револьверов для поставки таковых болгарской армии».

№ 99. Телеграмма директора азиатского департамента посланнику в Бухаресте Хитрово

22/10 июля 1888 г.

Согласно просьбе проживающего ныне в Петербурге поручика Колобкова имею честь уведомить ваше превосходительство, что, по докладу статс-секретаря Гирса государю императору, секретной припиской о поставке ружей для болгарской армии его величеству во 2-й день сего июля месяца благоугодно было высочайше повелеть: отпустить из государственных оружейных заводов для поставки болгарской армии требуемое количество винтовок № 2 и револьверов «Смит и Вессон». Об исполнении сего высочайшего государя императора повеления сообщено через посредство нашего военного министерства главному артиллерийскому управлению об отпуске ружей и револьверов из Тульского оружейного завода, а также дано знать временному одесскому генерал-губернатору[1] о беспрепятственном вывозе из пределов империи ружей и револьверов, предназначенных для поставки болгарской армии, подрядчиками: поручиком Колобковым и купцом Новиковым.

Зиновьев.

№ 100. Телеграмма поверенного в делах в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

30/18 августа 1888 г.

Купец Новиков, посланный мною в Софию, телеграфирует, что там [28] 16 августа был совет офицеров для подготовления революции. В Силистрийском округе брожение сильно. Нарочно прибывшие оттуда предлагают мне собственными силами начать дело.

Все слои населения будто единодушны. Пока сдерживаю всех, дабы для успеха серьезнее подготовить и объединить движение в Софии и округах Силистрийском, Плевненском, Рущукском и Систовском. Послал верных людей для проверки сведений. Надо избегнуть бесплодного пролития крови. Случайные и отдельные бунты только усилят правительство. Самый способ ведения дела должен быть совершенно иной, чем был.

Думают пока усилить разбойничьи шайки, что весьма полезно. Обо всем немедля буду доносить.

[Ладыженский.]

---

[1] Одесский временный генерал-губернатор генерал-от-инфантерии Рооп.

№ 101. Телеграмма[1] поверенного в делах в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

1 сентября/20 августа 1888 г.

Новиков сообщает: заговорщики просят у нас 20 000 франков. Обещают прибытие сюда двух офицеров для переговоров. Опасаясь эксплоатации или искусственного и бесплодного движения исключительно вызванного субсидией, я отвечал от Новикова[2], что мы поддержим их деньгами тотчас по совершении дела.

Во всяком случае пусть пришлют доверенных лиц. В Рущуке воспрещены отлучки отпускных и запасных нижних чинов. Лица, снабженные сербскими паспортами, с 18 августа в Болгарию более не пропускаются.

[Ладыженский.]

№ 102. Телеграмма директора азиатского департамента поверенному в делах в Бухаресте Ладыженскому

1 сентября/20 августа 1888 г.

Получена телеграмма от 18 августа[3].

Будьте как можно более осторожны в сношениях ваших с болгарами, замышляющими вызвать в стране своей движение. За невозможностью руководить такими движениями и рассчитывать на их действительность, мы должны тщательно отстранять от себя всякую ответственность и воздерживаться от всякого явного поощрения. Необходимо в точности разъяснить взгляд этот болгарам, обращающимся к вам за советом.

[Зиновьев.]

---

[1] На подлиннике знак царского рассмотрения.
[2] Так в подлиннике.
[3] См. № 100.

IX

ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ В БОЛГАРИИ

Изверившись в возможности добиться успеха в Болгарии путем организации восстаний, опасаясь своей компрометации от дальнейшей поддержки обреченных на неуспех вооруженных выступлений болгарской эмиграции, российское министерство иностранных дел к концу 1889 г. пришло к решительному пересмотру своих методов борьбы с болгарским правительством: оно ориентировалось теперь на рост оппозиции внутри страны, на деятельность вновь образованной «народной партии» в самой Болгарии и делало ставку на организацию отдельных террористических актов. На ходатайство болгарской эмиграции взять на себя непосредственное руководство в деле организации восстания министерство иностранных дел дало уклончивый ответ.

Потеряв материальную поддержку со стороны царского правительства, воинствующая болгарская эмиграция в лице «главной группы действия» покинула в ноябре 1891 г. Россию и вернулась в Болгарию.

№ 103. Телеграмма[1] *посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

22/10 декабря 1889 г.

По полученным непосредственно из Софии сведениям в Болгарии готовятся в ближайшем повидимому будущем важные события. Между высшими офицерами составлен заговор для свержения Кобурга и Стамбулова. Полковник Николаев будет главнокомандующим армии, а майор Попов — софийским комендантом. Нынешний товарищ военного министра — военным министром. Каравелов, Бурмов и Никифоров будут провозглашены регентами. Назначены также офицеры для активного действия. В числе их известный министерству по доставке болгарам ружей Колобков — командиром артиллерийского полка в Софии.

Передавая эти сведения, разумеется, не ручаюсь за их достоверность.

Хитрово.

[1] На подлиннике помета рукой Александра III: «Желаю им от души полного успеха».

№ 104. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

7 января 1890 г./26 декабря 1889 г.

Suite de télégramme du 22/10 [1]. Прибывший из Софии Колобков сообщает, будто бы дело насильственного переворота созрело. В Софии во главе движения стоят комендант города Кисов и начальник военной школы Паприков. Руководители просят, не будет ли возможно заблаговременно прислать в Софию под видом туриста одного из наших наиболее видных деятелей в болгарском вопросе, причем указывают на генерала Домонтовича. Они объясняют, что присутствие такого лица будто необходимо, дабы придать движению единство и склонить колеблющихся. Я отвечал Колобкову, что считаю такую комбинацию совершенно неудобной. Если болгарские патриоты действительно убедились наконец в необходимости изменения существующего порядка и если у них достаточно средств к действительному осуществлению их намерения, то из официального сообщения императорского правительства им должно быть известно, что оно окажет надлежащее с своей стороны содействие к устройству и восстановлению порядка в княжестве, когда это представится на самом деле возможным. Чувства России к болгарскому народу не изменились, но императорское правительство конечно не считает возможным присылать тайно в Болгарию своих генералов, дабы, пользуясь их именем, не имеющие под собой почвы агитаторы возбуждали волнение, обреченное по всей вероятности на неуспех. Просил бы ваше превосходительство в случае, если министерство одобряет высказанное мною, уведомить меня о сем по телеграфу для придания в глазах болгар большого веса моим словам. С другой стороны, однако же настойчивое повторение известий за последнее время придает им некоторое значение, и если им суждено осуществиться, то было бы жаль, если бы нам не удалось своевременно извлечь из них всю возможную пользу. Вообще со своей стороны осмеливаюсь думать, что заблаговременный приезд генерала Домонтовича мог бы иметь громадный результат, но только отнюдь не в Софию, где присутствие его оказалось бы невозможным. Не признает ли министерство полезным командировать подобное лицо в Белград под каким-либо благо-

---

[1] Продолжение телеграммы от 22/10 декабря (см. № 103).

видным предлогом, откуда оно могло бы тотчас перенестись в Болгарию, в случае если бы там произошли события.

[Хитрово.]

№ 105. Всеподданнейший доклад министра иностранных дел Александру III[1]

10 января 1890 г./29 декабря 1889 г.

Беру смелость повергнуть на высочайшее вашего императорского величества воззрение полученную от посланника в Бухаресте секретную телеграмму[2], в коей из слов проживающего в Болгарии бывшего поручика русской армии Колобкова сообщают о возможности близкого переворота в Болгарии.

Имея в виду, что все ранее доходившие до нас сведения того же рода оказывались неосновательными, я не думаю, чтобы сообщение Колобкова заслуживало доверия, и полагаю, что едва ли было бы удобным ныне же признать представляемую г. Хитрово меру, а именно командировать в Белград доверенное лицо, которое в случае проявления в Болгарии движения приняло бы на себя руководство оным.

На случай, если бы вашему величеству благоугодно было одобрить соображения эти, осмелюсь повергнуть при сем на высочайшее усмотрение проект ответной телеграммы[3] посланнику в Бухаресте.

№ 106. Письмо агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Зиновьеву

29/17 сентября 1890 г.

М. г., Иван Алексеевич,

Из донесения заместителя моего коллежского асессора Ростковского ваше превосходительство знает уже о прибытии в Одессу известного Порфирия Колобкова.

Пользуясь прежним знакомством со мною, приобретенным еще в Бухаресте, Колобков в нескольких интимных беседах изложил мне как взгляды свои на современное состояние Болгарии и ее ближайшее будущее, так и личное свое положение.

---

[1] На подлиннике помета карандашом рукой Александра III: «Очень хорошо».

[2] См. № 104.

[3] Упомянутая в тексте телеграмма отсутствует.

При этом он подал мне записку[1] о предстоящей в Болгарии новой попытке переворота. Так как сия записка имеет связь с представленной уже моим заместителем вашему превосходительству запискою Ножарова, то я считаю моим долгом почтительнейше препроводить и ее на усмотрение имп. министерства.

К крайнему изумлению моему трагический конец Паницы[2] и его собственная недавняя судьба в Болгарии отнюдь не обескуражила этого, повидимому смелого и твердого, политического авантюриста, во всяком случае более, мне кажется, твердого, чем другие, прежде него выступавшие с такими же попытками низвержения нынешнего режима в Болгарии.

Из слов Колобкова я заключил, что, по его сведениям, которые могут и не быть абсолютно верными, положение Стамбулова совершенно отчаянное. Под наружным послушанием его клевретов скрывается такая масса частных неудовольствий и шибкой жажды переворота, что стоит только забросить искру, чтобы произошел всеобщий взрыв народного негодования.

Колобков утверждает, что положение это может еще продолжаться только неделями, но уже никак не месяцами. Он предсказывает в октябре крупные события в Болгарии. Вот почему, говорит он, запрещение выезда за границу, несмотря на такую безобидную, по его мнению, мотивировку, как просьба о предоставлении ему возможности устройства его частных имущественных дел, особенно тягостно для него именно в настоящую минуту.

Ввиду категорического взгляда г. директора департамента полиции на этот вопрос Колобков не имеет и отдаленного намерения вновь утруждать ваше превосходительство какими бы то ни было объяснениями или новыми просьбами, однако [просит] меня предварить императорское министерство, что в случае, если сбудутся его ожидания о весьма скоро предстоящем в Болгарии движении, то в интересах восстановления в ней русского влияния и вообще благоприятного для нас направления дела лежало бы немедленное разрешение ему, Колобкову, отправиться на место события.

Пользуюсь настоящим случаем...

Путята.

---

[1] В деле отсутствует.
[2] См. № 73.

№ 107. *Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Зиновьеву*

25/13 ноября 1891 г.

Дополнение к последнему, частному письму (шифром). В субботу руководители главной группы действия выезжают в Софию на Константинополь. Считая дело их весьма серьезным, убедительнейше прошу указать мне по телеграфу, не должен ли я их задержать, если переворот в Болгарии был бы для нас в настоящую минуту несвоевременным [1].

Путята.

№ 108. *Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе министру иностранных дел Гирсу*

25/13 ноября 1891 г.

Кривцов умер. Я принял меры к опечатанию и передаче мне политической его переписки по славянским делам.

Путята.

[1] Телеграммой от 27/15 ноября директор азиатского департамента отвечал Путяте: «Мы не ограничиваемся благотворительностью, помогая болгарским эмигрантам, но не даем советов и не желаем нести ответственности. Можете объявить это».

X

ПОКУШЕНИЕ НА МАНТОВА

Правитель Рущукского округа Мантов был одним из видных деятелей партии Стамбулова. Он особенно выдвинулся в период подавления февральского восстания как энергичный организатор правительственного террора. Покушение на жизнь Мантова было совершено 18/III 1887 г., в тот момент, когда он в сопровождении чиновника русского консульства в Рущуке направлялся на условленное заранее свидание с Хитрово. Покушавшиеся были арестованы болгарскими властями и преданы суду. Русский посланник в Бухаресте, действуя с соблюдением крайней осторожности, организовал защиту для подсудимых и подготовку денежных сумм для уплаты адвокатам и подкупа присяжных. Подсудимые были признаны судом виновными в покушении на убийство без заранее обдуманного намерения.

№ 109. Телеграмма[1] *посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу*

2 апреля/21 марта 1887 г.

Продолжение телеграммы № 157 от 31/19 марта[2].

Подробности: за час до покушения Мантов прислал меня просить через Якобсона его принять. Я отвечал, — может притти либо теперь же, либо на другой день. Он шел с Якобсоном по бульвару, когда навстречу им шедшие два человека выстрелили в него три раза из револьверов. Мантов упал. Перепугавшийся Якобсон прибежал в миссию. Я тотчас же послал его к префекту сделать заявление как свидетеля. Оба убийцы, болгаре, были задержаны. Объявили, что действовали из личной мести. Люди нам неизвестные. Из известных нам эмигрантов было арестовано пять человек по подозрению. На другой день они все были освобождены. Раны Мантова весьма тяжелые.

[Хитрово.]

---

[1] На подлиннике знак царского рассмотрения.

[2] Телеграммой от 19 марта за № 157 Хитрово сообщал, что «в 7 часов вечера рущукский префект Мантов в Бухаресте на улице ранен двумя выстрелами из револьвера».

№ 110. Письмо[1] первого секретаря миссии в Бухаресте директору азиатского департамента Зиновьеву

8 июня/27 мая 1887 г.
Весьма секретно.

Милостивый государь, Иван Алексеевич,

Суд над убийцами Мантова назначен на [18] 6 июня. Для защиты избран был и подговорен здешними болгарами весьма хороший криминалист, адвокат Кебабча, по политическим воззрениям — консерватор. Он задался идеей доказать, что его клиенты действовали исключительно по собственной инициативе и без чьей-либо помощи, установить преступление чисто на политической почве и таким образом достичь оправдания подсудимых, либо во всяком случае помешать выдаче их болгарскому правительству.

Между тем г. Мыларов, редактор болгарской газеты «9 августа», получил из Одессы письмо, просящее его от имени эмигрантов позаботиться о подсудимых. Он обратился к адвокату Помару-Бордеа для совместной с Кебабчею защиты обвиненных и затем явился ко мне с сообщением о том, что сделал, и с просьбою о деньгах, так как Бордеа требует 2 000 франков для себя и около 5 000 франков на подкуп присяжных. Я не имел ничего сказать против выбора Бордеа дополнительным защитником, он считается хорошим адвокатом и надежным человеком и, по словам г. Мыларова, во всем согласен с вышепомянутыми взглядами г. Кебабчи; но согласиться выдать г. Мыларову требуемую или вообще какую-либо сумму на поддержку защиты я счел совершенно невозможным; слишком много народа замешано в эти переговоры, а сам г. Мыларов, на мой взгляд, человек, способный по свойственной ему болтливости скомпрометировать нас в деле, в которое имя миссии стараниями друзей Мантова и без того слишком много было впутано. Поэтому я наотрез отказался заниматься этим вопросом и посоветовал г. Мыларову сделать сбор денег между болгарами.

Для сего послан был в Одессу г. Сысылов, который сегодня привез мне прилагаемое у сего письмо известного вашему превосходительству Бахчеванова[2]. Бахчеванов пишет, что отправляется за деньгами в С.-Петербург. Письмо его касается также положения эмигрантов в Одессе и сетований некоторых из них на Мир. Вас. Шимановского. Тако-

[1] На подлиннике помета рукой Александра III: «Мне кажется, что Вилламов поступил благородничая»..

[2] В основном изложено в тексте публикуемого документа.

вые сетования довольно часто доходят сюда и к сожалению известны и болгарским управителям. Сии последние пользуются ими, — они рассылают агентов, уговаривающих эмигрантов вернуться в Болгарию и обещающих полную амнистию.

Мне пишут даже, что между самими эмигрантами в Одессе заметно движение в пользу возвращения на родину. Вызвано это движение опять-таки наносимыми будто бы эмигрантам обидами и недостатком денежных средств.

Мне конечно о справедливости жалоб судить невозможно и не подобает. Зная характеристику многих из эмигрантов, я не удивился бы, если бы нарекания их оказались совершенно неосновательными, но ваше превосходительство может быть разделите скромное мнение мое, что возвращение эмигрантов в Болгарию под такими впечатлениями или с такими рассказами было бы весьма нежелательно.

Примите и пр.

Вилламов.

№ 111. Донесение первого секретаря миссии в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

21/9 июня 1887 г.

Милостивый государь, Николай Карлович,

[18] 6 сего июня судили Кавазова и Иванова, стрелявших в рущукского префекта Мантова. Как тот, так и другой держали себя весьма прилично, а защитники их, в особенности Кебабча, повели дело безукоризненно. Принципы их, допускающие политическое убийство средством против не нравящегося правительства, конечно не могут быть допущены в благоустроенном государстве и не могут нам быть симпатичны, но они вполне повели к установлению того, что зверство Мантова должно было иметь естественным последствием попытку убить его и что никакого постороннего вмешательства для этого не требовалось. Впрочем следствие с самого начала было поведено таким образом, что о возможности существования чьего бы то ни было влияния на убийц не было и упоминаемо, несмотря на старания болгарской прессы вмешать Россию в это дело. Г. Якобсон, драгоман консульства в Рущуке, присутствовавший при покушении, не был даже призван свидетелем или, вернее, был призван, но не был допрошен, так как прокурор объявил, что показания его не имеют значения. Прочитав обвинительный акт, в вырезке у сего прилагаемый, прокурор не

отвечал на речи защитников, но во все время речей их несколько раз перебивал их, что придало им впрочем лишь больше сил. Общее впечатление в публике было, что присяжные вынесут приговор оправдательный, и действительно на вопросы: 1) совершено ли убийство с корыстною целью и 2) совершено ли убийство по заранее обдуманному плану — присяжные ответили отрицательно, но в покушении на убийство признали подсудимых виновными.

Явно враждебные подсудимым судьи применили максимум наказания — семь лет тюремного заключения [1].

Адвокаты защиты полагают, что статья закона, определяющая этот размер наказания, применена неправильно и что максимум должно было принять пять лет заключения. На этом основании они подали кассационную жалобу. На какое время будет назначен новый разбор дела, мне еще неизвестно.

Мантов на суде не присутствовал, не желая вероятно выслушивать всего того, что адвокаты защиты имели сказать про него.

Примите и пр.

Вилламов.

---

[1] 18/6 июня Вилламов телеграфировал Гирсу: «Убийцы Мантова приговорены к семилетнему заключению. Вопрос о чьем-либо сообщничестве не был затронут».

XI

ПОКУШЕНИЕ НА НАЧЕВИЧА

Болгарский министр иностранных дел Начевич являлся одним из убежденных сторонников западной ориентации и одним из энергичных противников царской политики в Болгарии. Благодаря своим связям с турецкими правящими кругами и своей большой популярности в Болгарии он представлял фигуру крайне вредную и опасную для русской дипломатии в Болгарии.

В конце августа 1888 г. был отправлен из Одессы в Бухарест с русским паспортом болгарский эмигрант Киселев. 17/IX 1888 г. Киселев совершил покушение на Начевича. Покушение не удалось. Киселев был арестован. Находясь в заключении, Киселев получил от министерства денежную помощь в размере 200 руб. Освобожденный из тюрьмы, он был отправлен в Одессу.

Министерство еще раз выдало ему пособие в 200 руб.

№ 112. Донесение поверенного в делах миссии в Бухаресте директору азиатского департамента Зиновьеву

26/14 октября 1888 г.

М. г., Иван Алексеевич,

Я имел честь своевременно донести императорскому министерству о покушении, произведенном эмигрантом Киселевым на жизнь болгарского министра финансов Начевича[1]. Киселев, сделавший пять выстрелов из карманного револьвера на станции Баньяс, был немедленно арестован и препровожден в Журяевскую тюрьму, где и поныне ожидает суда. Тотчас по прибытии Киселева в Журяево из Рущука туда переправился прокурор с жандармами, и требовал выдачи преступника, в чем ему впрочем категорически было отказано. Дело Киселева будет рассматриваться быть может

[1] 17/5 сентября Ладыженский телеграфировал: «По полученным сведениям король отказал Начевичу в приеме. Проехав ввиду сего на Рущук, Начевич был сегодня ночью ранен в поезде близ станции Баньяс болгарским эмигрантом Киселевым, прибывшим из Одессы три недели тому назад с русским паспортом. Киселев арестован».

в экстраординарной сессии суда в октябре. Иначе оно будет отложено до конца будущего ноября месяца.

На-днях меня посетила жена Киселева, урожденная Филиппеско и принадлежащая по своему происхождению и родству к наиболее влиятельным домам Бухареста. Г-жа Киселева сообщила мне между прочим, что, по арестовании мужа ее, вопросом было, кого он знает в императорской миссии. На это Киселев отвечал, что из русских чиновников ему знаком только г. Львов, с которым он встретился однажды в провинции во время экскурсии, предпринятой этим молодым человеком. На сделанном в квартире Киселева обыске никаких компрометирующих его бумаг найдено не было. Все таковые, так же как имевшийся у него русский паспорт, своевременно были скрыты г-жей Киселевой. Таким образом деяние Киселева возможно будет защитникам его представить исключительно как дело личной ненависти к Начевичу без всякой необходимости замешивать для разъяснения дела посторонние влияния. Справедливо также заметить, что Киселев со своей стороны никого не компрометировал и повидимому намерен на суде в оправдание себя подробно выставить и доказать весь вред, который Начевич нанес как ему лично, так и Болгарии, за что он и намеревался умертвить его.

Г-жа Киселева, объяснив все вышеизложенное, передала мне написанное из Журяевской тюрьмы мужем ее прошение о пособии в размере 800 франков. Ввиду значительности этой суммы я не счел себя вправе выдать эти деньги полностью. Принимая тем не менее во внимание крайне затруднительное положение г-жи Киселевой и сдержанность ее мужа в показаниях, я выдал ей 200 франков, отнеся эту сумму на секретный расход. В то же время, во внимание к убедительным просьбам г-жи Киселевой, я согласился довести ходатайство ее до императорского министерства и испросить по вопросу этому надлежащие приказания.

Моя собеседница выражала между прочим надежду на полное оправдание Киселева, в случае если будущая палата, а впоследствии быть может и министерство окажутся консервативными и как таковые будут с меньшей, чем ныне, снисходительностью, чтобы не сказать сочувствием, относиться к установившемуся в Болгарии правительству и с большим равнодушием к его врагам.

В случае, если вашему превосходительству угодно было бы разрешить удовлетворить ходатайство Киселева, я поч-

тительнейше просил бы вас, милостивый государь, не отказать уведомить о сем вверенную управлению моему миссию.

Примите и пр.

Ладыженский.

№ 113. Письмо агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Зиновьеву

20/8 января 1889 г.

М. г., Иван Алексеевич,

Несколько дней тому назад прибыл в Одессу известный Симеон Киселев, покушавшийся на жизнь Начевича в Баньясах, близ Бухареста, и освобожденный журяевским судом от преследования, но затем высланный административным порядком, безо всякого повода, из пределов Румынии.

О прибытии Киселева в Одессу я был предуведомлен секретною телеграммою нашего поверенного в делах, в коей Н. Ф. Ладыженский просил меня об оказании Киселеву, как одному из самых добросовестных и энергичных деятелей болгарских, возможного содействия. Вследствие этой телеграммы, а также и из личных побуждений, ибо хорошо знаю Киселева и его жену около четырех лет, я поставил в известность о прибытии его г. одесского генерал-губернатора, который оказался вполне расположенным сделать все, дозволяемое законом, для свободного и спокойного пребывания Киселева в Одессе.

Но этою чисто формальною помощью дело повидимому не ограничится. Киселев признался мне, что на защиту и на разные расходы во время суда и следствия он (или, вернее, его жена, урожденная Филиппеско и родственница покойной м-м Оттетелешапо, которая завещала ей маленькое наследство) потратил в течение четырех месяцев до 8 000 франков, так что в настоящую минуту ему более, чем когда-либо, необходимо подыскать себе занятие, способное обеспечить ему и его семейству сносное существование в России. Но из числа вакансий, предоставленных болгарам губернаторами в силу циркуляра, нет ни одной подходящей. Кроме того, мне кажется, что немедленное зачисление Киселева на правительственную службу вряд ли было бы удобно. С этим следует, мне кажется, немного повременить, дав остыть негодованию, вызванному в западной печати оправдательным вердиктом журяевского суда.

Я позволяю себе держаться мнения, что наиболее осторожною формою содействия Киселеву было бы назначение

ему, наряду с прочими эмигрантами, ежемесячного пособия. При этом Киселев просит во внимание к большим расходам, понесенным им за это время, выдать ему субсидию, буде таковая ему будет назначена, и за те четыре месяца, которые он провел под следствием и судом. В случае, если императорское министерство признает возможным назначить Киселеву субсидию, я буду иметь честь покорнейше просить ваше превосходительство поставить меня о том в известность для зависящих сношений с председателем одесского славянского благотворительного общества, который не замедлит внести имя Киселева в ближайшую смету сумм, потребных на раздачу субсидий.

Пользуюсь случаем, чтобы сказать вашему превосходительству два слова про Тутманикова, об отправлении коего в Каир я имел честь ходатайствовать в моих донесениях за №№ 255 и 334 прошлого года. Он лежит при смерти, и доктор вчера объявил его жене, что надежды нет. Если азиатский департамент определит выдать ему хотя бы часть просимого им пособия, то деньги эти вероятно пойдут не на поездку в Каир, а на поездку на кладбище. Очень жалко его, он один из наиболее симпатичных болгар, и после смерти его вдова его останется безо всякой помощи с тремя детьми на руках, из коих двое от Тодорова. Нельзя ли будет хоть их пристроить в училище?

Здешние эмигранты до-нельзя смущены пришедшею вчера телеграммою, что их адрианопольские товарищи, поверившие стамбуловской амнистии, схвачены в Тарново-Сейменли и избиты. Грустное обстоятельство это, вполне подтверждающее соображения, изложенные в донесении моем за № 1, способно решительно отвратить болгар от какой бы то ни было попытки вернуться на родину. Ввиду сего вопрос о продлении или прекращении им субсидии представляется для них в высшей степени важным.

Примите и пр.

А. Путята.

№ 114. Письмо директора азиатского департамента агенту министерства иностранных дел в Одессе Путяте

11 февраля/30 января 1889 г.

М. г., Алексей Дмитриевич,

Письмом от 8 сего января[1], сообщая мне о прибытии в Одессу болгарского эмигранта Киселева, вы обратились ко

---

[1] См. № 113.

мне с просьбою о назначении ему, во внимание к крайне бедственному материальному положению, ежемесячной субсидии, со внесением названного эмигранта в списки лиц, получающих таковую из одесского славянского благотворительного общества.

Вследствие сего считаю долгом препроводить у сего к вам двести (рублей 200), каковые прошу выдать названному Киселеву в единовременное пособие, объявив ему при этом, что за крайним истощением имеющихся в распоряжении министерства иностранных дел средств на покрытие вызываемых болгарскою эмиграцией расходов министерство поставлено в необходмость отказать в разрешении выдавать эмигранту этому ежемесячное пособие и лишено будет также возможности оказать ему дальнейшую помощь.

Покорнейше прося вас, милостивый государь, уведомить меня о получении прилагаемых денег, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить вам уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Зиновьев.

XII

УБИЙСТВО БЕЛЬЧЕВА

Убийство болгарского министра финансов Бельчева было организовано центральным комитетом болгарской эмиграции совместно с российским министерством иностранных дел 15/III 1891 г. Убийцы, известный эмигрант Ризов и поручик Ножаров, скрылись на территории Сербии. Болгарское правительство предъявило Сербии требование о выдаче преступников и имело в виду задержать их во время их переезда в Одессу. Намерения болгарского правительства стали известны российскому министерству иностранных дел. Ризов и Ножаров были предупреждены и отправились в Одессу через Румынию. Однако на румынской территории они были задержаны. Российское министерство иностранных дел стало принимать меры к их освобождению. От сербского правительства оно добилось удостоверения о том, что во время совершения убийства Ризов находился в Сербии. Ввиду того, что Ножарова спасти таким путем не представлялось возможным, были приняты меры к организации побега арестованного. Румынское правительство освободило убийц, и они благополучно прибыли в Одессу. Ризов был поселен в Калуге и получал пенсию от министерства иностранных дел.

№ 115. Выписка[1] *из донесения консула в Призрене директору азиатского департамента Зиновьеву*

29/17 марта 1891 г.

Имею честь представить на благоусмотрение азиатского департамента «Краткую заметку о событиях в Болгарии» следующего содержания:

«Сегодня вечером, т. е. [27] 15 марта в 7½ часов, когда два министра, Стамбулов и Бельчев, возвращались домой, один человек приблизился к ним и сделал три выстрела из револьвера. Бельчев был убит на месте.

Приняты всевозможные меры к поимке убийцы, который, как говорят, был сопровождаем еще тремя другими товарищами».

---

[1] Выписка сделана составителем.

По многим признакам можно заключить, что намерение убийцы было уничтожить Стамбулова.

Убийство Бельчева кажется положит конец существующему анархизму, и Стамбулов должен будет отказаться от честолюбивой власти для восстановления нормального положения в стране.

А. Е. Лисицын.

№ 116. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе посланнику в Белграде Персиани

8 апреля/27 марта 1891 г.

Министерство внутренних дел предупредило Гагарина, что болгары собираются всеми мерами выхватить Ризова при следовании его на пароходе. Не имея средств серьезной защиты, Гагарин просит предупредить Ризова, если можно, телеграммой в догонку о грозящей ему опасности.

Путята.

№ 117. Донесение посланника в Бухаресте директору азиатского департамента Капнисту (№ 42)

17/5 апреля 1892 г.
Конфиденциально.

М. г., граф Дмитрий Алексеевич,

На этих днях мною получена была из Белграда секретная телеграмма, в коей действительный статский советник Персиани сообщал, что сербское правительство, постановившее удаление болгарского эмигранта Ризова из пределов королевства, обратилось через своего посланника к румынскому правительству, прося свободного пропуска Ризова через Румынию в Россию.

Вместе с сим мой белградский сотоварищ просил меня поддержать это ходатайство, вследствие чего я не замедлил официально войти о сем в сношение с местным министерством иностранных дел, которое сообщило, что королевское правительство признает пропуск Ризова неудобным, ввиду того, что в минувшем году лицо это было по постановлению совета министров выслано из Румынии. Я не замедлил уведомить о сем посланника нашего в Белграде. Соображения эти впрочем уже за несколько дней до того были сообщены господином Лаговари здешней Сербской миссии.

Примите и пр.

Хитрово.

№ 118. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

23/11 апреля 1891 г.

В Одессу прибыл болгарин Ангел Ангелов, один из четырех мнимых убийц Бельчева. Утверждает, что имеет настоятельную надобность конферировать с Людскановым по важнейшим делам.

Не соблаговолите ли Ваше сиятельство приказать запросить Людсканова, действительно ли там желательна поездка Ангелова в Петербург, и телеграфировать мне, должен ли я содействовать этой поездке[1].

Путята.

№ 119. Донесение агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

26/14 апреля 1891 г.

М. г., граф Дмитрий Алексеевич,

Характерным знамением времени в сфере болгарских дел является назначение главным руководителем поисков за исчезнувшими убийцами Бельчева одного из наиболее энергичных противников стамбуловской партии, бывшего софийского префекта, Христо Иванова.

Личность его весьма хорошо известна императорскому министерству по участию его в качестве сторонника оппозиционной партии в организации Силистрийского и Рущукского восстаний, а также последовавших за ними вспышек в различных местностях княжества и Восточной Румелии. Он был одним из важнейших информационных источников наших по делам Балканского полуострова и пользовался всегда большим доверием наших политических агентов.

Проживающий в Одессе майор Бахчеванов, состоящий ныне на нашей военной службе, принес мне сегодня для прочтения конфиденциально доверенное его передаче письмо не менее известного эмигранта Попова (по прозванию «Центрального») к Драгану Цанкову, в котором подробно рассказырает не подлежащие сомнению факты принятия Стамбуловым помянутого Иванова в число самых доверенных его агентов...

Дело, мне кажется, объясняется простым личным расчетом. Христо Иванов, жадный до денег, как и большинство

---

[1] 24/12 апреля Капнист телеграфировал: «Людсканов полагает, что Ангелов не имеет особенной надобности с ним видеться. Вы могли бы допросить его и сообщить письменно, если найдете нужным».

болгар того и другого лагеря, притом быть может и пытающийся ловким маневром забрать в свои руки порядочные секретные суммы, а вместе с тем стоял одною ногою в одном, а другою — в другом лагере, и постарается доставить торжество той партии, которая более представит ему материальных выгод.

Хитрости и ума у него, насколько я могу судить об его личных качествах, на это с избытком хватит.

Донесения из Румынии обнаруживают, вследствие чьего доноса были арестованы вчера в Краиове Ризов и Кристо Ножаров. Последний из них принимал в убийстве Бельчева непосредственное повидимому участие. Очень может статься, что справка по этой статье прольет некоторый свет на характер «розысков Иванова».

Примите уверения и пр.

П у т я т а.

№ 120. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

26/14 апреля 1891 г.

Колобков получил депешу, что Ризов и Кристо Ножаров арестованы в Краиове — просит, нельзя ли вступиться за них, ибо Ножаров будет наверное расстрелян [1].

П у т я т а.

№ 121. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

3 мая/21 апреля 1891 г.

Для спасения Ризова и Кристо Ножарова, которого не следует смешивать с Христо Ножаровым, имеющим дурную репутацию, прибывший сюда Цанков просит, нельзя ли предложить Персиани оказать зависящее содействие выдаче им сербским правительством удостоверения, что в день убийства Бельчева они находились в Сербии. Для перегово-

---

[1] Публикуемая в тексте телеграмма была послана в тот же день посланнику Хитрово в Бухарест. Последний телеграммой от 30/18 апреля отвечал:

«Всякое официальное представительство в данном случае неудобно. Тем не менее имею основание надеяться, что румыны Ризова и Ножарова болгарам не выдадут».

ров об этом с Пашичем отсюда послано доверенное лицо Боне Георгиев, который теперь должен находиться утром в Белграде.

Путята.

№ 122. Донесение агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

6 мая/24 апреля 1891 г.

М. г., граф Дмитрий Алексеевич,

Позволяю себе дополнить сообщенные мною в донесении от апреля[1] сведения еще несколькими фактами из новейшей хроники болгарских дел.

Христо Иванов, получивший от Стамбулова поручение изловить убийц Бельчева, избрал себе главною квартирою Турн Северин, откуда и делал частые экскурсии по прилегающим местностям.

Заодно с ним действовал и Радев, шнырявший почти по всей Румынии. По сведениям здешних эмигрантов они особенное внимание обращали на Краиов, часто приезжали туда и видимо кого-то там дожидались. Ваше сиятельство изволите помнить, что арест Ризова и Кристо Ножарова произошел именно в Краиове, так что сомнения в причастности к этому аресту Христо Иванова, на мой по крайней мере взгляд, почти быть не может.

Суммируя сообщаемые мне эмигрантами сведения, я вывожу заключение, что Ризов — главная сила, на которую они теперь надеются. Ему принадлежит исполняемый ими в настоящее время план и от него же они получают указание касательно всего, что должно быть изменено в этом плане применительно к течению обстоятельств.

Ризова я совершенно не знаю. Знаю только, что еще весьма недавно он искренно принадлежал к враждебной России клике, состоя в интимной дружбе с не менее его известным Петковым, редактором грозной газеты «Свирчо», на столбцах которой последовательно фигурировали в бессмысленнейших пасквилях и карикатурах имена всех до одного наших деятелей в Болгарии — от самых крупных до самых незаметных.

В настоящее время эмигранты сильно озабочены изысканием способов обезопасить Ризова и Ножарова от последствий ареста и для этого средство[2], по их мнению, доказательство их alibi (отсутствия. — *П. П.*) в день убийства Бель-

---

[1] См. № 119.

[2] Так в оригинале.

чева. Для этого им необходимо добиться выдачи сербским правительством удостоверения, что оба арестованные в Румынии лица находились в минуту софийской катастрофы в пределах Сербии. Пашич, относящийся весьма справедливо к проживающим на сербской территории болгарским эмигрантам, по его мнению, был бы в принципе не прочь выдать таковое, но может быть различные политические соображения помешают ему выступить официальным защитником обоих названных... [1].

С целью хлопотать за Ризова и Ножарова отсюда тотчас же по получении телеграммы об их аресте был отправлен недавно прибывший сюда из Афин болгарин Боне Георгиев. Последний лично мне еще неизвестен, но он пользуется большим доверием эмигрантов. Для успешного выполнения его задачи прибывший сюда третьего дня Драган Цанков убедительно просил меня отправить к вашему сиятельству мою секретную телеграмму от 21 апреля, так как без предварения имперского министерства о цели прибытия в Белград Боне Георгиева весьма могло бы случиться, что он встретил бы недоверие к себе со стороны имперской миссии в Сербии. Последнее, разумеется, крайне невыгодно отразилось бы на его успехе в переговорах с г. Пашичем.

Тем не менее нельзя не следить с некоторым сочувствием за поисками таких людей, как Ризов, изменивший установившийся ныне постыдный порядок вещей, так как прискорбные сообщения последних пяти лет достаточно выяснили, что в конце концов понятно, что прочного определения ему удастся достигнуть не иначе, как при условии полного духовного единения с Россией.

Примите и пр.

Путята.

№ 123. Донесение агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

10 мая/28 апреля 1891 г.

Граф Дмитрий Алексеевич,

Считаю долгом пояснить несколькими подробностями отправленную мною сегодня к вашему сиятельству секретную телеграмму по делу Ризова и Ножарова [2].

Оказывается, что если не трудно добиться выдачи сербским правительством удостоверения об alibi Ризова, то та-

[1] Слово неразборчиво.
[2] См. № 121.

ковое не может быть дано Ножарову, насчет присутствия коего в Сербии в день убийства Бельчева министерство Пашича не имеет достаточных доказательств. Поэтому пришлось оставить мысль об освобождении их этим путем. Зато явилась надежда достигнуть того же результата иными средствами.

В Турн-Северине имеется у эмигрантов весьма доверенная и безусловно расположенная в их пользу личность — это бывший офицер болгарской службы Стоян Тодоров, занимающий ныне место помощника агента гагаринского пароходного общества в названном порте. Этот Тодоров ездил в Краиову и подготовил возможность бегства (не без ведома, разумеется, местных румынских чиновников) обоих арестантов. Но на осуществление этого предприятия необходимы денежные средства в размере 4 000 франков, половина которых может быть уплачена лишь в случае успешного побега. Передать это известие в Одессу Тодоров поручил Бухтееву, заведующему нашим торговым складом в Бухаресте. Последний, пользуясь своим коммерческим положением, составил в весьма искусно подобранных выражениях торговую телеграмму на имя своей жены, содержащей пансион в Одессе, с просьбой передать ее Кривцову (имя которого тотчас сообщено было иносказательно).

Ко всем этим хитростям пришлось прибегнуть, так как есть веское основание опасаться, что румыны поддадутся давлению из Софии и быть может из Вены и выдадут их[1] болгарам.

Эмигранты уверяют, что выдача Ризова и Ножарова, особенно первого, будет страшным для них ударом. Они говорят, что в его лице сосредоточены все нити их действий. Если Ризов и Ножаров не будут освобождены тем или иным способом, то последние могут быть раскрыты при помощи пыток, которые практикуются теперь в Софии.

Кроме того он ценен им и как энергический инициатор. Словом, он для них теперь — все. Ввиду этих соображений я не решился отказать Кривцову в его просьбе передать о положении дела вашему сиятельству.

Примите и пр.

Путята.

---

[1] «Их» вместо зачеркнутого «обоих арестованных».

№ 124. *Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту*

10 мая/28 апреля 1891 г.

Кривцов получил от Бутеева следующую секретную телеграмму. Дело Ризова и Ножарова налажено, но для этого нужно 4 000 франков—2 000 вперед и 2 000 по их освобождении. Просит решить скорее. По последним известиям выдача их болгарам возможна.

Путята.

№ 125. *Телеграмма посланника в Бухаресте агенту министерства иностранных дел в Одессе Путяте*[1]

26/14 мая 1891 г.

Министр иностранных дел секретно сообщил мне, что, несмотря на все настояние Болгарии и Австрии, он решил не выдавать Ризова и Ножарова и предоставить им свободу покинуть Румынию[2].

Хитрово.

---

[1] 11 мая/29 апреля Капнист телеграфировал: «Персиани уведомляют, что румынское правительство согласилось на пропуск Ризова, который вероятно прибудет в Одессу. Снабдите его необходимыми деньгами на проезд в город Калугу, куда он должен отправиться, не заезжая ни в город Москву, ни в Петербург, на жительство, где будет получать ежемесячное пособие».

[2] В телеграмме от 9 июня/28 мая Путята сообщал Ладыженскому: «Ризов и Ножаров 4 дня тому назад прибыли в Одессу».

XIII

УБИЙСТВО ВОЛКОВИЧА

Болгарский полномочный министр в Константинополе Волкович, умевший поддерживать дружественные отношения с Турцией, с одной стороны, и с западноевропейскими дипломатами, с другой, являлся серьезным противником балканской политики царской дипломатии. Решение убить Волковича созрело еще в конце 1891 г.

В дело были непосредственно посвящены председатель центрального болгарского эмигрантского комитета Цанков, председатель одесского эмигрантского комитета Тяпков, председатель петербургского славянского благотворительного общества граф Игнатьев, русский посланник в Константинополе Нелидов и агент министерства иностранных дел в Одессе Путята.

В ноябре 1891 г. были отправлены из Одессы в Константинополь бывший болгарский дипломат Станчев и работавший в политической агентуре российского министерства иностранных дел болгарин Тюфекчиев (он же Иван Христов), сумевший в известный момент войти в доверие к болгарскому правительству.

Проведя в Константинополе необходимую подготовительную работу, Станчев и Тюфекчиев вернулись в Одессу.

8/II 1892 г. из Одессы были отправлены в Константинополь болгарские эмигранты Орловский и Дражев, которые и осуществили убийство Волковича. При содействии Нелидова убийцы скрылись на русском пароходе, который отвез их обратно в Одессу.

Поднятый в прессе в связи с убийством шум и опубликование фамилий убийц побудили царское правительство принять срочные меры к сокрытию следов убийства. Одесскому градоначальнику было предложено, снабдив Тюфекчиева чужим паспортом, отправить его в Симбирск, а остальных разыскать.

№ 126. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

28/16 февраля 1892 г.

Орловский и Дражев прибыли в Одессу. Во избежание излишних разговоров между эмигрантами полагаю совершенно необходимым удалить их временно из Одессы. Есть возможность сделать это так, что они сами не будут подо-

зревать постороннего участия в их судьбе. Прошу издержать на это до 100 рублей [1].

Путята.

№ 127. Письмо посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

3 марта/20 февраля 1892 г.
Весьма секретно.

Г-н министр,

Наряду с получением официального извещения об убийстве Волковича я к несчастию принужден вам рассказать интимную историю, но с просьбой, чтобы все то, что я вам расскажу, осталось в абсолютном секрете.

Об этой печальной истории никто не должен знать кроме вашего превосходительства, конечно если вы не найдете нужным доложить о ней его величеству императору или дать ей законный ход.

По своей жестокой манере и зачастую вероломным обращением с эмигрантами Волкович действительно нажил среди них большое количество врагов.

Дело заключается в том, что две или три недели тому назад некий Дмитрий Орловский, машинист, который учился в России и служил на Южной железной дороге, представил мне заявление, говоря, что он прибыл некоторое время тому назад из России с двумя своими компатриотами [2] Дражевым и Сендроподарис, чтобы совершить патриотический акт, но преследуемые неудачами они пришли просить меня о помощи.

Я конечно отказался... [3] но вот после совершения преступления драгоман посольства Майков доложил мне взволнованно, что Орловский и Дражев пришли к нему и сообщили, что это именно они убили Волковича и что после этого они провели ночь на борту нашего парохода, который должен был отходить на следующий день в Одессу, но так

---

[1] Такое разрешение было дано директором департамента полиции Дурново в телеграмме от 29/17 февраля.

Позднее, 6 марта (23), из министерства иностранных дел одесским градоначальником была получена следующая телеграмма:

«Благоволите немедленно арестовать проживающих в Одессе болгар Тюфекчиева, Орловского и Дражева, подозреваемых в убийстве Волковича. Последние двое прибыли в Одессу с паспортами русского консула в Константинополе от 13 февраля.

Арест означенных лиц хранится в строгом секрете. О последующем телеграфируйте срочно».

[2] Соотечественниками.

[3] Пропуск в подлиннике.

как капитан отказался их принять без паспортов, они просили получить им какие-нибудь документы, чтобы иметь возможность спастись в Россию.

Мой первый ответ на эту просьбу было приказать им немедленно покинуть здание посольства, которое не могло служить прибежищем убийцам, и это было сделано под угрозой в случае непослушания передать их полиции.

Но через некоторое время Майков пришел сказать мне, что два бывших здесь болгарина были посланы комитетом эмигрантов в Россию с целью укрыться там. Они по жребию были назначены совершить убийство.

Воспользовавшись карнавалом, на котором можно было прогуливаться замаскированными, они, будучи переодетыми, дождались возвращения Волковича домой, и, настигнув его, Орловский, чтобы скрыть подозрение, уже создавшееся во всей Турции, воскликнул: «Вот месть за честь моей жены!» И тут же его убил.

Я себе представляю то огромное впечатление, которое произвела бы новость об аресте убийц, посланных конспирацией, созданной в России людьми, которые принимались в высших сферах Петербурга.

Необходимо было немедленно принять какое-либо решение, так как каждый потерянный час мог бы стать фатальным. Тотчас же я принял решение послать через наше генеральное консульство капитану парохода «Царь» телеграмму: «Пропустите Орловского и Дражева», датированную предыдущим днем, как будто они выехали до совершения убийства.

Я надеялся сокрытием этого дела избежать ужасную историю для государства.

Это было единственным соображением, которое руководило мною, и я, когда об этом думаю, что если бы это произошло еще раз... то я поступил бы именно таким образом.

Никаких следов убийства не было найдено до сих пор, но вот вдруг появилось известие, что предлагается вознаграждение в размере 500—1000 фунтов за открытие убийства... Но, если укажут на Орловского и Дражева, что нам делать?

Мой совет — их арестовать немедленно в Одессе и судить в России, если достаточные доказательства их виновности будут предъявлены. Во всяком случае, если вдруг возникнет дело до того, как вы еще не дадите какого-либо распоряжения посольству, то я считаю, что турецкая полиция по-

требует обратно двух болгар. Телеграфируйте немедленно одесскому губернатору об их аресте и задержке до нового распоряжения.

Если же преступление не будет раскрыто розыском, который производится здесь и в Софии, я был бы такого мнения, что арестованных в Одессе послать в административном порядке с одним из наших почтовых пароходов Добровольного флота в Сибирь[1].

Что касается нас, то удаление их положит конец всякой возможности поисков и разоблачения, и таким образом положение вещей приобретет законный характер.

Но во всяком случае необходимо срочно предупредить прежде всего Станчева, предупредив его молчать и не рассказывать никаким корреспондентам, чтобы неосторожным словом с его стороны не повредить нашему положению, которое чрезвычайно затруднительно и щекотливо.

У меня в посольстве только три лица замешаны в это дело и находятся в курсе всего.

Я жду с нетерпением вашего разрешения, как мне действовать.

Примите и пр.

Нелидов.

№ 128. Телеграмма[2] посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

5 марта/22 февраля 1892 г.
Весьма секретно.

На следствии об убийстве Волковича один из арестованных показал, что убийцы по имени Орловский и Дражев прибыли из Одессы по поручению некоего Тюфекчиева. Зная доподлинно, что это действительно правда, и находя необходимым немедленным задержанием виновных положить предел всяческим нелепым рассказам и обвинениям, убедительно прошу скорейшего распоряжения об аресте в Одессе Тюфекчиева, а также Орловского и Дражева, выехавших туда [25] 13 февраля с паспортами, выданными им здешним консульством накануне, равно и приказания держать их в секрете до дальнейших распоряжений. Подроб-

[1] В подлиннике помета Александра III: «Мне кажется, что лучше было бы послать их обоих во Владивосток».

[2] На подлиннике рукой Гирса написано: «Осмеливаюсь испрашивать приказания вашего величества снестись с министром внутренних дел согласно телеграммы Нелидова».

Рукой Александра III написано: «Хорошо».

ности для вас однако в секретном письме, которое получите во вторник.

Прошу немедленного извещения о совершении ареста и строжайшей тайны о всем этом крайне важном деле, о котором представлю тогда дальнейшие соображения.

Нелидов.

№ 129. Телеграмма одесского градоначальника министру внутренних дел Шебеко

7 марта/24 февраля 1892 г.
Срочная.

Тюфекчиев сейчас заключен в тюрьму. К розыску остальных приняты энергичные меры. Замедление в исполнении поручения обусловливается необходимостью соблюдения строгой тайны.

Зеленый.

В тот же день Шебеко отвечал Зеленому: «Тюфекчиева снабдите паспортом на чужое имя и в сопровождении полицейского чиновника отправьте тайно в Симбирск, где за ним будет учрежден полицейский надзор без права отлучек. Телеграфируйте, на какую фамилию будет выдан паспорт. Дражева и Орловского — в случае обнаружения — тайно арестуйте и телеграфируйте».

№ 130. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

Петербург 8 марта/25 февраля 1892 г.

Градоначальнику предписано арестовать Орловского, Дражева и Тюфекчиева. Первые два выбыли из Одессы. Тюфекчиев у нас не значится. Вместо него арестовано лицо, имеющее паспорт на имя Ивана Христова. О присутствии Тюфекчиева говорят только какие-то газетные сплетни, копия «Свобода». Нельзя ли на основании недоказанного тождества и алиби Христова освободить его, оставив под надзором полиции?

Путята.

№ 131. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

11 марта/28 февраля 1892 г.

Считаю моим долгом почтеннейше изложить мое личное мнение: про арест Христова, хотя и произведенный с пред-

осторожностями, проведали все эмигранты, и я боюсь, что они разнесут рассказы о нем гораздо далее их тесного круга.

Предстоящий же отвоз его в сопровождении полицейского во внутренние губернии, причем предстоит трогательная сцена с матерью его, потерявшей одного сына и трепещущей за другого, сделается предметом самых нежелательных толкований и догадываний. В результате это мероприятие произведет удручающее впечатление на преданное России население Болгарии и будет истолковано нашим недоброжеланием, которое наверное про него узнает через своих шпионов в смысле укрывательства[1].

Нельзя ли отправить его на ближайшем французском пароходе «Массежери», прямо в Марсель. Он человек толковый и сам понимает серьезность своего положения. Если это скромное мнение мое удостоится высоким вниманием вашего величества, то распоряжение должно бы последовать в скорейшем времени, ибо завтра в 11 часов вечера он будет отвезен[2].

Путята.

№ 132. *Телеграмма*[3] *директора департамента полиции одесскому градоначальнику Зеленому*

Благоволите телеграфировать, исполнено ли все, что следовало, по делам товарища министра Шебеко[4].

Дурново.

№ 133. *Телеграмма посла в Константинополе агенту министерства иностранных дел в Одессе Путяте*

18/6 марта 1892 г.

Болгарское правительство прислало сюда сыщиков для розыска убийц Волковича. Некоторые из них предназначе-

---

[1] Так в оригинале.

[2] «Дальнейшее пребывание Тюфекчиева в Одессе немыслимо и удаление его требуется ходом дела об убийстве Волковича», — отвечает директор азиатского департамента на просьбу Путята. — «Мера эта должна вместе с тем служить полезным предостережением для болгарских эмигрантов, принимающих участие в преступных действиях. Можете передать матери, что секретное удаление ее сына требуется также его безопасностью».

[3] Дата отсутствует.

[4] «Все исполнено согласно распоряжения товарища министра. Тюфекчиев снабжен паспортом на имя Федора Андреева-Анастасиева», — телеграфировал градоначальник 15/3 марта 1892 г.

ны для Одессы. Обратите внимание полиции на отправившихся вчера на русском пароходе турецких подданных Николу Понина — 23 лет и Иоана Чернокова — 24 лет, из которых последний болгарин из Филиппополя и вероятно поехал в Одессу с целью шпионства в среде болгарских эмигрантов.

Нелидов.

№ 134. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

18/6 марта 1892 г.

Во вторник выехал в Петербург Шишманов, секретно отправленный послом из Константинополя. Пребывание его в Одессе сделалось неудобным вследствие разоблачения местными газетами. Я выдал ему бесплатный билет и необходимую сумму денег на дорогу. Известие посла, что в Константинополе скрывается еще два сообщника Тюфекчиева.

В случае доставления их в Россию удобнее всего было бы применить к ним способ, уже примененный мною с успехом к Орловскому и Дражеву. В таком случае распоряжение министерства должно бы последовать заблаговременно, ибо я с послом по телеграфу не могу снестись, дабы не возбудить подозрение турок.

Путята.

№ 135. Телеграмма директора департамента полиции агенту министерства иностранных дел в Одессе Путяте

19/7 марта 1892 г.

В случае прибытия в Россию упомянутых вами заподозренных лиц, с ними будет поступлено так же, как и с Тюфекчиевым, высылка коего из Одессы была необходима для его же пользы.

Дурново.

№ 136. Письмо агента министерства иностранных дел в Одессе одесскому градоначальнику Зеленому

18/6 марта 1892 г.

Милостивый государь, Павел Алексеевич,

Считаю долгом доложить вашему превосходительству следующее: капитан Бахчеванов сообщил мне, что Ризов ввел раскаявшегося (по их мнению) Бошкова во все секреты тюфекчиевского предприятия, и так как Бошкову нельзя про-

живать ни в Румынии, ни в Сербии, ни в Турции, то по высадке его в Болгарии ему, как лишенному средств к жизни, придется пойти на компромисс с болгарским правительством, причем весьма вероятно, что этот человек сомнительной нравственности выдаст Стамбулову имена многих, пока еще свободных, участников тюфекчиевской группы. В предупреждение этого нового для них удара он предоставляет весьма желательным разрешением этого вопроса — оставление Бошкова в России. Со своей стороны я не беру на свою ответственность высказаться в этом деле в какую-либо сторону.

Все, чем мог бы послужить вашему превосходительству, это отправление шифрованной телеграммы в министерство иностранных дел с изложением вышеупомянутых соображений.

Пусть в Петербурге решат, как поступить с Бошковым. Если ваше превосходительство полагает это полезным, то я мог бы составить и нашифровать эту телеграмму еще сегодня вечером, но ответ во всяком случае не может быть послан ранее двух дней, так как для этого необходимо будет переговорить с Цанковым и Станчевым.

Весь вечер я буду или дома или в Английском клубе.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

Путята.

№ 137. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

27/15 марта 1892 г.

Высылка Бошкова предстоит в субботу. Капитан Бахчеванов, опасаясь, что, озлившись на нас, он передаст болгарам все секреты Ризова, Кривцова и графа Игнатьева, просит градоначальника лучше оставить его в России. Я не разделяю этого опасения, ибо не знаю, насколько разоблачение действий Ризова могло бы касаться нас, притом же Бошков всегда может сделать это и из России. Все-таки до субботы могли бы получить окончательные указания.

Бошков, бывший сопаджи, да и сам Ризов личности весьма темные и освободиться от них было бы желательно.

Путята.

№ 138. Письмо посла в Константинополе одесскому градоначальнику Зеленому

4 апреля/23 марта 1892 г.

Милостивый государь, Павел Алексеевич,

Глубоко признателен вашему превосходительству за любезное сообщение сведений о ходе дела указанных мною подозрительных путешественников Черниколева и Паника; имя первого было мне дано, хотя и в искаженном виде Чернакова, как шпиона болгарского правительства, посланного в Россию для наблюдения за эмигрантами и, если можно, для их преследования. Но так как мне сказано было, что таковых лиц в Одессу отправлено два, то я по аналогии указал и на Паника. Но гораздо важнейшим этих двух представляется мне указываемый вами в последнем письме Георгий Иванов. Весьма желательно было бы отыскать его след и строго за ним наблюдать.

Мне остается высказать вашему превосходительству несколько соображений относительно прибывших в Одессу Орловского и Дражева и проживавшего там Тюфекчиева. Первые два, как вам вероятно известно, суть вероятные убийцы Волковича. Последний как подстрекатель, их к тому побудивший. Турецкая и болгарская полиция уверены, по письмам, в виновности Тюфекчиева, приезжавшего в Константинополь осенью с целью подыскать убийцу для Волковича. Участие Орловского и Дражева им совершенно неизвестно, хотя и может каждую минуту быть ими открыто. Нам без сомнения невозможно передать в их руки этих лиц, так как тут начался бы целый ряд открытий и клевет, крайне для нас неприятных, во многих отношениях неудобных. Но опять покровительствовать преступникам и позволить им спокойно проживать под нашим покровительством и чего доброго затевать новые убийства кажется мне немыслимым. Нам, с другой точки зрения, необходимо рассеять невыгодные для нас по этому поводу в Европе нелепейшие обвинения. Вот почему я просил распоряжения министерства о задержании Орловского и Дражева, о взятии под надзор полиции Тюфекчиева. Если бы виновность их была ясно установлена здешним следствием, мы поставлены были бы в необходимость судить их у нас, где они вероятно были бы оправданы или приговорены к самым легким наказаниям. Но во всяком случае я считаю необходимым, чтобы они лишены были свободы и хотя бы в некоторой степени искупили свое преступление. С этой целью я посчитал необходимым воз-

можно скорейшее их арестование, предание суду, если на то решится или встретится надобность, и высылка в более отдаленные места жительства. С Тюфекчиевым это уже сделано, но остается задержать Орловского и Дражева, и я удивляюсь, что их до сих пор не могут отыскать. Их убежище должно бы быть известно эмигрантам. Затем и самое гнездо интриг и замыслов последних мне представляется подлежащим разрушению рассылкою самих эмигрантов по разным концам России, где они могут спокойно проживать, ожидая изменения к лучшему в своем злосчастном отечестве. Нам от них только скука.

Вот, многоуважаемый Павел Алексеевич, взгляд мой на болгарских эмигрантов и причиненные мною вам по их поводу хлопоты. Еще раз приношу вам искреннюю благодарность за ваше любезное сообщение, прошу ваше превосходительство принять уверения в искреннем уважении; преданный вам

Нелидов.

№ 139. Письмо директора азиатского департамента агенту министерства иностранных дел в Одессе Путяте

5 апреля/24 марта 1892 г.

Милостивый государь, Алексей Дмитриевич.

Имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, уведомить меня в скорейшем по возможности времени, в каком размере и за какое время получил пособие от славянского благотворительного общества в Одессе болгарский эмигрант Тюфекчиев.

Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Граф Дмитрий Капнист.

№ 140. Письмо агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту

9 апреля/28 марта 1892 г.

М. г., граф Дмитрий Алексеевич,

Вследствие секретного предписания от 5 апреля/24 марта с. г. за № 198 имею честь донести вашему сиятельству, что болгарский эмигрант Наум Тюфекчиев (он же Иван Хри-

стов) получил от славянского благотворительного общества пособие в размере 25 руб. в месяц, перед высылкою его из Одессы ему было выдано одновременно за два месяца вперед, т. е. по апрель включительно, и сверх того 15 руб. на покупку некоторых необходимых ему для путешествия вещей, а всего 65 руб.

Примите и пр.

Путята.

XIV

ПОДКУП ЦАРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ БОЛГАРСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ (Др. ЦАНКОВА и др.)

Авантюры царского правительства в Болгарии опирались на определенную группу болгарских политических деятелей, в русофильской активности которых немалую роль играл непосредственный подкуп. Как писал в 1888 г. Цанков, деятельность внутренней оппозиции происходила при «моральном и, главное, материальном содействии» царского правительства (см. № 159). Драган Цанков, возглавлявший эту группу, о которой можно условно сказать, что она отражала интересы крупной торговой и ростовщической буржуазии, по нашим документам находился на содержании русского министерства иностранных дел с 1885 г. Далее из года в год повторяются сообщения об отпуске ему денежных сумм. В списках получавших русские деньги фигурируют непосредственно и его сподвижники—Бурмов, Балабанов, затем военный министр Николаев, министр внутренних дел Маджаров и др.

Эти данные шли непосредственно через агентов русского министерства, шли также через разных посредников, вроде турецкого купца Папазьяна.

В настоящем разделе собраны соответствующие наиболее яркие документы.

№ 141. Телеграмма[1] *дипломатического агента в Софии министру иностранных дел Гирсу*

31/19 августа 1886 г.

Арестованный Бурмов ходатайствует о признании его русским подданным на основании прошения, поданного им императорскому министерству [16] 4 марта с. г.

[Богданов.]

---

[1] На подлиннике рукой Александра III написано: «Это едва ли возможно, потому что он был министром последнего временного правительства. Спасти его нужно».

№ 142. Письмо[1] болгарского министра Бурмова коллежскому асессору Богданову

Секретно.

Многоуважаемый Павел Генрихович!

Завтра я выезжаю из Константинополя для следования чрез Адрианополь и Филиппополь в Софию. Газету начнем издавать, как только получится известие, что министерство одобряет предположения наши, что, вероятно, будет не раньше как через месяц, время, как раз нужное для подготовления в Софии.

В случае надобности я буду писать вам из Софии под именем Богдана Стоянова, или просто Б. Стоянова. Письмо буду отправлять через верного мне болгарина в Константинополе, который будет надписывать его на ваше имя и сдавать на русскую почту, но не будет писано не моей рукой[2] и не будет иметь обычных в начале обращений по имени, дабы таким образом не могли догадаться в случае вскрытия кому и кто пишет.

При сем позволяю себе покорнейше просить вас сообщить послу, по вашем возвращении из Адрианополя в Константинополь, что мне возвращено русское подданство, и устроить в Петербурге, чтобы министерство отправило ему официальную о сем бумагу. Как я уже вам говорил, я объявляю, что мне снова даровано русское подданство только в случае крайней нужды в защите.

Примите уверение в моей глубокой преданности и отличном уважении

Ф. Бурмов.

№ 143. Телеграмма посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

2 января 1887 г./21 декабря 1886 г.

Вызов Цанкова состоялся с нашего ведома. Цель его узнать, при каких условиях оппозиция могла бы войти в соглашение с нынешними болгарскими правителями и для составления смешанного правительства ввиду избрания Мингрельского.

Мало надеясь на практический успех, считаю однако прибытие сюда Цанкова ввиду нравственного впечатления, которое оно произведет на Европу и регентство, полезным

---

[1] Дата отсутствует. Документ относится к сентябрю 1886 г.

[2] Так в оригинале.

и на оппозицию, которая им ободрится. Пока Цанков отклоняет приглашение под предлогом боязни за свою безопасность по возвращении из Константинополя.

[Нелидов.]

№ 144. Телеграмма[1] *посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу*

3 января 1887 г./22 декабря 1886 г.

Один из болгарских эмигрантов, богатый казанлыкский торговец и наш приверженец Папазооглу, уверяет, что главные распорядители регентства Попов и Николаев, женатые на двух сестрах, его дальних родственницах, остаются во власти лишь из-за денег, опасаясь перемены правительства быть привлеченными к ответственности за беззаконные поступки.

Если обеспечить им состояние и безопасность, они были бы готовы оставить власть и удалиться или перейти на сторону оппозиции. Для этого нужно бы обещать Папазооглу в случае успеха возвратить затраченную сумму около 4 000 лир. Дело велось бы им самим от своего имени без всякого с нашей стороны участия. Личность и прошедшее Папазооглу внушает доверие[2].

Нелидов.

---

[1] На оригинале имеется помета рукой Гирса: «Папазооглу действительно нам известен за человека вполне надежного».

[2] В телеграмме от 10 января 1887 г./29 дек. 1886 г. Нелидов сообщал Гирсу, что «Папазооглу вполне соглашается с необходимостью купить ценою предлагаемых денег не удаление лишь упомянутых личностей, а переворот, имеющий привести к свержению нынешних правителей Болгарии, и соглашение влиятельных военных с вождями преданных России политических партий страны».

Для исполнения своего обязательства перед русским посольством Папазооглу в январе месяце отправляет из Константинополя в Софию для переговоров с военным министром Николаевым свою жену, которая являлась родственницей министра.

Последний о сделанном ему предложении перейти на сторону оппозиции за 4 000 турецких лир вознаграждения поставил в известность своих коллег — членов болгарского правительства, — вследствие чего г-жа Попазооглу была арестована. При опросе она призналась в том, что целью ее поездки был подкуп военного министра Николаева деньгами, полученными от русского посольства, впоследствии же она старалась опровергнуть вмешательство русского посольства (см. *С. Радев*, Строители современной Болгарии, т. II, стр. 671.

9*

№ 145. Выписка[1] из депеши российского консула в Адрианополе министру иностранных дел Гирсу

20/8 января 1887 г.

В прошлый понедельник проехал чрез город в Константинополь г. Цанков. Я имел случай с ним встретиться и подробно разговориться.

Зачем его вызвали в Царьград, он сам еще не знал. Сначала приглашение послал ему великий визирь, но он не соглашался ехать до тех пор, пока его г. Хитрово не уверил, что русское правительство одобрит эту поездку.

Г. Цанков не верит, чтобы нынешние регенты и правители добровольно согласились оставить свои места. По его мнению, если даже и представилась бы какая-либо возможность освободить Болгарию от настоящих деятелей и власть перешла бы в руки оппозиции, то и тогда сомнительно, чтобы можно было сформировать сносное правительство. В стране деморализация во всех отраслях дошла до таких пределов, что даже в самой оппозиции нет наличного материала для составления правительства, которое могло бы повести страну по пути истинных интересов славянства на Балканском полуострове. Г. Цанков думает, что главный источник всего зла заключается в конституции. Единственный же путь к спасению Болгарии — оккупация.

Что же касается соединения, то он не одобряет его в том виде, как оно было санкционировано на константинопольской конференции, т. е. в форме личной унии. По мнению его, если полное соединение невозможно, гораздо предпочтительнее оставить Румелию под управлением отдельного генерал-губернатора, как то было до переворота 6 сентября. На вопрос мой: как отнесется он к весьма возможному предложению со стороны великого визиря составить смешанное министерство с целью совместного урегулирования болгарского вопроса, Цанков отвечал: «Поистине предложение такое на мой взгляд будет более чем странно, ибо это все равно, что ничего не предлагать. Если одну минуту допустить, что настоящие правители готовы отказаться от служения интересам злобствующей Англии и вероломной Австрии в ущерб России и всему славянству, и начать действовать согласно взглядам русского правительства, то в таком случае, к чему прибегать к составлению смешанного министерства?»

---

[1] Выписка сделана составителем.

Вот каково мнение Цанкова относительно настоящего положения дела.

Лишин.

№ 146. Выписка[1] из частного письма бывшего городского головы в Бургасе Дмитрия Бракалова российскому консулу в Адрианополе Лишину

21/9 января 1887 г.

Страна наша переживает самые тяжкие времена под управлением регентства, которое продолжает политику Баттенберга. Все усилия избавиться от этих авантюристов и негодяев оставались до сих пор тщетными; каждая попытка оппозиции свергнуть правительство стоила ей очень дорого. А между тем гонения, притеснения, истязания, убийства — словом, в полном смысле инквизиция царит в Румелии. Стамбулов и К° добились полной анархии в стране. Армия окончательно деморализована, офицерство упало, казна пуста, народ в крайней нищете, общий застой в торговле; страшный голод не заставит себя долго ждать. Таково положение страны, которая еще полтора года тому назад была в цветущем состоянии.

В настоящее время в Адрианополе собрались почти все румелийские деятели: бывшие директора — Хаканов, Маджаров, Бобчев, председатель постоянного комитета Гешев, затем много офицеров и других чиновников.

Надежды на восстановление нашего влияния или на свержение настоящего правительства у нас нет. Частные же вспышки, устраиваемые эмигрантами-офицерами в Шумле, Рущуке, Бургасе и т. д., успеха иметь не могут, так как население в них не принимает никакого участия. Но вероятно настанет скоро конец его долготерпению.

Во всяком случае, по нашему глубокому убеждению, единственный путь к спасению нашей несчастной страны — русская оккупация, но не временная, не для свержения лишь настоящих заправил, а долгая, семилетняя по крайней мере, ибо русским необходимо будет перевоспитать целое поколение. Мы хорошо знаем, что русское правительство не имеет в виду оккупации; мало того, оно считает ныне ее невозможной; но пройдет немного времени, и Россия силою вещей будет приведена к необходимости предпринять занятие страны; в этом отношении она встретит полное сочувствие народа. Ни новые правители, ни новый князь, ни

---

[1] Выписка, сделанная в министерстве иностранных дел. На документе имеется помета Александра III: «Грустно, печально».

изменения конституции не выведут страны из настоящего кризиса. Только в одной оккупации мы видим спасение, и напрасно русское правительство откладывает ее. До меня дошли слухи о новом готовящемся восстании в Ески-Загре; но, как я вам уже сказал, мы значения этим восстаниям не придаем. Эта бесплодная борьба с анархистами лишь ослабляет силы здравомыслящей части населения.

№ 147. Обращение представителей болгарской оппозиции к Александру III[1]

14/2 апреля 1887 г.

Нижеподписавшиеся, болгарские эмигранты, осмеливаемся почтительнейше просить ваше высокопревосходительство[2] повергнуть к стопам его императорского величества русского императора и нашего царя-покровителя нижайшую просьбу удостоить милостивейшим своим вниманием следующее изложение положения вещей в нашей родине, избавленной кровью и жертвами русских и рискующей ныне опять стать жертвой иностранной интриги и врагов славянства и православия.

Ваше высокопревосходительство, всеизвестны и свежи последние события, окровавившие Болгарию и ввергшие ее в безысходное и несносное положение, и мы считаем излишним о них распространяться. Да будет нам позволено напомнить только, что эти события окончательно и самым очевидным образом доказали невозможность водворения порядка и мира внутренними силами Болгарии, как и вообще невозможность мирной развязки болгарского кризиса. Лжерегенты и заправилы Болгарии показали, что они вовсе не думают о благе страны, а все их заботы обращены исключительно к тому, как бы не лишиться власти и всех ее благ и корыстей как для себя лично, так и для своих приверженцев. Нынешние болгарские управляющие, поддерживаемые в своих диких и произвольных действиях иностранными дипломатическими внушениями, поставили себе конечной целью, несмотря на какие бы то ни было жертвы, сделать возможным торжествование антиславянской, освященной Баттенбергом, политики, столь гибельной для истинных интересов Болгарии.

Ввиду этого заправилы Болгарии, как это доказано недавними переговорами между оппозицией и регентством, не согласились на мирное разрешение вопроса, парализующее

[1] Сохранен стиль оригинала.
[2] Препровождено Нелидовым.

мало-мальски эту политику; они не приняли предложения о смешанном министерстве с русским генералом — военным министром, не приняли предложения о нейтральном правительстве — комбинации, единственно возможные поддержать между существующими в Болгарии партиями равновесие сил и порядок. Они, словом, не приняли ни одного из этих предложений о миролюбивом разрешении кризиса, так как каждое из оных могло ослабить власть ныне управляющих и лишить их благ и корысти оной.

За мирными неудавшимися переговорами оставалось обратиться к насильственному низложению регентства. Движения, явившиеся в разных пунктах Болгарии, доказали, к несчастью огромного большинства народа, что болгарские управляющие решены не уступать даже перед поголовной резней и самыми ужасными междоусобицами. И действительно, дикие неистовства, убийства и ужасные мщения, к которым прибегли управляющие для подавления последних движений в Рущуке, Силистрии и пр. и для терроризирования населения, вообще превзошли самых кровавых башибузукских расправ прошлого времени. Эта короткая расправа и террор не могли не повлиять на дух населения. Тут необходимо прибавить, что народ с некоторого времени лишился своих вождей. Все мало-мальски видные граждане и военные люди, не сочувствующие лжерегентству и его политической деятельности, поставлены в абсолютные невозможности сделать что-либо для облегчения этого положения. Многие находятся в изгнании или в бегах, на чужбине — каковые и мы, и не могут возвратиться; оставшиеся же в Болгарии и Румелии — настоящие мученики — подвергаются постоянно разнообразным гонениям и истязаниям с целью окончательного истребления оппозиции и подавления народного, властвующим противного духа.

Ваше высокопревосходительство, в заключение вышесказанного, мы позволяем себе думать, что во всяком случае Болгария не может выйти из этого несносного и отчаянного положения без внешней поддержки и силы. Эта поддержка и сила для нас только в одной России. К августейшему всероссийскому монарху, царю-покровителю Болгарии, обращены в настоящее время взоры миллионного болгарского народа, точно таким же образом, как и десять лет тому назад, накануне освободительной войны.

...Ваше высокопревосходительство, оккупация Болгарии русским необходима, неизбежна. Она так неизбежна, как была и последняя освободительная война. Если славянству

и православию нужно рассчитывать и на существование Болгарии, то надо поспешить и возможно скорее вырвать ее из этого гибельного и убийственного положения. Оккупация необходима не только с политической точки зрения, но еще и для того, чтобы избавить Болгарию от нравственно-растлевающего и деморализующего социального порядка, постепенно водворяющегося в Болгарии: под сенью и милостию ныне правящей разбойничьей и радикальной шайки и благодаря безгранично свободному режиму и радикальной конституции, социальная деморализация и нравственный разврат распространяются не по дням, а по часам. Крайние идеи, отрицание всего во всех его формах, безбожие, анархия, убийства и злодеяния с лжепатриотическими целями находят себе благодарную жатву в Болгарии и поддержки в единственно дозволенных издаваться официальных и официальным органам радикального лжеправительства. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, что эти проповеди перешли уже за стенами начальных и средних учебных заведений и несчастная молодежь уже увлечена оными, и деморализация ее началась. Каковое же будет социальное положение страны, когда эта молодежь, развивая свои знания все по тому же пути, выйдет из школы в жизни с идеями безбожия, отрицания, анархии?

Для освобождения Болгарии как от политической гибели, так и от социально-нравственной деморализации нужно, смеем думать мы, сделать радикальный переворот, внести новые основания государственной жизни и восстановления полного порядка в обществе и строжайшей дисциплины в школах. Эти же радикальные меры немыслимы без русской оккупации, так как мы уже сказали, что внутренний переворот окажется безуспешным, всякие же решения, имеющие целью компромисс, послужат только паллиативами и не приведут к уврачеванию тяжелого и хронического недуга Болгарии.

Ваше высокопревосходительство, существует только одно средство для того, чтобы приостановить развитие зла, пока еще возможно это, и таким образом избавить Болгарию от безысходного положения как в политическом, так и в социально-нравственном отношении, выгнать из нашего отечества чужеземную интригу и гибельное влияние, столь много повредившие нашим отношениям к России, восстановить и пересоздать освобожденную дорогими жертвами и искупленную русской кровью Болгарию и сделать возможным торжествование славянского дела и православия. Это

средство — русская оккупация. Болгарский народ ждет оную с большим нетерпением, потому что он видит только в ней свое избавление. Блистательным доказательством наших слов послужит всеобщий восторг, с которым народ встретит водворяющие мир и порядок в стране войска освободительницы и покровительницы — России.

При этом покорнейше просим, ваше высокопревосходительство, принять выражение чувств отличнейшего уважения, с которым честь имеем быть вашему высокопревосходительству покорнейшие слуги.

Пп. Гешев, Бобчев, Маджаров, Цанков, Бурмов, Бракалов, (остальные подписи неразборчивы).

№ 148. Телеграмма посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

24/12 апреля 1887 г.

Меня посетил прибывший сюда из Белграда Цанков. Он возвращается на этих днях в Белград, откуда вследствие происшедшей в Сербии перемены ему ныне удобнее действовать.

Пребывание же его в Бухаресте было бы сопряжено с некоторыми неудобствами. Цанков передал мне общие соображения по болгарскому вопросу с просьбой представить их вашему высокопревосходительству, что исполняю почтою, так как нет ничего спешного.

[Хитрово.]

№ 149. Депеша посла в Константинополь министру иностранных дел Гирсу

21/9 июля 1887 г.

Вашему высокопревосходительству угодно было в ответ на секретный запрос мой от [10 июля] 28 июня [1] известить меня телеграммою от [12 июля] 30-го июня [2], что вы не изволите считать удобным перенесение деятельности болгарской эмиграции в Сербию, где министерство Ристича и без того поставлено в довольно затруднительное положение. Я не замедлил сообщить этот взгляд Цанкову, которого происшедший в Болгарии выбор князя и перемена министерства ставят, равно как и эмиграцию, вообще в довольно затруднительное положение.

---

[1] В делах б. министерства иностранных дел не обнаружен.

[2] В основном изложена публикуемым документом.

Со своей стороны Стоилов и К° весьма естественно стараются их туда заманить, но наиболее опытные из вожаков оппозиции предвидят, что более однородное нынешнее правительство еще с большею ловкостью и безнаказанностью, чем прежнее, станет употреблять террор для подавления всяких проявлений противодействия его власти.

Потому явилось мнение начать действовать извне, из Сербии, ибо ни здесь, ни в Румынии почва недостаточно благоприятна для подготовления какого-нибудь внутреннего переворота в Болгарии.

Но Цанков вследствие моих указаний об опасности затруднять положение Ристича решился, прежде чем что-либо предпринять, войти с ним в переписку.

Между тем, несмотря на происшедшее в Тырнове, стоящие у власти болгаре чувствуют все более и более невозможность итти далее без поддержки России. Так, Стоилов стал недавно окольными путями искать сближения со мной и передавать мне уверения в своем желании удовлетворить Россию, прося возможности присылки русского агента, с которым можно было бы притти к соглашению.

Сомневаюсь, что Стоилов мог, да и искренно желал взять почин к исполнению этой программы.

Примите и пр.

Нелидов.

№ 150. Телеграмма[1] первого секретаря миссии в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

26/14 июля 1887 г.

По последним известиям, в Болгарии нужно ожидать крупных событий. Регенты не смогли вернуться в Софию, ибо софийский гарнизон за Николаева; они отправились в Варну. По слухам, Стамбулов и Живков арестованы в Варне. Говорят, Стамбулов будет убит. Между Рущуком и Софией многочисленные вооруженные шайки; сообщения почти прерваны. Разумеется, за достоверность этих сведений, сообщаемых приезжими, не ручаюсь. Знаменательно отсутствие уже 3-й день телеграмм из Болгарии.

[Вилламов.]

[1] На подлиннике помета рукой Александра III: «Чем хуже в Болгарии, тем лучше».

№ 151. Выписка[1] из письма Д. Цанкова председателю славянского благотворительного общества в Одессе А. А. Кривцову

Адрианополь 7 декабря/25 ноября 1887 г.

Достоуважаемый Александр Александрович,

Подтверждаю последнее свое письмо от 5 декабря/23 с. м. касательно приезда в г. Одессу Стоилова. Любезное ваше письмо от 3 декабря/21 я получил.

Телеграммы вашей о том, чтобы сообщить Боянову не ехать в Одессу, я не получил, что удивило не только меня, но и г-на Неклюдова, который лично принес мне последнее ваше письмо и принял на себя труд навести надлежащую об этом справку.

И без вашей телеграммы капитан Боянов решил было не ехать в Одессу, так как, как я вам уже писал (28) 16 с. м., он приготовляет свою чету и не позже будущей недели он будет опять на болгарской территории.

Полагаясь на ваши уверения, что в скором времени мне будут высланы средства, я занял на краткий срок у известного вам здешнего банкира нужные на вышесказанную цель суммы, которые вручил Боянову, так что в случае, если в скором времени не получу ожидаемых средств, буду поставлен в очень трудное положение не только в отношении занятой до сих пор суммы, но и в отношении дальнейшей моей деятельности здесь.

Сообщил я Боянову писанное о нем. Он остался глубоко тронутым выраженными вами чувствами и надеется удастся ему в скором времени оправдать как хорошее мнение, которое все мы имеем насчет него, так и большие надежды, возлагаемые нами на него.

Надеюсь, что вам удалось уже видеться и согласиться с г. Гартвигом, потому что нельзя медлить приготовлениями к делу, ввиду того, что оно зреет очень быстро. Так например, на-днях, прибежало в Адрианополь около 40 эмигрантов крестьян, которых, будь средства у нас, вооружили бы и отправили бы в княжество, для того, чтобы тревожили правительство. Надо ли припоминать еще о недоразумениях между болгарскими заправилами и их сторонниками, делающих момент очень удобным для действия.

Капитан Македонский, находящийся в вашем городе, напоследок с своим письмом от [27] 15 обратился, через посредство зятя моего г-на А. Людсканова, ко мне и высказывает мнение, что теперь надо произвести революцию в

[1] Выписка сделана составителем.

Болгарии, и то с помощью минимум 3 000 русских добровольцев, решивших жертвовать жизнью. В ответ сообщаю ему сегодня один план для действия, который можно резюмировать в нижеследующем: переворот можно сделать в Болгарии всегда, и народ его ожидает с нетерпением, лишь бы было тридцать человек болгарских эмигрантов, военных или гражданских, решивших умереть, которые, выбрав себе по одному для каждого района от территории Болгарии, вторгнутся каждый с составленной им своей дружиной из 10—20 чел. добровольцев (волонтеров) болгар или русских. Эти дружины будут действовать сначала как гайдукские четы, то в одной, то в другой местности, а под конец совместно и в связи друг с другом.

Притом сказал, в дополнение, г-ну Македонскому, что если будет возможно найти этих 30 воевод, я уверен, что удастся достать и материальные средства в размере 5 000 турецких лир для вооружения 30 чет (шаек) из 20 чел. каждая.

В заключение, предложил я, посредством капитана Македонского, находящимся в России болгарским офицерам обсудить этот план и в случае, если они его одобряют, а не имеют возможности достать вышеозначенные средства, пусть они обратятся для совета к вам или ко мне.

С некоторого времени получаю правильно газету «Киевское слово». В уверенности, что это вы распорядились, чтобы мне ее посылали, выражаю вам свою благодарность за эту любезность.

Ваш Д. Цанков.

№ 152. Письмо редактора газеты «19 февруарий» коллежскому советнику Гартвигу

1 января 1888 г./20 декабря 1887 г.

Ваше превосходительство,

Начатое мной два месяца тому назад сообщение известий по нашим болгарским делам я не успел продолжать вследствие чрезмерного накопления работы по изданию газеты «19-й февруарий». Я был буквально завален денонощной работой, и я вас прошу соблаговолить извинить это только кажущееся намерение. В последнее же время я не знал, где вы находитесь. Капитан Бахчеванов мне писал, что вы были в Белграде и что намеревались поехать через Бухарест в Одессу. Я просил в Одессе и в П-бурге, дабы известить меня о вашем местонахождении. Сегодня получил от

капитана г. Вазова письмо с означением вашего адреса. Поэтому спешу обратиться лично к вам. Не хотелось через Бухарест, так как на четыре мои письма не имею от Густава Викт-ча никакого ответа.

Но между тем я написал доста[точно] подробно Александру Ал-чу[1] в Одессу, и, думаю, он вам сообщил.

А теперь вот в коротеньких чертах вся суть дела.

В конце м. февраля тек. г. его в. превосходительство Михаил Александрович[2] благоволил, ради издания г. «9 августа» и личного содержания моего и гг. Д. Попова, Г. Великова и С. Байчева разрешить месячную субсидию в 2 500 фр. золотом. В месяце июне, когда я и г. Попов начали издавать здесь в Т. Северине вторую газету «19-й февруарий», оставшиеся при г. «9 августа» г. Великов и Байчев согласились с нами, чтобы разделять пополам отпускаемую сумму. Но потому, ввиду некоторых затруднений из...[3] встречаемых нами в Бухаресте, особенно же вследствие младческого самоупования мы, опять согласно с браиловскими собратиями, предложили новую сделку, т. е. чтобы отпускали на обе газеты только 1 500 фр., для каждой по 750 фр. месячно. По этой сделке мы бы имели получить с м. июня по м. декабрь включительно — 4 500 фр. Итак все наши долги числятся на: 1 800 фр. зол. и 1 380 фр. сер. Ваше превосходительство! Со всех сторон получаю письма и отзывы самых прискорбных чувств по поводу прекращения газеты. Просят не унывать и хлопотать, дабы было вспоможено мне, так как газета сделалась самой полезной необходимостью, особенно же ввиду предстоящих событий. Капитан Вазов в сегодняшнем письме восклицает: «Николай Генрихович пратен ьам от бога в тия тежки времена».

Я вас прошу и заклинаю всей чистотой сердца одушевленного за общее славянское дело ратника и страдальца — избавить меня и г. Попова из непосильного положения, избавить вместе с тем и дело многополезной газеты. Вообразите себе только, что г. Попов принужден посылать мне из Белграда нефранкированные письма, и пишет, что только раз в день обедает... Прошу распорядиться, если возможно даже по телеграфу, о немедленном вспоможении; еще прошу, опять если возможно, устроить так, чтобы не имели денежных отношений с Бухарестом. Для нас это наказание.

---

[1] Александр Александрович Кривцов.

[2] Михаил Александрович Хитрово.

[3] Слово не разобрано.

Прошу передать самое почтительное поздравление вашей госпоже, а вас прошу принять самые глубоко искренние уверения о ненарушимой моей преданности и неослабшей готовности для борьбы.

С. Н. Мыларов.

№ 153. Записка, составленная в министерстве иностранных дел[1] Гирсу

После того как Г[артвиг] разрешил выдать Д[рагану] Цанкову сумму, необходимую для дела, З[иновьев] отправил следующую телеграмму Нел[идову] в Константинополь:

«Согласно доставленным из Одессы сведениям Цанков занял пятнадцать тысяч франков на известные предприятия эмиграции. В случае справедливости этих сведений, благоволите объяснить Цан[кову] что выдача эта будет уплачена из болгарского фонда. Деньги будут отсюда посланы по вашему требованию».

№ 154. Памятная записка, доставленная г. Др. Цанковым[2] Гирсу

11 января 1888 г./30 декабря 1887 г.

I. Отпускать мне:

а) в месяц двести пятьдесят (250) турецких лир на содержание внутри Болгарии агентов, эмиссаров, курьеров и семейств тех лиц, которые находятся в чете Боянова;

б) одновременно тысячу (1 000) лир турецких для сформирования и вооружения других чет со стороны Турции.

II. Пятнадцать тысяч (15 000) франков, полученных мной от посольства, израсходованы уже по сформированию и вооружению четы Боянова[3], состоящей из семидесяти человек. Эта чета перешла в Болгарию часть (около 50 чел.) через Бургас, а часть (около 20 чел.) через Адрианополь. Она будет разделена на несколько частей под командами Боянова, Набокова, Горанова, Дражева, Поп-Капичича и др.

Д. Цанков.

---

[1] Дата отсутствует.

[2] Заголовок подлинника. Рукописная копия. Препровождена в министерство иностранных дел Нелидовым.

[3] К слову «Боянова» сделана ссылка — под текстом рукой Гирса написано: «Этого никак не следовало ему делать». К заметке Гирса Александром III написано: «Конечно».

№ 155. Письмо б. военного министра Болгарии Маджарова Д. Цанкову[1]

11 февраля/30 января 1888 г.

Уважаемый господин Цанков,

Прежде чем изложу вам сведения, которые я должен был собрать в Одрине по эмигрантским делам, я считаю долгом остановиться на один очень важный вопрос, который часто был задаваемым некоторыми искренными друзьями Болгарии, с разрешением которого можно будет определить, какими средствами возможно отстранить болгарского кризиса... Имея ввиду, что какой бы план не принять для действия отправления шайки в Восточной Румелии, было бы от большой важности, я занялся вопросом о доставлении им оружие и об отправлении их туда. Могу с вероятностью утвердить, что без больших затруднений могут быть куплены 150—200 ружей Мартини по 100 патронов и приблизительно таково число людей есть, которые желают вступить в Болгарию. При входе в Болгарии состав шаек не надо превышать числа 20—25 человек, и предпочтительно было бы прорваться через границы единовременно. Если их задача будет действовать не для вызывания общего восстания в стране, для низвержения правительства, а как шайки, которые будут стараться подкапывать власть правительства и препятствовать ему в исполнении его функции, то в таком случае офицеров не нужны, в противном случае при каждой шайке нужно офицера. Сумма на совооружение так шаек будет

За 200 ружей по 4 т. л.	800
За приготовление 200 человек и др. расходы на человек по 4 т. л. . .	800
Итого	1 600 турецких лир

По моему мнению, эта сумма может быть поверена г-ну Карамихайлову. Вышеозначенная сумма может быть покажется вам очень большая, но при условиях, при которых будет совершена покупка или подготовление людей, невозможно действовать так, как бы действовало данное правительство. Надо предполагать, что можно случится растрата незначительной суммы без пользы, - лишь бы приготовить все во-время. Желательно было бы иметь эту сумму в конце месяца (февраля) и если было бы возможным послать ее сразу, пока я нахожусь в Адрианополе, чтобы избегнуть лишней переписки.

[1] Сохранен стиль оригинала.

Деятельность определенных в каждом департаменте корреспондентов не принесла ожидаемых результатов по следующим причинам: 1) определенные лица в Филипповском и Татар-назарджинском округе не могли отправиться на назначенные места, ибо турецкие власти не позволяют им ехать туда; 2) курьеры, через которых имела быть отправляема корреспонденция нашим приятелям внутри в Болгарии, недостают по неимении средства для их поддержки, а . . .[1] сами не могут входить в область; 3) до моего прибытия в Адрианополе некоторые из корреспондентов думали, что с отправлением Боянова в Болгарии все наши прежние наставления отменяются, вещь очень безосновная; 4) агенты во всех округах не назначены по тем же самым причинам, как корреспондентов. Так как неизбежно нужно держать население всегда на . . .[2] и подготовлять его к общему восстанию, то как курьеры, так и агенты нам будут очень нужны, и чувствуется неминуемая нужда назначить 7 курьеров и 12 агентов (для Филиппопольского и Татарназарджиского округов не могу вам определить точно их число, так как не знаю мнение надлежащих корреспондентов). Из агентов можно предполагать, что четыре из них как люди зажиточные не будут нуждаться в поддержке. Сумма, которая будет нужна для каждого месяца, следующая:

За 7 курьеров по 5 т. л.	35
» 8 агентов » 3 » »	24
Итого . .	59
Если прибавите за Филиппопольский и Татар-назарджинский округа по 5 курьеров 6 агентов	43
Итого . . .	102 турецкой лиры

30/18 января находились в Адрианополе 53 души эмигрантов кроме греков, число которых невозможно было узнать точно, так как некоторые из них зачисляются в Одринский округ и теряют эмигрантский характер, и кроме тех болгарских эмигрантов, которые остались по селам близ границы, следовательно и о их численности не можно иметь точный список. Из вышеозначенных 53 душ, поименный список о коих я препровождаю вам, из них только 10 душ

[1] Пропуск в оригинале.

[2] Пропуск в оригинале.

получают помощь, остальные находятся в крайней нищете 2 января 1888/22 декабря 1887 г. им было роздано 15 турецких лир единовременная помощь, и с тех пор они ничего не получали. Здесь я напомню вам, что, когда прежде 3 месяца мы размышляли о подобрании положения эмигрантов в Турции, их число тогда равнялось не 40 душ, теперь только в одном Адрианополе находятся столько и даже выше этого числа и всякий день прибывают новые. Последние особенно для сожаления. Они покидают свои дома без никаких средств, блудят по несколько дней и даже неделями в крае и под конец решаются перейти в Турцию, куда попадают в руки пограничной стражи и бывают отправляемы Мустафа-паше и оттуда в Одрин. И если никто не узнает о их прибытии и не представится кто-нибудь поручителем для их, их арестуют и они остаются несколько дней в остроге. При их освобождении из тюрьмы они не имеют ни гроша прокормиться хоть на один день. По моим исследованиям для каждого эмигранта нужно по 1½ тур. лиры в месяц. Если было бы лето, эти люди могли бы найти себе работу и не нуждаться в пособии, но так как теперь зима, то человеколюбие требует помочь им с пособием по крайней мере на 2 месяца.

Итак на 41 эмигранта по 1½ т. л. в месяц, за 2 месяца 123 л. При этом количестве надо прибавить 20—30 т. л. для новых эмигрантов, которым следует хоть маленькая помощь.

В последнее время замечается стремление у солдат дезертировать из войска. Что касается до турок и греков они давно упражняют это, и в течение целого года можно насчитать 150 дезертиров, это стремление замечается теперь и у болгарских солдат. Я думаю, что это можно употребить в нашу пользу, но я не решился попробовать и употребить меры для их привлечения, так как и без них находящиеся в Адрианополе эмигранты нуждаются в корке хлеба. Существует мнение между некоторыми из офицеров-эмигрантов, что нам не следует под никаким предлогом не подстрекать на дезертирство, потому что эти солдаты, которые покинут ряды войска, будут нам более полезные, если они останутся в Болгарии. По моему мнению, это может быть верным до некоторой степени и то только для офицеров и фельдфебелей, т. е. для тех, которые более развиты и в случае похода они могут понять, против кого их ведут и против кого они будут стрелять, но что касается простых солдат, они редко могут оценить, когда наступит момент взять инициативу, и

кроме того они трудно могут сговориться между собой. Все почти поддерживают, что частные предприятия вредны до известной степени, что неуспех обескураживает оппозицию внутри Болгарии, но, по-моему, самый большой вред и самое большое обескуражение является тогда, когда какой-нибудь простой инцидент налагает конец на всякую дальнейшую деятельность. Если бывают избиты 10—20 или арестованы 40—50 душ, инициаторы как будто спускают свой последний патрон, поднимают руки и готовы ликвидировать предприятия.

Такая деятельность имеет следующие печальные последствия:

1) дается повод правительству думать, что с одним ударом оно может раздавить все затеи своих неприятелей; 2) пропадают без следствия все предприятия, которые были косвенно связаны с инцидентом или неудачей и 3) население заключает, что поборники против правительства столь мало средств имеют для действий, что, как только явится какая-нибудь неудача, они ретируются с поля битвы. Я уверяю вас, что если спросите кого-нибудь из деятелей 19 февраля, лишь бы он был серьезно посвящен в дела, он ответит вам, что вместе с рущукской неудачей пропало только 1/3 предприятия, а 2/3 пропали по причине минутного разбежания дейцев[1] находящиеся вне Болгарии. Деятельность по болгарским делам не может быть ограничена только с целью низвержения настоящего правительства и с верованием, что, если какая-нибудь шайка успеет забрать какого-нибудь города, кризис решается. Я думаю, что если по причине ограниченных средств невозможно в скором времени постичь конечную цель, то не следует бросать или прервать свою деятельность и с этим давать возможность нынешнему правительству крепнуть в своем положении, а вместе с этим давать причину населению разочароваться в своих надеждах. Для решительности оппозиции суть только две дороги для работы: конституционный и революционный. Первый, как и выше сказал, закрыт, кроме если примиримся с князем Фердинанде, если откажемся, короткое время, от самых святых традиций болгарского народа и если решимся ждать летами. По настоящему сказать одно хорошее слово для русских вы будете подвергнуты на истязание в тюрьмах или убиты на улицах.

Революционный почин надо быть постоянный и без пе-

[1] Дейцы — руководители.

рерыва, тогда только можно ожидать пользы для общего дела. Говорят, что все неудачные попытки повредили очень на благоприятный исход болгарского кризиса. Это верно только тогда, если предположим, что эти частные попытки были бы сгруппированы и сделаны сразу, но поддерживать что без ними болгарский вопрос находился бы на лучшую основу, чем теперь, это значило бы не быть знакомым с слабостями и добродетелью Болгарии и с стремлением тех военных и гражданских лиц, которые попали на власть в Болгарии. Преследование на всего того, что русское; объявление военного положения в крае; уничтожение печати; учреждение палочников и введение в систему террора — суть вещи, которые существуют в Болгарии до появления Боянова с шайкой, до руссчукской революции, до перущенской демонстрации и, если хотите, даже [22] 9 августа — низвержение Баттенберга. До сих пор я не видел никого, кто бы доказал, что если не сделал бы ни одна из этих попытках, то русское влияние восстановлено было бы до... в Болгарии, или русские требования имели бы вес перед болгарами или иностранными. Для большей ясности, что я вам сказал до сих пор, я считаю за нужным сделать сокращения.

Для успешного низвержения правительства и его заменение с другом, которое ввело бы порядок в стране, востановило бы русское влияние, нужно: 1) Приготовление народное восстание, которое надо быть подкрепленным одним отрядом из русских и болгар не менее 2000 человек. Для избежания же разногласия и для успеха предприятия, во главе этого отряда надо назначить русского. А если возможно, постараться приобрести на свою сторону некоторые гарнизоны. Немножко раньше для восстания, впустить в 15—20 пунктов маленькие шайки, которые будут иметь за цель смутить правительства и удержать гарнизонов на их месте. Крестьянское население, которому нам надо вполне надеяться, привыкло быть управляемое другим, без появления внешней силы, оно не восстанет, а чтобы поднять его, это дело возложится тайком.

Без внешней силы, я уверен, что никакой гарнизон не восстанет, нам не надо верить на их обещания, потому что гарнизоны только тогда присоединятся к нам, когда увидят, что мы имеем силу. В таком случае мы должны прибегнуть только до сформирования шаек. Если будет отпущено 1 600 т. л., то можно с этих денег сформировать в Адрианополе 8 шаек по 25 человек в каждой. И если деньги будут отпущены теперь, то их можно сформировать до 1 апреля.

Для поддержки эмигрантов до весны нужно 150 т. л. кроме тех, которые теперь отпускаются.

И если будет принята идея для общего восстания, к вышепоказанной сумме нужно прибавить еще 306 т. л. для поддержки курьеров и агентов на 3 месяца.

Итак, расходы, которые нужны для общего восстания, или по крайней мере, что касается до его подготовления в Восточной Румелии, кроме тех расходов, которые появились бы впоследствии от разработки плана, суть следующие:

За вооружение и приготовление шаек . л. т.	1 600
Для поддержки эмигрантов до весны	150
» агентов и курьеров за 3 месяца	306
Непредвиденные	50
л. т. . .	2 106

Может быть я зашел в своем письме дальше, чем позволяется в подобных случаях, но так как предмет очень важен и так сложен, что нуждается от разъяснения более сведующего и опытного человека, чем меня, по этому дел.

Ваш преданный

М. М. Маджаров.

№ 156. *Телеграмма посла в Константинополе министру иностранных дел Гирсу*

16/4 августа 1888 г.

Редактор «Тырновской конституции» Илья Георгиев прибыл сюда с письмом от Никифорова[1]. Он объяснил, что по полученным им письмам из Киева от офицера Ванкова, которому 6 июля писал Кухта, их газете была обещана помощь в размере до 4 000 франков в месяц. Мне о том послана телеграмма. В настоящее время вследствие преследования правительства, которое заключило в тюрьму редактора Славейкова, редакция задолжала больше 8 000 франков и ходатайствует о присылке этих денег, а равно и обещанной субсидии — всего около 12 000 франков. Время для борьбы самое благоприятное. Не имея об этом никаких сведений, я прошу скорейших указаний, ибо Георгиев спешит обратно.

Нелидов.

[1] К письму Никифорова (б. военного министра в кабинете Стамбулова) была приложена справка о размере субсидий для болгарской оппозиционной газеты «Тырновская конституция».

№ 157. Справка о размере субсидии для газеты «Тырновская конституция»

Самый необходимый размер поддержки для одной только нашей газеты был бы достаточен в 2 000 франков в месяц, но, взяв во внимание сделанные долги по изданию газеты за истекшие месяцы, за которые так или иначе обещивалась[1] помощь то с одной, то с другой стороны; приняв в соображение, что для продолжения издания газеты необходимо на не особенно выгодных условиях обеспечиться типографией, специально или главным образом для печатания нашей газеты в столице; желая при этом послать агентов по провинции для распространения газеты и создания хоть какой-нибудь организации оппозиции, а также начать издание еще одной или двух газет в провинции, было решено, что необходим тогда тот размер одновременной помощи, который был сообщен г. Георгиевым. Надо взять во внимание при этом и то обстоятельство, что состоятельных людей, могущих целые годы жить из собственных доходов или средств и бороться за свои идеи с правительством, очень мало в Болгарии. Необходимо по временам поддерживать средствами по крайней мере некоторых из агитаторов и постоянно работающих в газете, которые, будучи вне службы уже третий год, совершенно издержались и принуждены искать частные занятия и работы для поддержания существования своих семейств.

Никифоров.

№ 158. Отношение первого секретаря в Константинополе в канцелярию министерства иностранных дел Гирсу

2 сентября/22 августа 1888 г.

Препровождая при сем письменную справку, доставленную при письме гражданина Никифорова о размере субсидии для болгарской оппозиционной газеты «Тырновская конституция», канцелярия императорского посольства имеет честь покорнейше просить канцелярию приложить означенную справку к депеше г. посла от 18/30 августа за № 124.

Вестман.

№ 159. Выписка[2] из записки Д. Цанкова о положении дел в Болгарии

27/15 ноября 1888 г.

Причину болгарского кризиса, тревожащего европейский мир вот уже три года и пагубно отзывающегося во всех

[1] Так в оригинале.

[2] Выписка сделана составителем.

отношениях на благосостоянии страны, освобожденной Россией ценою потоков крови и колоссальных денежных затрат, нужно искать не во внутренних партийных распрях, а во внушенных извне мыслях в полезности прекращения традиционных братских и исторических связей с Россией и замене их австро-венгерским влиянием.

Нельзя удивляться тому, что в Болгарии подобная чудовищная мысль приобрела некоторую почву, если мы припомним всем известные семилетние непрестанные и растлевающие козни и интриги первого болгарского князя, Александра Баттенбергского, который, домогаясь возможности составить правительство, враждебное России, сеял повсюду раздор и разврат, так что даже духовенство, этот ближайший и самый мощный защитник блага населения, не в состоянии ныне возвысить свой голос, как возвышало его во времена турецкого владычества каждый раз, когда представлялась явная необходимость энергического устранения какого-либо зла, грозящего церкви и религиозно-нравственным стремлениям населения.

Но как бы то ни было, Болгария управляется в настоящее время при посредстве насилий правительством с незаконным князем во главе. На первый взгляд кажется, что это правительство может быть низложено только путем внешнего вмешательства. Однако, при более внимательном ознакомлении с положением вещей в стране и строгом соображении всех обстоятельств, при которых означенное незаконное правительство стоит у кормила правления, нельзя не притти к непременному выводу в возможность его низвержения и другим путем. Насилие и постоянный гнет, с какою бы целью они ни применялись, не могут не стать, рано или поздно, совершенно ненавистными для закабаленного населения; далее нужно иметь постоянно в виду, что означенное правительство в интересах удержания власти в своих руках пользуется для производства насилия услугами элементов, исходящих из самого народа, вообще крайне враждебно расположенного к узурпаторам, и наконец, в стране есть тысячи более или менее жестоко поплатившихся болгар за свое сочувствие к России, готовых всегда противодействовать этому правительству.

Принимая в соображение вышеизложенное, нельзя не согласиться, что в самой стране существуют все данные, для того, чтобы можно было надеяться на окончание кризиса без внешней вспомогательной силы, но, однако, отнюдь не без внешнего морального и, главное, материального содействия.

Обращаясь к элементам, долженствующим главным образом способствовать к завершению кризиса, мы укажем на:

1. Эмигрантов численностью около 500 человек, рассеянных по разным государствам.

2. Все духовенство.

3. Большое число чиновников и учителей или добровольно ушедших в отставку, не желая служить правительству, враждебному России, либо уволенных правительством от службы за свои симпатии к России.

4. Тысячи избитых, ссылавшихся и содержавшихся в тюрьмах и наконец

5. Громадную народную массу, всегда возлагавшую все свои лучшие упования и надежды на Россию.

Чтобы не ходить далеко, приведем в пример последние два месяца. В этот промежуток времени представлялись два случая, которые легко способствовали бы удалению из страны принца Кобургского, но которые остались без последствий, потому что со стороны России не было оказано никакой помощи. Два месяца тому назад трое из высших болгарских офицеров, а именно майоры Саввов, Паприков и Паница (товарищ военного министра, начальник Софийского военного училища и председатель главного военного суда), недовольные по разным причинам принцем Фердинандом, повели пропаганду среди корпуса офицеров об его изгнании из Болгарии и просили некоторых сторонников в России из граждан рассылать эмиссаров по всей стране для подготовки населения к имеющим разыграться событиям. Означенные гражданские лица обратились ко мне за денежною помощью для нужд эмиссаров. Я вынужден был отказать им, потому что не к кому мне было обратиться за такой помощью.

Другой случай. Известно, что в народном собрании есть довольно сильная оппозиция против правительства, но она не может принести пользы, если не будет в состоянии увлечь за собою большинство депутатов; а это легко можно было бы допустить, обеспечив депутатам получение депутатских денежных ассигнований за время их полномочий, так как Стамбулов не преминет их лишить этого в случае, если бы им не удалось свергнуть его. Я вынужден был и в этой денежной сумме отказать обращавшимся ко мне из Софии.

Казалось бы, что достаточно ясно видно из изложенного, как велика была бы выгода от пользования непрерывными сношениями между Россией и Болгарией для благополучного разрешения болгарского кризиса. Каков должен быть

способ передачи вспомоществований и каковы органы, через посредство которых следует вести переговоры, — эти вопросы могли бы быть легко разрешены сообразно обстоятельствам. По моему мнению, более подходящим и целесообразным было бы, если бы императорским правительством отпущена была бы определенная денежная сумма для этой цели на имя одного или нескольких лиц, русских, которые пользовались бы как полным доверием, так и полномочием императорского правительства.

Помощь эта вскоре принесла бы плоды. Если в настоящее время при самых неблагоприятных обстоятельствах оппозиция, забитая и покинутая своею покровительницей Россией, потеряв всякую надежду на содействие императорского правительства, возвышает свой голос в среде заседающего в Софии народного собрания, вотирует открыто, не страшась преследований,—примирение с Россией, требует сочувственного России адреса, то каков был бы подъем духа всех недовольных, если бы они чувствовали, что за ними стоит существенная покровительница славян, поощряющая и ободряющая их в достижении целей, указанных болгарам самим императорским правительством.

Примите и пр.

Д. Цанков.

№ 160. Записка, составленная в российском министерстве иностранных дел Гирсу

14/2 декабря 1888 г.

Бывший редактор двух приостановленных оппозиционных болгарских газет «9 августа» и «19 февраля» в сообществе с некоторыми другими лицами возымел мысль основать новый политический орган с целью защиты славянских интересов на Балканском полуострове по программе, соответствующей указаниям и взглядам императорского правительства.

Лица эти предполагают издавать болгарскую газету в Бухаресте, где им обещана нравственная и материальная поддержка со стороны некоторых влиятельных политических деятелей из партии консерваторов.

Дабы дать газете наибольшее распространение, предполагается включить в нее отдел на сербском языке, коим будет заведывать небезызвестный императорскому величеству сербский публицист Узелец.

Для осуществления этого проекта редактора обращаются с ходатайством о выдаче им одновременного пособия до

5 000 франков на приобретение типографии, принадлежащей газете «19 февраля» и купленной одним румынским негоциантом в Бухаресте при распродаже имущества редактора Мыларова.

Обращаясь с таковыми ходатайствами, названные лица выразили желание, чтобы в случае удовлетворения их просьбы сумма эта была передана им по возможности самым секретным образом, дабы отклонить всякое подозрение болгарских заправил, что проектируемая газета субсидируется русским правительством.

№ 161. Депеша посланника в Бухаресте министру иностранных дел Гирсу

4 июля/22 июня 1889 г.

Милостивый государь, Николай Карлович,

Приезжавший сюда на этих днях из Белграда исключительно для свидания со мною г. Цанков представил мне г. Станчова, присланного к нему в качестве уполномоченного от его единомышленников в Болгарии для переговоров с ним и для обсуждения и изыскания средств поднятия духа и оживления оппозиции.

Я имел с гг. Цанковым и Станчовым продолжительные беседы, о содержании коих долгом считаю подробно донести вашему высокопревосходительству.

По словам уполномоченного главного комитета народной партии г. Станчова, деятельность противников принца Фердинанда и его правительства совершенно почти прекратилась. Организация партии крайне слаба. Отделения комитета в провинции или расстроились, или вовсе не собираются, или ограничиваются лишь простою передачею сведений о происходящем. Активной деятельности никакой не существует. Печатных органов за исключением еженедельного бесцветного журнала «Напред», выходящего в Филиппополе, оппозиция совсем не имеет. Со времени протеста, поданного блаженному Иосифу софийскими гражданами по поводу столкновения болгарского правительства с собравшимся в Софии синодом, народная партия ничем себя не проявила. Между тем нельзя не сознаться, что настоящий режим значительно упрочился и продолжает укрепляться. Если такое пассивное отношение оппозиции не изменится, то несомненно, что многие из недовольных, окончательно обезнадеженные, утратят всякую веру в собственные силы и невольно начнут мириться с установившимся положением дел.

Элементов же для борьбы с принцем Кобургским и его министрами более чем достаточно. Оставляя в стороне массу сельского населения, бесспорно симпатизирующего России, но мало подвижного и не могущего иметь влияния на государственный ход дела вследствие своей неподготовленности пользоваться чуждыми конституционными формами, все, что есть лучшего в Болгарии, недовольно положением, в котором находится страна, ввиду ее ненормальных отношений к России: лучшие граждане, устраненные от участия в управлении, торговый класс, страдающий от экономического кризиса, и наконец духовенство, уже находящееся в открытой вражде с князем.

По мнению Станчова, главная причина бездействий оппозиции заключается в отсутствии денежных средств у ее руководителей.

Чтобы прекратить это пассивное отношение болгарского народа и вызвать его к деятельности, центральный комитет народной партии поставил себе задачей найти необходимые средства для ведения антиправительственной агитации и решил для этой цели уполномочить Драгана Цанкова заключить заем от имени всей партии. Ввиду невозможности найти нужные средства денежные в самой стране, таковой заем комитет предполагает совершить вне пределов Болгарии, а именно в России, если императорское правительство соблаговолит оказать содействие к осуществлению оного. Заем предполагается в один миллион франков. Условия займа следующие.

Комитет народной партии, которую представляет г. Цанков, обязывается по низложении принца Фердинанда приложить все свои старания, чтобы провести на болгарский трон кандидата, указанного императорским правительством.

Занятая сумма должна быть предоставлена в распоряжение г. Цанкова. Расходование ее будет производиться центральным комитетом народной партии или специально для этого назначенною комиссией. Г-н Цанков и члены центрального комитета обязуются заставить принять обыкновенное народное собрание, вслед за избранием нового князя, уплату долга в расчете из 5% годовых за истекшее время.

Глава партии и члены центрального комитета никакой другой легально материальной ответственности кроме вышеупомянутой относительно уплаты долга принять на себя не могут.

Выше поименованные условия будут внесены в протокол

комитета и, по подписании его всеми членами, последний вручен будет г. Цанкову для предъявления кому следует

Передавая это предположение своих единомышленников, г. Станчов высказал, что борьбу предполагается вести на строго легальной почве путем прессы и воздействия на общественное мнение и что другого способа к осуществлению целей, преследуемых г. Цанковым и его партией, нет. Всякая мысль о соглашении со Стамбуловым в настоящее время должна быть отброшена. Положение Стамбулова не настолько прочно, чтобы ему [не] нужно было искать опоры и помощи, и вряд ли желание его изменить свою программу может быть искренно. С другой стороны, он значительно утратил то неограниченное влияние, которым пользовался еще год тому назад, и присоединение его к взглядам народной партии не может иметь решающего значения. Теперь уже Стамбулову приходится считаться с принцем Фердинандом, успевшим приобрести личных сторонников, в особенности в среде военной.

Г-н Цанков, разделяя вполне взгляды г. Станчова на положение дел в Болгарии и мнение своих единомышленников о необходимости изыскания денежных средств для организации оппозиции, просил меня сообщить императорскому правительству о сделанном ему членами комитета предложении, причем особенно настаивал на неотложности иметь в своем распоряжении хотя бы и незначительную сумму в 3 т. франков в месяц для возобновления газеты «Светлана».

Сообщая мне о вышеизложенном, гг. Цанков и Станчов в то же время представили на мое обсуждение несколько проектов полномочий, которыми мог бы снабдить центральный комитет оппозиции главу оной г-на Цанкова для заключения предполагаемого займа. При сем имею честь препроводить два из этих проектов.

Возражая моим собеседникам, я им заметил прежде всего, что проект полномочий за Lit. A, в котором заем предполагается сделать у того безыменного лица, которое согласится авансировать искомую сумму за признание себя кандидатом на болгарский престол, я считаю совершенно неприличным и неподходящим. Действительно, полномочия эти, которые рано или поздно перестанут быть тайною, дадут повод не без основания обвинять оппозицию в том, что она в безвыходности своего положения как будто бы заблаговременно запродала себя. Что же касается до второго проекта за Lit. Б, то, отнюдь не предрешая вопроса, я выразил согласие представить оный на благоусмотрение ва-

шего высокопревосходительства вместе с подробностями предложений гг. Цанкова и Станчова и с высказанными ими мотивами. При этом я отнюдь не счел возможным их сколько-либо обнадежить.

Представляя ныне предложения гг. Цанкова и Станчова на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, долгом считаю с своей стороны заметить, что предложения эти сводятся в сущности к тем мыслям, которые были уже не раз мною высказываемы по тому сложному, запутанному вопросу, и именно к тому, что легальная деятельность оппозиции в Болгарии ввиду того положения, до которого дошла эта несчастная страна, и вообще всякое противодействие установившемуся в ней противоестественному порядку вещей, возможны с некоторыми шансами на успех лишь под условием значительных материальных средств и серьезных единовременных затрат. При этом средства эти должны быть представлены в полное распоряжение благонадежных вождей оппозиции без всякого с нашей стороны непосредственного участия. Но и при этих условиях за достижение желаемых результатов поручиться все-таки невозможно. Отсутствие же всяких попыток и полное бездействие оппозиции, лишенной средств действовать, несомненно упрочивают нынешнее положение дел, созидаемое и поддерживаемое как внутреннею работою враждебных нам элементов, так и внешними нам враждебными влияниями. И чем долее существует это положение вещей, тем труднее будет справиться с ним впоследствии, ибо продолжительность оного влечет за собою постепенное, но неизбежное нравственное растление болгарского народа, его политическую деморализацию. Что же касается до всяких частных попыток и вспомоществований по мелочам, то все это представляет собою лишь совершенно непроизводительную трату денег и деятельность совершенно бесполезную, способную лишь создавать нам бесполезные затруднения без всяких шансов серьезных результатов.

...Входит ли в виды императорского правительства удовлетворить выше излагаемому ходатайству Драгана Цанкова и его единомышленников, рискнув предоставить в их распоряжение испрашиваемую ими заимообразно серьезную денежную поддержку, судить принадлежит не мне. Я считал лишь долгом представить это ходатайство на благоусмотрение вашего высокопревосходительства вместе с вышеизложенными моими личными впечатлениями. Что же касается до ходатайства г. Цанкова о предоставлении в его распоря-

жение по крайней мере 3 т. франков ежемесячно на возобновление газеты «Светлана», то я позволю себе заметить, что считаю эту поддержку совершенно недостаточною, а потому и бесполезною. Это будет лишь новая беспроизводительная затрата в дополнение к стольким уже беспроизводительно понесенным нами по мелочам жертвам на это несчастное болгарское дело.

Донося о вышеописанном, я осмелился бы почтительнейше просить ваше высокопревосходительство для передачи г-ну Цанкову, так как он пребывает в Белграде, сообщить непосредственно действительному статскому советнику Персиани, меня же лишь уведомить для личного моего сведения.

Примите и пр.

Хитрово.

XV

СЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ И МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

После низвержения Александра Баттенбергского вся царская политика в Болгарии сводилась к проводившейся в той или иной форме интервенции, направленной к низвержению утвердившейся в Болгарии власти. Российское министерство иностранных дел нуждалось в маскировке своей деятельности. Для этой цели были использованы славянские благотворительные общества, и прежде всего славянское благотворительное общество в Одессе, которое играло роль передаточной инстанции при пересылке министерством денежных сумм эмигрантам, начиная от тех сумм, которые предназначались в качестве пособия нуждающимся, и кончая теми, которые шли на организацию восстания. В расходовании ассигнованных им сумм общества отчитывались перед азиатским департаментом. Этим роль славянских благотворительных обществ не ограничивалась.

Имя председателя петербургского славянского благотворительного общества графа Игнатьева было связано и с делом подготовки восстаний и с рядом террористических актов.

Председатель одесского славянского благотворительного общества Кривцов играл особенно крупную роль. По поручению министерства он лично вел переговоры с каравелистами о переходе их на путь борьбы с правительством Фердинанда. Он по своей инициативе посылал отдельных эмигрантов для подрывной работы в Болгарию и лично руководил направлением чет. Организация террористических актов и ликвидация их последствий проходили при непосредственном его участии.

№ 162. Отношение директора азиатского департамента агенту министерства иностранных дел в Одессе Романенко

16/4 декабря 1887 г.

М. г., Павел Степанович,

Я имел честь получить письмо вашего превосходительства от [10 декабря] 28 минувшего ноября по поводу предписания временного одесского генерал-губернатора, воспрещающего вам непосредственные сношения с проживающими в Одессе болгарскими эмигрантами [1].

[1] Содержание отношения генерала Роопа от 10 декабря/28 ноября в основном изложено в тексте публикуемого документа.

Полагая, что распоряжение это вызвано было какими-либо временными сображениями, я надеюсь, что генерал-от-инфантерии Рооп, к коему министр иностранных дел ныне же обращается, признает возможным изменить изложенные в предписании его от [10 декабря] 28 ноября указания, с тем чтобы предоставить вам возможность беспрепятственно поддерживать сношения с названными эмигрантами, насколько того требуют возлагаемые на вас министерством иностранных дел поручения и с соблюдением с вашей стороны необходимых в этих случаях сдержанности и осторожности.

В разъяснение ранее преподанных вам министерством указаний, считаю долгом сообщить для вашего руководства, что сношения ваши с эмигрантами должны преимущественно иметь целью собрание под рукою точных сведений о намерениях и планах эмигрантов и о сношениях их с их единомышленниками, проживающими вне наших пределов, и что с своей стороны министерство находит необходимым попрежнему прибегать исключительно к вашему посредству, когда встречается надобность в передаче тем же эмигрантам указаний, обусловливаемых политическими соображениями.

Будучи уверен, что при исполнении поручений этих вы сумеете избегнуть всякой огласки, а равно недоразумений с местными нашими властями, считаю долгом присовокупить, что вышеизложенные указания предназначаются исключительно для вашего личного сведения.

О получении настоящего письма не оставьте меня уведомить.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

И. Зиновьев.

№ 163. Отношение агента министерства иностранных дел одесскому градоначальнику Зеленому

6 ноября/25 октября 1889 г.
Секретно.

Милостивый государь, Павел Алексеевич,

Вследствие отношения вашего превосходительства от [26] 14 сего октября № 1129[1] касательно порядка сношений одесского славянского благотворительного общества с министерством иностранных дел касательно дела содержания

[1] Исчерпывающим образом изложено в тексте публикуемого документа.

болгарских политических эмигрантов имею честь препроводить у сего для сведения вашего превосходительства копию с полученного мною секретного предписания начальника азиатского департамента от [2 ноября] 21 октября с. г. № 244[1].

С отличным почитанием и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь вашего превосходительства покорнейшим слугою.

А. Путята.

№ 164. Письмо директора азиатского департамента агенту министерства иностранных дел в Одессе Путяте

2 ноября/21 октября 1889 г.

С отозванием из Одессы временного генерал-губернатора генералом-от-инфантерии Роопом возбужден был вопрос о том, кому должны быть представляемы отчеты и сметы одесского славянского благотворительного общества в расходовании сумм, пересылаемых ему азиатским департаментом на содержание болгарских эмигрантов, и через кого самые суммы эти будут передаваемы в будущем.

Признавая наиболее удобным возложить на вас как передачу денег названному обществу, так и доставление департаменту отчетов и смет последнего, министерство иностранных дел вошло по сему предмету в сношение с министерством внутренних дел, прося его в случае, если к тому не встречается препятствий, сообщить господину одесскому градоначальнику о таковом изменении существовавшего при бывшем временном генерал-губернаторе порядка сношений с одесским славянским благотворительным обществом по делам о содержании болгарских выходцев.

Усматривая из полученного ныне ответного отзыва статс-секретаря Дурново, что вверенное ему министерство не видит неудобств в осуществлении означенного предположения министерства иностранных дел и что о сем сообщено уже одесскому градоначальнику[2], я имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, предложить от имени министерства славянскому благотворительному обществу в Одессе сообщать отныне вам отчеты и сметы его по содержанию болгарских эмигрантов для передачи таковых в азиатский департамент, кои в свою очередь пересылаемы будут

[1] См. № 164.
[2] Отношение от 16/4 октября, № 163.

вам ежемесячно для выдачи обществу необходимые на указанный предмет суммы.

Примите и пр.

И. А. Зиновьев

№ 165. Отношение директора азиатского департамента агенту министерства иностранных дел в Одессе Путяте

4 мая/22 апреля 1889 г.

Милостивый государь, Алексей Дмитриевич,

При секретном письме от [10 апреля] 29 минувшего марта за № 90 вы доставили мне отчет о деньгах, израсходованных вами с разрешения министерства иностранных дел на выдачу пособий 13 болгарским эмигрантам в течение января, февраля и марта месяцев текущего года, в каковой отчет включена также сумма в 60 руб., издержанных вами с 20 сентября 1888 г. по 11 марта сего года на мелкие пособия наиболее нуждавшимся эмигрантам [1].

Вследствие сего, препровождая к вам, милостивый государь, семьсот шестьдесят три рубля в возврат выданных вами болгарским эмигрантам, согласно означенному отчету, денег, имею честь покорнейше просить о получении суммы этой уведомить азиатский департамент.

Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

И. Зиновьев.

№ 166. Отношение директора азиатского департамента агенту министерства иностранных дел в Одессе Романенко (№ 255)

16/4 ноября 1887 г.

Милостивый государь, Павел Степанович,

Настоящее письмо мое касается дела в высшей степени деликатного, а потому я обращаюсь прежде всего к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою принять все меры к тому, чтобы о деле этом не осведомилось ни одно из лиц, не имеющих к нему прямого отношения.

Проживающие в разных местностях, и между прочим в Одессе, болгарские эмигранты довели до сведения министерства иностранных дел, чрез коллежского советника Гартвига, что они твердо решились поддерживать всеми завися-

[1] Счет сумм, израсходованных и. д. агента министерства иностранных дел в Одессе на пособие болгарским эмигрантам, хранится в деле Архива внешней политики при оригинале публикуемого документа.

щими от них средствами существующую уже в Болгарии агитацию против настоящего незаконного правительства, которое губит их родину.

Желая вести это трудное дело на основании зрело обдуманного плана, эмигранты признали, между прочим, необходимым принять меры к предупреждению преждевременных частных вспышек негодования, которые могут только повредить успеху их действий, а для этого они нуждаются в материальных средствах. При помощи этих средств они надеются привлечь на свою сторону всех своих единомышленников, негодующих против настоящего порядка вещей в Болгарии, и дать деятельности их направление вполне согласно с общим планом.

Воздерживаясь от всякого участия в предположении болгарских эмигрантов, министерство иностранных дел не сочло однако удобным отказать им в испрашиваемых ими материальных средствах, выдача коих вполне оправдывается многочисленными материальными нуждами большинства эмигрантов.

Препровождаемые вместе с сим на ваше имя четыре тысячи рублей кредитными билетами предназначены на выдачу пособий болгарским эмигрантам, стоящим во главе означенного предприятия. Подробности этого предприятия вполне известны присяжному поверенному в Одессе г. Кривцову, и потому я покорнейше прошу вас без замедления войти с лицами этими в соглашение относительно употребления означенной суммы и ввиду вашего служебного положения производить выдачи болгарским эмигрантам через его посредство.

Не оставьте предупредить г. Кривцова о необходимости держать дело это в строгой тайне.

О получении настоящего письма и упоминаемых выше 4 000 рублей, а равно обо всем, что вами сделано будет по настоящему предмету, я буду ожидать вашего уведомления.

И. Зиновьев.

№ 167. Приложение

Получено нами от г-на А. А. Кривцова на поездку в Болгарию по поручению (150) сто пятьдесят рублей.

11 ноября 1887 г. Одесса.
Поручик Пенчев.
И. Валлов.

РАСПИСКА

Получил от г-на Кривцова (50) пятьдесят рубл.

П. Черковский.

Расписка за 2 000 кредитн. руб.

Долоподписанный[1] принял от г-на А. Кривцова через Контора на русское пароходное общество две тысячи (2000) кредитных рублей.

Людсканов.

№ 168. *Письмо председателя одесского славянского благотворительного общества коллежскому советнику Н. Г. Гартвигу*

28/16 января 1888 г.

Глубокоуважаемый Николай Генрихович,

В Киеве окончательно переговорил с майором Ванковым. Он имеет письмо от Никифорова, заявляющего от имени Каравелова и всей каравеловской партии о желании итти с нами рука об руку и решающихся начать в этом смысле агитацию во всей стране. На-днях я рассчитываю иметь копию протокола, подписанного по этому поводу всеми видными представителями каравеловской партии, и тогда я его вам вышлю.

Из высланных мною прежде денег 1 000 франков дошли до Никифорова, но они все давно разошлись. Никифоров просил заимообразно у меня как представителя С.-Петербургского славянского общества единовременно 6 000 франков и затем ежемесячно по 1 000 франков. Все эти суммы будут возвращены обратно, как только переменится нынешний режим в Болгарии... Деньги эти идут Каравелову и К° по указанному мне Волковым адресу в Вене, через Одессу, банкирский дом, для передачи в Софию на имя одной торговой фирмы, представитель которой находится в самых близких отношениях к Каравелову и Никифорову... Каравелов и К° рассчитывают домогаться всеми силами и средствами смены Кобурга и К° и будут действовать, смотря по обстоятельствам и идя по тому же пути, как и цанковисты. Приехав сюда, я из имеющихся у меня сумм перевел в Вену в счет будущего еще 1 000 франков, а о выдаче остальных и вообще принятия соглашения с каравелистами прошу вашего одобрения. По словам Никифорова, все они крайне нуждаются даже в куске хлеба, и

[1] Нижеподписанный.

это-то главным образом останавливает всякую работу. По получении денег думает еще раз попытаться издавать газету.

Прикомандированный в Киев к Бендерскому пехотному полку болгарский офицер поручик Бабеков, о котором я не раз писал, все-таки решается ехать в Болгарию, чтобы там сделать все, что возможно будет, судя по ходу событий. Так как он мало скомпрометирован, то может ехать открыто в страну. Человек он надежный и решительный, он уже подал просьбу о разрешении двухмесячного отпуска, и представление об отпуске из Киевского окружного штаба пошло в Петербург в Главный штаб. Мотивы отпуска самые обыкновенные, так что никто его ни в чем не заподозрил. Умоляю снестись со штабом, чтобы скорее разрешили отпуск и не делали препятствий. Желательно было устроить скорее и так, чтобы Груев не знал действительной цели поездки Бабекова в Болгарию... Что сделает Бабеков, наверное знать не могу, но, живя в Болгарии, он нам сильно будет полезен... Еще есть у меня хорошие известия из Болгарии, но столько было неудач, что боюсь предварительно вам что-либо обещать.

Из писем Цанкова все еще с точностью неизвестно, убиты ли Набоков и Боянов, и если смерть первого из них и кажется возможной, то относительного второго много шансов, что он жив. Во всяком случае я написал Волкову, чтобы с формированием новых чет подождать до весны, а теперь обратить всю деятельность на организацию агитации внутри страны.

Жду от вас известий и указаний. Если ваша работа идет хорошо, то и за нами остановки не будет... Ляжем костьми, но дело сделаем.

Ваш глубокопреданный А. Кривцов.

P. S. Не оставляйте меня в безызвестности, чтобы я знал что делать, а чего нет. Напоминаю, что бургасские события произошли только потому, что я не имел из Петербурга своевременно указаний...

А. Кривцов.

№ 169. Отношение директора азиатского департамента зам. агента министерства иностранных дел в Одессе Ростковскому

2 сентября/21 августа 1890 г.,
Секретно.

Милостивый государь, Александр Андреевич,

Письмом от [13] 1 августа сего года за № 462 [1] вы обратились ко мне с просьбою снабдить вас указаниями по вопросу об оказании вспомоществования некоторым вновь прибывшим в Одессу болгарам, покинувшим родину вследствие преследований княжеского правительства по подозрению в участии в деле майора Паницы.

Желая облегчить участь этих новых жертв болгарских непорядков, министерство иностранных дел полагает возможным разрешить благотворительному обществу выдачу вновь прибывшим эмигрантам небольших единовременных пособий, приблизительно в размере тех выдач, кои произведены были обществом мичману Кисимову, Георгию Симкову, и Ганю Петрову.

Ввиду этого считаю долгом препроводить у себя на указанный предмет двести рублей и покорнейше просить вас, милостивый государь, передать эту сумму в распоряжение названного выше благотворительного общества.

Если бы затем явились эмигранты, коим действительный статский советник Знаменский признавал нужным выдавать ежемесячные пособия, то, предварительно каких-либо по предмету этому распоряжений, вам надлежит в каждом отдельном случае сообщать о том на разрешение азиатского департамента.

Покорнейше прося вас, милостивый государь, передать вышеизложенное председателю славянского благотворительного общества и пригласить его передать вам для доставления в департамент отчет об израсходовании препровождаемых у сего 200 руб., пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить вам уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

З и н о в ь е в.

№ 170. Отношение председателя одесского славянского благотворительного общества одесскому градоначальнику Зеленому

12 мая/30 апреля 1891 г.

Его превосходительству г-ну одесскому градоначальнику.

Имею честь довести до сведения вашего превосходитель-

---

[1] Содержание письма Ростковского от 13/1 августа за № 462 в основном изложено в тексте публикуемого документа.

ства, что в Одессу прибыл болгарин Стефан Кардалев, называющий себя участником Бельчева в Болгарии, и просит о зачислении его в число эмигрантов. Заявление Кардалева мною препровождено дипломатическому агенту г. Путята для представления в министерство иностранных дел.

Председатель славянского общества [Знаменский].

№ 171. Телеграмма агента министерства иностранных дел в Одессе директору азиатского департамента Капнисту [1]

19/7 января 1892 г.

[Шифром.] Ссылаясь на секретное донесение мое от [13] 1 декабря № 386, эмигранты сильно нуждаются вследствие неполучения пособия на январь месяц.

Могу ссудить Знаменскому потребную сумму и еще 300 руб. эмигрантных, если получу уведомление об отправлении этих денег мне.

Путята.

№ 172. Отношение агента министерства иностранных дел в Одессе председателю одесского славянского благотворительного общества Платкову

6 июля/24 июня 1894 г.

Милостивый государь,

Препровождаю при сем согласно распоряжения азиатского департамента 824 руб. 35 коп. (словом), назначенные на содержание болгарских эмигрантов в течение июня месяца сего года.

Имею честь покорнейше просить ваше высокородие о получении означенных денег не отказать меня уведомить.

Примите и пр.

А. Юренев.

№ 173. Отношение агента министерства иностранных дел в Одессе председателю одесского славянского благотворительного общества Платкову

3 октября 21 сентября 1894 г.

Милостивый государь,

Препровождая при сем копию с отношения азиатского департамента от [24] 12 сентября с. г. за № 208 и 820 руб.,

---

[1] Капнист телеграммой от 20/8 января отвечал: «Пособия на январь высылаются завтра».

высочайше назначенные на пособие вдовам болгарских офицеров, убитых во время рущукских событий за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь мес. с. г., а именно г-же Филовой по 90 руб., г-же Узуновой по 50 руб., г-же Карджиевой по 40 руб. в месяц, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать распоряжение о выдаче означенным вдовам причитающееся пособие и росписки их в получении денег не отказать мне доставить.

Примите и пр.

А. Юренев.

№ 174. Отношение председателя петербургского славянского благотворительного общества в одесское славянское благотворительное общество

22/10 марта 1895 г.

По поручению совета с.-петербургского славянского благотворительного общества имею честь покорнейше просить одесское славянское общество объявить проживающим в Одессе болгарским эмигрантам: Н. Драндарову, Д. Арнаутову, Т. Станчову, И. Козареву, И. Драванову, что домогательство их об увеличении получаемого ими через одесское славянское общество от азиатского департамента ежемесячного пособия не может быть удовлетворено за неимением свободных средств и потому, что за объявленную от болгарского правительства амнистию, болгарские эмигранты совершенно свободно могут возвращаться на родину и служить ей по мере сил и возможности.

За председателя (подпись) неразборчиво.

XVI

ПЕРЕМЕНА ФРОНТА. ПРИЗНАНИЕ ФЕРДИНАНДА БОЛГАРСКОГО

В 1894 г. в российском министерстве иностранных дел ставился на очередь вопрос о восстановлении дипломатических сношений с Болгарией.

Для царизма это означало не только признание непризнававшегося им в течение 7 лет правительства Фердинанда, но и отказ от всей той авантюристической политики, какую царская Россия проводила в Болгарии в течение предыдущих 17 лет. Проявлявшееся со стороны болгарского правительства стремление к восстановлению дипломатических сношений с Россией означало, что у болгарских правящих классов созрела потребность к созданию в лице России противовеса усиливающемуся влиянию Австрии.

Вопрос о восстановлении дипломатических отношений должен был получить формальное разрешение в связи с крещением княжича Бориса по православному обряду, причем восприемником должен был быть русский царь. Переговоры велись на нейтральной почве — в Константинополе. К концу декабря 1895 г. вопрос получил окончательное разрешение.

№ 175. Письмо[1] министра иностранных дел послу в Константинополе Нелидову

21/9 сентября 1894 г.

Вследствие вашей доверительной депеши от [30] 18 августа за № 123[2] считаю неизлишним изложить некоторые дополнительные соображения по сему предмету.

Освободив Болгарию нашей кровью от иноплеменного ига, мы не раз высказывались, что наши отношения к ней зиждятся исключительно на доброжелательстве, что мы не преследуем завоевательных в ней целей и что мы вполне сочувствуем законному развитию самостоятельной государственной в ней жизни, основанной на началах здравой политики, согласной и с интересами России.

[1] На оригинале знак царского рассмотрения.

[2] В депеше от 30/18 августа за № 123 Нелидов высказывался по вопросу о «восстановлении естественных сношений Болгарии и России».

Такие благие наши стремления не могут быть неизвестны болгарскому народу, по крайней мере в лице более развитых его элементов. Со времени падения Стамбулова, хотя и последовало некоторое пробуждение народного самосознания, мы не видим однако, чтобы оно существенно изменило прежний порядок вещей, в особенности в правящих сферах княжества. Эти обстоятельства побуждают нас сохранить крайнюю сдержанность в отношении к настоящим событиям в Болгарии. Вы вполне справедливо заметили экзарху, что болгаре нуждаются в нас, а не мы в них.

Быть может предстоящие выборы создадут порядок вещей, внушающий нам большее доверие, и определят болгарам пути восстановления нормальных сношений с нами.

В таком случае мы не откажем им в нашем содействии, тем более, что наши пожелания относительно княжества основаны на наш взгляд необходимостью для преуспевания Болгарии.

Эти положения нарушены семилетним правлением князя, не утвержденного ни нами, ни Европой, изменением конституции в ущерб православию для укрепления католической династии и наконец всей внутренней и внешней политикой стамбуловского режима, извращающей национальные интересы болгар.

Настоящее мое письмо к вам будет повергнуто на высочайшее воззрение государя императора.

Гирс.

№ 176. *Телеграмма*[1] *министра иностранных дел послу в Константинополе Нелидову*

1895 г.[2]

Во время пребывания германского канцлера вовсе не было речи о принце Кобургском. Что же касается признания болгарского правительства, то мы считаем вообще неудобным принимать на себя какие бы то ни было обязательства по сему предмету; но вы можете советовать экзарху, чтобы он со своей стороны настаивал на присоединении сына принца Кобургского к православию в интересах Болгарии.

Присовокупляю исключительно для вашего сведения, что если бы присоединение это совершилось, то вопрос о дипломатических сношениях наших с болгарским правительством мог бы быть разрешен в благоприятном смысле.

[Лобанов.]

---

[1] На подлиннике помета рукой Николая II: «Согласен».
[2] Дата отсутствует.

№ 177. Телеграмма[1] министра иностранных дел послу в Константинополе Нелидову

17/5 ноября 1895 г.

Принц Фердинанд мог бы сообщить государю императору о намерении своем присоединить сына к православию и просить его величество быть свидетелем восприемником. Присутствие представителя государя при обряде являлось бы лучшим способом восстановления фактических сношений. Желательно однако избежать переписки, присылки сюда новой депутации или доверенного лица с письмом принца.

Ввиду сего казалось бы наиболее удобным ускорить обряд присоединения и ограничиться обращением к государю по телеграфу. После высочайшего ответа в нашем «Правительственном вестнике» появится официальное сообщение в благоприятном смысле.

[Лобанов.]

№ 178. Телеграмма посла в Константинополе министру иностранных дел Лобанову-Ростовскому

24/12 ноября 1895 г.

[.......] Геров[2] пишет, что Фердинанд был несказанно обрадован привезенным ответом и выражал горячую благодарность государю императору за согласие принять его просьбу, быть свидетелем восприемником при миропомазании Бориса[3].

Нелидов.

№ 179. Письмо Фердинанда Болгарского Н. Герову

27/15 ноября 1895 г.

Дорогой Н. Геров!

Ваши сообщения обрадовали меня чрезвычайно и произвели на меня глубокое впечатление. Я посредством этого письма благодарю вас за ваши патриотические труды, которые вы положили в этом случае!

---

[1] На подлиннике помета рукой Николая II: «Согласен».

[2] Найден Геров — б. русский консул в Филиппополе (Болгария).

[3] Письмом от 22/10 ноября 1895 г. Геров известил Нелидова, что он (Геров) «сообщил князю Фердинанду содержание телеграммы Лобанова-Ростовского». «Он был так обрадован, — писал Геров, — что не находил достаточно слов, чтобы высказать свою благодарность государю императору за милостивое соизволение его величества быть свидетелем восприемником в миропомазании его сына, князя Бориса, и неоднократно обнимал и целовал меня».

Эта радостная весть, за которую я благодарю его превосходительство А. И. Нелидова.

Так как по вашим словам вы в скором времени увидитесь опять с послом, я считаю необходимым сказать вам следующее.

Что глубоко опечаливает меня, это высказанное Россией намерение о скорейшем миропомазании престолонаследника, т. е. недоверие ко мне со стороны нашей освободительницы.

Это недоверие, после всего того, что я показывал в деле славянства в полном согласии со взглядами России, очень тяжело для меня и особенно в теперешних обстоятельствах. По-моему, если бы Россия имела доверие ко мне, не могло бы быть и слова о «поскорее», потому что с миропомазанием или без оного моя политика и мои взгляды однообразны с таковыми нашей освободительницы. Это должно быть известным в С.-Петербурге. Далеко от мысли отклонить идею миропомазания престолонаследника, я обещал и обещаю положить все свои старания для преодоления трудностей, которые встречаются, — я буду бороться с ними до конца и надеюсь успеть преодолеть их. Но я бы желал, чтобы веря, подобно моему народу в восьмилетнее мое царствование и блестящие доказательства, которые я дал в полной моей привязанности к святой православной церкви, Россия бы объявила от себя, что она не требует от меня других гарантий.

Хотя князь и латинского вероисповедания, я не только уважал, но и покровительствовал, реорганизовал и возвысил нашу народную православную церковь (и это буду продолжать и впредь). За сим больше ничего.

Выражаю вам предварительно мою искреннюю признательность за ваш труд. А всем вашим стараниям и убеждениям успеете дать понять, что ввиду важных событий в Европе, накануне которых мы находимся, один союзник, сколько бы он ни был скромным и малым, не должен быть презираем, в особенности, если он борется с убеждением о сохранении тождественных интересов и защите тех же самых идей.

Бог да благословит вашу миссию в Царьграде.

Благосклонный к вам

Подписал Фердинанд.

№ 180. Выписка[1] из депеши посла в Константинополе министру иностранных дел Лобанову-Ростовскому

17/5 декабря 1895 г.

Экзарх болгарский посетил меня по случаю нового года и вместе с пожеланием благополучия государю императору и его августейшему семейству выразил надежду, что в наступившем году прекратится столь печальный для Болгарии разрыв с Россией. Все население желает этого, заключил блаженнейший Иосиф, и правительство готово все сделать для достижения этой цели. Я ответил экзарху повторением хорошо известных ему уверений в неизменном милостивом расположении российского царя к болгарскому народу и готовности нашей возобновить сношения с княжеством, коль скоро болгаре о том громко заявят и обратятся к нам с просьбой о возвращении им нашей благосклонности, но, прибавил я, правящие в Софии лица ставят на первое место вопрос о князе Фердинанде и своих личных интересах, с которыми мы ничего общего иметь не можем.

Блаженнейший Иосиф согласился со мной, что именно в этом и заключается все затруднение. Князь хочет примирения с Россией и готов принести все возможные жертвы, но ему нужно быть уверенным, что он этой ценою купит признание со стороны русского правительства. Тогда он разрешит и посылку депутации и переговоры о восстановлении тырновской конституции, на которое он несомненно согласится. «Меня самого, — прибавил экзарх, — просили из Софии узнать, какие условия поставит Россия для признания князя, дабы они могли быть исполнены».

Этого-то именно мы и не желаем, возразил я, дело идет не о торге или дипломатических переговорах и условиях, о которых так громко разглагольствовал в собрании г. Стоилов. Болгарское правительство хочет вести дело с конца; ему нужно прежде всего признание Кобурга, остальное ему не важно. А мы думаем, что если болгаре искренне сознают необходимость примирения с Россией, то пусть прежде всего озаботятся устранением возникших между нами недоразумений. Дело болгар искать выхода из этого ложного положения.

Примите и пр.

Нелидов.

[1] Выписка сделана составителем.

№ 181. Телеграмма[1] министра иностранных дел послу в Константинополе Нелидову

20/8 марта 1896 г.

По окончании торжества обряда крещения княжича Бориса император поручает вам сообщить турецкому правительству, что этим самым отпали главные затруднения, до сих пор препятствовавшие признанию Фердинанда Сакс-Кобург-Готского князем Болгарии.

Мы теперь не видели бы никаких неудобств в том, чтобы сюзеренным правительством предприняты были необходимые шаги в целях получения согласия на это признание от всех держав, участвующих в заключении Берлинского трактата.

Лобанов.

№ 182. Выписка[2] из инструкции министра иностранных дел дипломатическому агенту в Софии Чарыкову

20/8 марта 1896 г.

Бывши командированы в Софию одновременно со свитой его величества генерал-майором графом Голенищевым-Кутузовым, ваше превосходительство были свидетелем той народной радости, которую вызвало во всей Болгарии прибытие представителя русского царя и возобновление официальных сношений императорского правительства с Болгарией.

События эти, являющиеся выражением существовавшего в Болгарии глубокого желания сблизиться с Россией, были давно подготовлены обстоятельствами. Упомянутое желание проявлялось даже в то смутное и тяжкое для княжества время, когда открытые заявления болгарских официальных деятелей были нам враждебны. Нельзя было не предвидеть, что рано или поздно настроение народной массы созреет и проявится в том или другом открытом акте.

Первым шагом в этом направлении было прибытие в С.-Петербург болгарской депутации для возложения венка на гробницу в бозе почившего императора Александра III. На ходатайство этой депутации «простить Болгарию и возвратить ей прежнее благоволение и покровительство» его императорскому величеству благоугодно было отвечать: «Я надеюсь, что вскоре между Россией и Болгарией восстановятся прежние добрые отношения».

---

[1] Перевод с французского.
[2] Выписка сделана составителем.

Сии знаменательные слова оживили надежды всех сторонников России в княжестве. Но правительство наше, озабочиваясь выяснением истинного характера совершавшегося в Болгарии перелома, тщательно воздержалось от всякого давления по вопросу о том, в какой форме могло бы состояться примирение и каким образом должно быть удостоверено принятое Болгарией решение.

Сознание высокого значения для Болгарии православной веры, как основы ее исторической жизни, побудило болгарское правительство засвидетельствовать о бесповоротности своих намерений присоединением к православию наследника болгарского князя, княжича Бориса. Акт этот, совершившийся 2 февраля сего года при торжественной и согласной с нашими церковными уставами обстановке, является для нас залогом искренности болгарского князя, правительства и народа.

Возвращаясь ныне в Софию, вы призваны доверием его императорского величества к занятию должности дипломатического агента в Болгарии и имеете приложить ваши познания, опыт и такт к поддержанию между императорским и болгарским правительствами восстановленных ныне правильных и дружественных отношений. Возобновление таковых должно иметь двоякого рода последствия: 1) на почве международных сношений и 2) в области внутренней жизни болгарского княжества.

Восстановление нормальных отношений между Россией и Болгарией должно иметь последствием значительное развитие между ними экономических и торговых сношений, о чем уже свидетельствует ходатайство болгарского правительства о заключении с нами торговой конвенции.

В заключение вам поручается, в то время и в той форме, какие вы найдете наиболее удобными, настоять перед болгарским правительством на уплате российскому правительству оккупационного долга, капитальная сумма коего была установлена конвенцией (28) 16 июня 1883 г. в 10 618 250 р. 43 к., из коих к 13/1 июлю 1896 г. останется в недоимке 5 018 250 р. 43 к.

Примите и пр.

[Лобанов-Ростовский.]

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАСТУПЛЕНИЕ ЦАРСКОЙ РОССИИ НА БАЛКАНАХ

Восточный вопрос до русско-турецкой войны 1877/78 г.

Для правильной исторической перспективы в понимании русско-болгарских отношений необходимо вкратце напомнить основные этапы царской политики в восточном вопросе, показать классовый характер сил, участвовавших в ближневосточной агрессии, и ту международную обстановку, в которой она развилась.

* * *

В «блестящий» век Екатерины, в век расцвета крепостнического самодержавия, с особой силой проявилась тяга царской дворянской России к выходу в южное море, к проливам, к Константинополю. Северный берег Черного моря, так наз. Новороссия, Крым, право свободного плавания русских судов по черноморским водам — достижения екатерининского царствования. Грандиозный «греческий проект», план создания на развалинах Турции греческой империи под властью династии Романовых, принадлежит чиновничье-дворянской монархии конца XVIII в.

Известно, что до польского восстания 1794 г. Екатериной подготовлялся новый разрыв с Турцией. «Ей (Екатерине), — писал тогда граф Ростопчин Воронцову, — непременно хочется достигнуть своей цели и наполнить газеты вестью о бомбардировке Константинополя» [1].

Расширение границ империи в южном направлении, сопровождавшееся образованием новых хлебородных районов, укрепляло и обостряло тягу к южным торговым путям.

Мысль об овладении Турцией и проливами прочно утверждается в помещичьих головах правящих кругов царской

---

[1] «Русский архив» 1878 г., т. I, стр. 292—298. Письмо Растопчина от 9/III 1794 г.

России; несмотря на все колебания в своей внешней политике, Павел продолжал строить планы о разделе Турции совместно с Пруссией, Австрией и Францией[1].

Вступая в вооруженную борьбу с наполеоновской Францией, Александр I ополчался против нового грозного соперника России на Востоке, который, потеряв 50 годами раньше Индию, стремился теперь к утверждению своего господства на Средиземном море и стал тянуться к Египту. Позднее, во время дележа наполеоновского наследства, Александр проявлял большую предупредительность по отношению к ослабленной Франции, потому что смотрел на последнюю как на возможную союзницу на Востоке против Англии. Противясь поднятию восточного вопроса на Венском конгрессе, он вместе с тем отказывался гарантировать неприкосновенность Турции. Несмотря на восстановление общего мира, в то время когда все державы сократили свои контингенты, Александр I, хозяйничая на Дунае и осуществляя свой фактический протекторат над Молдавией и Валахией, держал наготове 640-тысячную армию.

Когда национальное движение поднявшейся на дрожжах екатерининских и наполеоновских войн греческой буржуазии с особенной остротой поставило перед европейскими державами восточный вопрос, Александр взял под свое покровительство первые «гетерии» греческого купечества в Одессе. «Царь царей», «Агамемнон Европы» и «диктатор Священного союза», боровшийся с «революционными призраками времени» всюду, где бы они ни появлялись, он охотно дал приют в своем бюрократическом аппарате выдающимся греческим националистам. Бывший министр Конийской республики, корфиот Каподистриа, стоявший вместе с Нессельроде во главе министерства иностранных дел (с 1816 г.), подготовлял на русской территории восстание против турок. В это же время Ипсиланти, адъютант царя, выехал в служебную командировку в Кишинев и оттуда в июле 1820 г. с вооруженной силой направился в дунайские княжества, призывая греков к восстанию против турок.

В греческом вопросе Александр потерпел неудачу: делу «покровительства» грекам помешала Англия, которая ни в каком случае не могла допустить, чтобы Греция стала вассалом России. В дипломатической борьбе между Россией и Англией, возникшей на греческой почве, перевес оказался на стороне Англии. Греческий вопрос выпадал из рук цариз-

[1] «Русский архив» 1878 г., т. I, стр. 103—110. Записка Растопчина, составленная в 1800 г.

ма как орудие в борьбе за проливы. Александру ничего не оставалось иного, как публично отречься от греков (апрель 1821 г.), предать Ипсиланти австрийцам и предоставить туркам учинить жестокую расправу над повстанцами в Молдавии и Валахии.

Приходилось начинать заново. Смерть застала Александра за подготовкой новой войны с Турцией.

***

«Брат мой завещал мне крайне важные дела, — говорил Николай I вскоре после восшествия на престол французскому посланнику графу Сен-При, — и самое важное из всех дел — восточное дело»[1]. После 14 декабря для царизма было, разумеется, особенно важно достигнуть скорейшего успеха на Востоке. Однако дело откладывалось, осложненное тою активностью, которую стали проявлять англичане в восточном вопросе. Пришлось даже подписать (6/VII 1827 г.) конвенцию о совместной борьбе против Турции не только с Англией, но и с Францией. Надо было искать обходных путей, и еще во второй половине 20-х годов была начата война с Персией; эта война имела целью создание восточной стратегической базы в борьбе против Турции. Действительно, достигнутые на персидском фронте успехи принесли Николаю успехи и на фронте турецком: они дали ему подписанный в Адрианополе мирный договор, предоставлявший России свободный проход через проливы и право свободной торговли по Черному морю и по всей Оттоманской империи и связывавший Порту по рукам и ногам такой контрибуцией, уплатить которую сразу она не могла. В Молдавии и Валахии Россия получила больше прав, чем сама Турция. Словом, как позже говорил Нессельроде, турецкие двери открывались настежь русскому влиянию.

Правда, в эти двери хотели войти и другие, и прежде всего Россия столкнулась здесь с Францией, выступившей за спиной египетского паши, восставшего против своего сюзерена, турецкого султана. Но это столкновение принесло России новые успехи в ее наступательной политике на Ближнем Востоке. Николай I «защищал» султана с такой энергией, что получил скоро возможность заключить с Портой в Ункиар-Искелесси договор (1833 г.), которым делал еще один шаг вперед.

---

[1] *С. Татищев,* Внешняя политика Николая I, стр. 137.

«Петербургский кабинет, — по словам Гизо, — фактически делал Турцию своим слугой, а Черное море — русским озером; слуга охраняет вход в это озеро от возможных врагов России, не мешая однако же ей самой оттуда выходить и перебрасывать свои суда и своих солдат в Средиземное море» [1].

Только что отведавшая плодов туркменчайского мира на персидском рынке николаевская Россия могла добиваться не только свободных путей для сбыта украинской пшеницы, но и овладения турецким рынком для росших быстрыми темпами, переоборудовавшихся и механизировавшихся текстильных фабрик центрального района. Во второй половине 30-х годов Государственный совет приходил к заключению, что наступило время для того, чтобы вступить в борьбу с иностранными конкурентами на азиатском рынке.

Но эти успехи вызвали встречный дипломатический нажим со стороны Англии и вслед за тем и со стороны Австрии.

Бурный рост английского промышленного капитала все сильнее толкал лондонский кабинет к переходу от оборонительной политики замыкания Черного моря к активной борьбе за овладение восточными рынками.

Иногда уклоняясь в сторону, иногда ссорясь с ними, за англичанами шли, как сказано, французы, думавшие не только о распространении своих товаров на восточных рынках, но и о перевозке английских товаров на своих кораблях. Одновременно рост австрийской буржуазии и истощение австрийского фиска стимулировали интерес австрийской монархии к устьям Дуная.

К войне европейского масштаба Николай I не был готов. Он отступил под натиском Пальмерстона, требовавшего отмены Ункар-искелесского договора, уступил Меттерниху, эвакуировав Молдавию и Валахию, и простил Порте ту часть контрибуции, которая осталась ею невыплаченной (1834 г.). Он вынужден был итти с Англией и Австрией на соглашение о том, чтобы Турция была поставлена под коллективный протекторат Европы (1839). Он подписал вместе с ними конвенцию о совместной вооруженной защите Константинополя и проливов (1840). Наконец, в 1841 г., поставленный перед сомкнутым строем всех европейских держав, он отступил на исходные позиции: согласно Лондонской конвенции проливы закрывались для военных судов всех наций. Чтобы воз-

[1] Guizot, Mémoires pour server à l'histoire de mon temps, v. IV, p. 49.

вратить потерянное, нужно было готовиться к новой большой войне, прежде всего — к войне с Англией.

Подготовка к предстоящей решительной схватке велась с обеих сторон.

Николай I реализовал большую судостроительную программу, предпринял оборудование неприступных военных портов на обоих морях, укреплял свою стратегическую базу на Кавказе и готовился к «обходному» движению в Средней Азии.

Англия искала союзника. После затянувшегося периода невязавшейся дружбы с Людовиком-Филиппом она достигла наконец в русском вопросе тесной политической спайки с Наполеоном III, который взял на себя миссию сокрушения русского могущества на Востоке. Последнее было тем более важно, что означало и его сокрушение на Западе, где в условиях складывавшейся новой буржуазной обстановки старая фигура «гегемона Европы» становилась слишком досадным анахронизмом.

Это сближение совпало с периодом исключительного усиления царизма в Европе в условиях 1848/49 г., когда, по словам Маркса:

«... не только европейские монархи, но также и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против только что собравшегося с силами пролетариата», когда «царя провозгласили главой европейской реакции» [1].

Откликались на зов европейской реакции, готовясь к своему выступлению на Западе, царь и в эту минуту не упускал из виду свои восточные интересы.

Летом 1848 г., когда искры французской революции перебросились в Валахию, корпус русских войск занял Дунайские княжества, и в качестве императорского комиссара генерал Дюгамель принял управление ими [2]. Балто-лиманской конвенцией царизм брал реванш на подступах к Константинополю и укреплялся на старом молдаво-валашском плацдарме.

Как блюститель европейской реакции Николай I тревожился за судьбы австрийской империи. Он писал исполненные скорби прощальные строки уходившему с политической сцены Меттерниху. Но, когда в начале 1848 г. австрийское правительство обратилось к России за помощью против

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Манифест коммунистической партии, стр. 40.
[2] *М. Полиевктов*, Николай I, стр. 350.

охваченной революцией Венгрии, Николай I пошел австрийцам навстречу, по его собственному выражению, «не теряя из виду прямых интересов России» [1]. Это означало для него не только превентивную борьбу с будущей польской революцией; это включалось в систему его ближневосточной политики, означая расширение молдаво-валашского плацдарма за счет Галиции.

В событиях 1848/49 г. царизм осуществлял одновременно и неразрывно программу своей борьбы с революцией и своего военного наступления в направлении к проливам.

**
*

События эти показательны еще и в другом отношении. Известно, что борьба царизма за проливы проходила под флагом «покровительства» балканским славянам или, что то же, турецким христианам, хотя последние не все были славянами. Она предварялась и сопровождалась соответствующей идеологической подготовкой, выражавшейся в посылке русских ученых, лингвистов и историков в южно- и западнославянские страны, в установлении с последними культурной связи, в привлечении в русские учебные заведения славянской молодежи, т. е. в создании кадров работников в области укрепления русского влияния как на Балканах, так и на их австрийском гинтерланде.

Вся история греческого вопроса двух предыдущих десятилетий уже показала действительное место и значение лозунгов «защиты» и «покровительства» «славянам» в системе царской политики. Последующий период дает новые иллюстрации в том же духе.

В 1837—1839 гг. русский посланник в Константинополе Бутенев вел борьбу с национальным движением сербской буржуазии, требовавшей демократизации конституции. В 1842 г., когда в Сербии вспыхнуло восстание (возглавлявшееся представителями либеральной партии «уставобранителей» Вучичем и Петроневичем), направленное против князя Михаила Обреновича, Николай I требовал от султана наказания виновников восстания, и для помощи в этом деле султану царь сконцентрировал на границе 25-тысячный корпус [2]. Обращенная австрийским правительством просьба о помощи в борьбе с революцией была непосредственно свя-

[1] «Красный архив», т. 47—'8, стр. 10.
[2] *М. Полиевктов,* Николай I, стр. 166—180.

зана с пражским восстанием, которое угрожало спокойствию и в русской Польше. В эту пору горячий западник Герцен говорил на тему об организации славянского мира под эгидой России[1], а у «профессионального революционера» Бакунина в такой мере, по его собственным словам, «пробудилось славянское сердце», что он «в первое время было почти совсем позабыл все демократические волнения»[2], а когда вспомнил о них, стал проповедывать «республиканскую федерацию всех славянских земель»[3], направленную одновременно и против монархической Австрии и против царской России.

Интересы борьбы с революцией толкали Николая I на союз с монархической Австрией, на укрепление последней в противовес общегерманским буржуазным стремлениям к объединению. Интересы разрешения восточного вопроса вместе с тем требовали от крепостнического государства приложения всех усилий к тому, чтобы, оттянув Австрию от Дуная, дать ей соответствующую нагрузку на Западе, заняв ее делом руководства германским союзным сеймом. И интересы борьбы с революцией и интересы восточной политики требовали в то же самое время от царизма занятия «исконной русской земли» — Галиции. И в плане закрепления за собой галицийских земель и в плане предстоящего продолжения агрессии на Балканах царизм нуждался в соответствующей идеологической подготовке так же, как он нуждался в полицейских мероприятиях фельдмаршала Паскевича. На дело идеологической подготовки своей ближневосточной агрессии царизму не приходилось затрачивать особых усилий. Это делалось само собой. Это происходило, как это ни звучит парадоксом, в плане той критики политической линии царизма, какая, хотя и приглушенная, явственно доносилась из рядов фрондирующего дворянства в годы ослабления русской агрессии на Ближнем Востоке. Та славянофильская идеология, носителями которой являлись известные круги мелкопоместного великорусского дворянства, отесненного от власти и борющегося за нее, объективно заключала в себе обращенные к царизму и прикрытые теорией расизма требования самой широкой политической экспансии — экспансии, простирающейся не только на заселенный славянами балканский плацдарм, но и на сопредельные Балканам славянские территории Австрии.

[1] *А. Герцен*, Собр. соч., т. V, стр. 193—194.
[2] *Ю. Стеклов*, М. А. Бакунин, ч. I, стр. 197.
[3] *В. Полонский*, Бакунин, т. I, стр. 174—179.

И Хомяков, и Иван Аксаков, и Кошелев считали венгерскую войну «необходимой» войной и радовались «чудному движению», которое произвело «блистательное окончание» венгерской кампании [1]. М Дмитриев в письме к Погодину приходил к мысли о том, что в награду за «заступничество» Россия должна получить «королевство Галицию» [2].

Наступили 50-е годы. На Западе революционная волна спадала. «Как только утихает революционный ураган, — писал Маркс в начале 50-х годов, — можно с уверенностью сказать, что снова всплывает на поверхность вечный «восточный вопрос»... Так и теперь, когда близорукие пигмеи, стоящие у власти, гордятся тем, что счастливо избавили Европу от опасностей революции и анархии, возникает опять этот неразрешимый вопрос, никогда не иссякающий источник затруднений — «что нам делать с Турцией?» [3]

Правительство Николая I начало переговоры с английским послом. Россия предложила Англии Крит и Египет, себе же она выговаривала Молдавию, Валахию, Сербию и Болгарию. Но сделка с англичанами не состоялась, и тогда Россия сама взялась за разрешение восточного вопроса. Начали с того, что предъявили Турции требование об удалении министра иностранных дел. Так как Турция это требование выполнила, предъявили и второе — султан должен был торжественно подтвердить права России на покровительство православным христианам на Востоке. Султан ответил только полусогласием. «Порта стоит на коленях,—писал 1/VI 1853 г. кн. М. Воронцов А. Ермолову, — божится, что войны не желает и даже боится, но все-таки не хочет, чтобы ее били в морду» [4]. Так как Порта войны не хотела, Россия ей предъявила второй ультиматум (14/VI 1853 г.) и двинула войска в придунайские княжества. В те дни царь, спросив как-то своего министра, ранее шефа жандармов, Орлова: — «Чем занята публика?» — получил ответ, что повсюду только и думают и говорят о войне» [5].

Часть дворянских кругов быстро пришла в движение. Заработал славянофильский идеологический аппарат. «Для славянофилов, в особенности, — свидетельствует Чичерин, — это была священная война, борьба за православие и славянство, окончательное столкновение между Востоком и

---

1 *Барсуков*, Жизнь и труды М. Погодина, т. X, стр. 269.
2 «Русский архив» 1884 г., № 4, стр. 308 и 1886 г., № 3, стр. 353.
3 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Собр. соч. т. X, стр. 153.
4 *Барсуков*, цит. соч., т. XIII, стр. 4.
5 *Феоктистов*, Воспоминания.

Западом»[1]. Увлекающийся Тютчев мечтал о том, как император возложит на себя в храме св. Софии корону и предстанет в качестве «всеславянского царя». Более трезвый и расчетливый Погодин, переписывавшийся тогда по славянским делам с графиней Блудовой при помощи особого условного шифра, организовывал через нее прием специальной болгарской депутации к царю с целью еще сильнее разжечь его против Турции[2]. В своем «Москвитянине» тот же Погодин писал о 80 миллионах турецких и австрийских славян как о лучших союзниках России в предстоящей войне с Турцией. А в пространном письме к Блудовой от 7/XII 1853 г., отмечая «отступничество» и «ренегатство» западноевропейских держав и в первую голову Австрии и противопоставляя им славян как союзников России, он патетически восклицал: «Покажите им прекрасную святую цель освобождения от несносного иноплеменного ига... и вы увидите, какие чудеса ими сотворятся... сколько прибудет силы у русского Самсона... Если мы не сделаем теперь этого, не освободим славян... то это сделают враги наши, французы, англичане, которые только того и ждут, чтобы мы оробели... и согласились отказаться от всякого влияния на Востоке, от миссии, нам предназначенной со времени основания нашего государства... Если мы не воспользуемся обстоятельствами... и петровы и екатеринины высокие предположения и предначинания прости навек»[3].

Николай I не нуждался конечно в агитации и по мере сил старался пользоваться обстоятельствами. Командующий дунайской армией Паскевич поднимал христианских подданных султана в Молдавии и Валахии. В Боснии орудовал «путешественник» Ковалевский, который держал связь с черногорцами. Советник русского посольства в Вене Фонтон работал в Сербии. Особый царский агент действовал в Греции, проводя кампанию по отторжению Эпира и Фессалии от турок и передавая присланные из Петербурга 300 тыс. руб. революционной греческой колонии в Афинах.

В прокламации к «единородным братьям нашим, живущим в турецких землях», изданной агентурой российского министерства иностранных дел через посредство основанного в Бухаресте, по инициативе Горчакова, болгарского общества «Эпитропия», объявлялось, что единственная цель «благоверного и всемилостивейшего государя» — «защитить

---

[1] *Чичерин*, Москва 40-х годов, стр. 143—158.
[2] *Барсуков*, цит. соч., т. XIII, стр. 16—18.
[3] *М. Погодин*, Собрание статей, писем и речей, стр. 121—130.

вас, православных чад, угнетенных неистовыми врагами». Начиная войну с Турцией (19/X 1853 г.), Николай I в особом манифесте призывал своих подданных «подвизаться за угнетенных братьев». Подданные шли, но умирать им приходилось не столько от турецкого, сколько от французского и английского оружия.

«Англичане заодно с французами всегда нас пересилят,— писал 24/IV 1853 г. кн. П. Вяземский своему другу дипломату Северину, — потому что турки им доверяют, а нам не верят. Англия и Франция могут действовать и действуют на Турцию торговлей, так называемым просвещением, а мы не имеем над ней этого торгового влияния. Мы можем налечь на нее только физической силой» [1].

В начавшейся Крымской войне царизм, оказавшись изолированным, без союзников, потерпел полный крах.

Николай I «сдал» своему сыну «команду не в добром порядке».

При вступлении на престол новый царь заявлял иностранным дипломатам, что останется верен началам, одушевлявшим его отца. Но продолжать дело теми же средствами и с теми же силами было уже невозможно. Притом дело могло не ограничиться Севастополем. С часу на час ждали бомбардировки неприятельским флотом Кронштадта [2].

Англо-французские военные суда показывались даже в русских дальневосточных водах и обстреливали батареи Петропавловского порта. На совещании министров, состоявшемся в Зимнем дворце 20/XII 1855 г., речь шла об опасности потери Финляндии, Остзейских губерний, Польши, Кавказа [3]. Представители старой николаевской военщины стали с горечью отмечать «холодность нашего дворянства», которое сделалось «неузнаваемым» и «тяготится» продолжением войны [4]. Приходили известия, что новые рекрутские наборы сопровождаются бунтами в деревне. «Войску решительно все равно, — писал в январе 1856 г. находившийся в Бендерах Ив. Аксаков,— и оно готово геройски умирать и в бою за греков и в бою против греков, но конечно желает, если можно не умирать ни в каком бою» [5].

---

[1] *Тютчева,* При дворе двух императоров, стр. 21—22.

[2] Там же, стр. 36.

[3] *С. Татищев,* Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II, стр. 185.

[4] «Русский архив» 1878 г., т. II, стр. 314—328. Письмо Перовского Булгакову от 16/VIII 1855 г.

[5] «Аксаков в письмах», т. III, ч. I, стр. 232 и 261.

Продолжать борьбу при таких условиях становилось для царизма делом совсем невозможным.

Александр II пошел на «позорный» мир. Парижский трактат 1856 г., воспроизводя конвенцию 1841 г. о закрытии проливов, исключал русский военный флаг не только из проливов, но и из Черного моря; России запрещалось строить на побережье морские арсеналы. «Россия, — говорит французский историк восточного вопроса, — была отброшена на целое столетие... Черное море уже не было ни русским озером, как после Ункиар-Искелесси, ни турецким озером, как до Екатерины II и Петра Великого. Россия была... изгнана со «двора» своего собственного дома»[1].

О настроениях, создававшихся в связи с финалом Крымской войны в правящих классах царской России, можно судить по выступлениям вхожего в придворные сферы консервативного историка Погодина, пламенного панегириста николаевского царствования. Уже в апреле 1854 г. он указывал на то, что «народы Россию возненавидели» и что «теперь русскому почти невозможно путешествовать, не подвергаясь самым чувствительным оскорблениям»[2]. «Не для Севастополя... не для Кронштадта, — писал Погодин 7/III 1855 г., — Франция и Англия... истощают свои силы, они хотят разделить между собой Турцию... Мы отстраняемся от законного наследства... отталкиваемся с презрением от того венца, до которого прикасались уже рукой»[3]. «Россия находится, — повторял Погодин в ноябре 1856 г. — политически в самом унизительном и позорном положении, в каком со времен Петра Великого не находилась никогда... Стыд, срам и поношение»...[4].

* * *

Сокрушительный удар по международному престижу царизма и внутренний кризис, который в связи с войной обострился в стране, приводили к быстрому созреванию той революционной ситуации, о которой писал Маркс в своем известном письме к Энгельсу от 8/X 1858 г., посвященном вопросу о «созыве нотаблей»[5]. Правительство стояло перед срочной задачей расширения и укрепления своей сузившей-

---

[1] *Рене Пинон*, Сборник «Проливы», изд. 1924 г., стр. 43.
[2] *М. Погодин*, Историко-политические письма и статьи, стр. 81—93.
[3] *Барсуков*, цит. соч., т. XIV, стр. 318—322.
[4] *Барсуков*, цит. соч., т. XV, стр. 40—41.
[5] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч. т. XXII, стр. 362.

ся и пошатнувшейся социально-политической базы. Наблюдая русскую жизнь из своего заграничного далека, констатируя тот «эпидемический» характер[1] какой стали принимать восстания крестьян против помещиков еще в николаевскую эпоху, Маркс отмечал, что «случись или не случись... война», даже Николаю пришлось бы открытой постановкой крестьянского вопроса «будить спящие элементы»[2]. «Крестьянская реформа, как указывал Ленин, была шагом по пути превращения России в буржуазную монархию, но вместе с тем она «была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники»[3]. Об этом же писал и Маркс, указывая, что дворянская Россия, делая первый шаг по пути буржуазного развития, консервировала вместе с тем, все то, что можно было спасти из крепостнического наследства. Эта консервация осуществлялась путем «сделки»[4] с социально-консервативными слоями оппозиционного дворянства, с одной стороны, в результате организации новой военной агрессии, с другой.

Царизм в области внешней политики выступал во имя интересов помещичьего землевладения, с одной стороны, во имя интересов растущей буржуазии, с другой хотя в соответствии со своей классовой сущностью осуществлял эти задачи в порядке известной очередности. Входя иногда в противоречия, интересы помещичьего землевладения переплетались в конечном счете с интересами развивавшейся русской буржуазии в области внешней политики, в области завоевания новых территорий, захвата новых рынков. Константинополь и проливы были нужны помещикам и хлебным экспортерам как путь для вывоза русского хлеба; наступление царизма на Персию и Среднюю Азию отвечало прежде всего интересам промышленников центрального района. Поскольку происходивший в России промышленный переворот ставил ее в непримиримые противоречия с бурно растущим английским промышленным капиталом, претендовавшим на роль гегемона не только на рынках Европы, но и в Азии, постольку Англия оказывалась противником России не только на подступах к Константинополю, не только на рынках Азиатской Турции, но и по всему среднеазиатскому фронту. Фронт ближневосточный таким

---

[1] *Маркс и Энгельс,* Собр. соч. т. XI, ч. 2, стр. 542.
[2] Там же, т. XI, ч. I, стр. 531.
[3] *Ленин,* Собр. соч. т. XV, стр. 143.
[4] *Маркс* и *Энгельс,* Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 19 и стр. 152, 153.

образом как бы смыкался со среднеазиатским. Если Персия в известный момент могла сыграть для царизма роль плацдарма для движения на Константинополь, последний в свою очередь начинал играть роль стратегического пункта, доминирующего над кавказским путем, по которому шли товары в Азиатскую Турцию, Персию и Среднюю Азию. Капитализирующиеся помещики центрального района в лице славянофилов чутко прислушивались к голосу текстильных фабрикантов того же района, ждавших от царизма новых рынков сбыта своей мануфактуры. И так как в роли индустриальной державы царская Россия могла выступать только на Среднем Востоке, чижовский «Вестник промышленности» вопросу об овладении среднеазиатскими рынками уделял серьезное внимание.

Но славянофилы потому и названы были славянофилами, что первоочередною задачей своей идеологической работы ставили проблему овладения славянским плацдармом на подступах к Константинополю.

Выступая в качестве идеологов агрессивной политики русского капитализма во всей ее полноте, но оставаясь прежде всего социально-консервативными помещиками, славянофилы в результате своей «сделки» с царизмом становились лучшими выразителями его агрессивной политики и преобладавших в ней феодальных тенденций.

Поборники великорусского мессионизма, признанные «миссионеры славянского дела», в деле разрешения оставшегося неразрешенным восточного вопроса они оказывались для царизма незаменимыми.

Отброшенная Крымской войной на исходные екатерининские позиции царская Россия имела теперь основной целью всей своей внешней политики пересмотр Парижского трактата.

Через три месяца после подписания трактата министр иностранных дел указывал в своей инструкции вновь назначенному посланнику в Константинополе, что «с точки зрения общих политических интересов и развития России покровительство христианам и церкви в Турции ставится выше во всех политических расчетах». Инструкцией поручалось «подготовить условия будущего трактата, исходя из того, что традиционные цели России на Балканах останутся те же, что и до Крымской войны» [1].

---

[1] Архив внутренней полиции, д. № 43/49. Канцелярия. Константинополь 1856 г. Инструкция Бутеневу от 8/VI 1856 г.

Но к разрешению своих задач царизму теперь приходилось подходить не только в условиях резко обострившейся классовой борьбы внутри страны, но и в условиях невыгодно изменившейся в связи с результатами войны международной обстановки.

Когда Маркс в 1860 г. писал о том, что царская Россия не имеет возможности выбраться из внутренних противоречий иначе, как при помощи внешней агрессии, он имел в виду замышлявшуюся царизмом новую агрессию на Ближнем Востоке, на этот раз в союзе с своей победительницей — Францией Луи-Наполеона. «Ясно, — писал он, — что самодержец Франции и самодержец России, подвергаясь давлению одной и той же повелительной необходимости трубить в трубы войны, действуют во взаимном согласии»[1]. Для укрепления своей власти Наполеон III нуждался в подвигах. Выходившая из феодального хаоса и расшатанная войной Турция нуждалась в деньгах. Успевшую раньше захватить позиции в Турции Англию начали вытеснять французские капиталы. Только что возникший (1856 г.) английский банк в Константинополе был скоро заменен (1863 г.) оттоманским банком, работавшим преимущественно на французские деньги. Тогда же вслед за англичанами французский капитал устремляется в железнодорожное строительство Малой Азии. Франция начала поставлять туркам свою техническую интеллигенцию — профессоров, учителей, инженеров. Франция предприняла прорытие Суэцкого канала. Она начала играть на Ближнем Востоке первую роль. Англичане оказывались в хвосте. Казалось, царской России это могло итти только на пользу, и Наполеон выступал перед нею теперь не столько как соперник, сколько как возможный союзник на Ближнем Востоке. Это был по крайней мере тогда единственный мыслимый союзник в разрешении восточного вопроса. Австрия была исключена из числа друзей царской России: «Когда государь говорит об Австрии, его лицо принимает прекрасное выражение ненависти», — записывала царская фрейлина в своем дневнике[2]. «Пруссия, этот возможный будущий союзник России, была еще бесконечно слаба и из всех европейских государств представляла самое хаотическое и самое жалкое зрелище»[3]. А старый враг с британских островов оставался попрежнему достаточно

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 111.
[2] *Тютчева*, цит. соч., стр. 193, запись от 16/IV 1859 г.
[3] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 152.

грозной фигурой. Не сойдя еще со старых позиций защиты неприкосновенности владений султана, он продолжал стоять на страже проливов, охраняя их теперь и от Петербурга и от Парижа.

Выраставший в серьезного соперника Англии Наполеон III еще ранней весной 1857 г. спрашивал посетившего Париж великого князя Константина Николаевича о том, не захочет ли Россия присоединить к себе Галицию, и тогда же он развивал план образования федерации на Апеннинах, с одной стороны, и на Балканах — с другой[1].

В конце 1858 г. Наполеон снова заговорил о Галиции для России и об итальянских территориях Австрии для Франции и допускал возможность изменения Парижского трактата[2]. В марте 1859 г. Наполеон убеждал русского посланника в Париже Киселева в том, что настало время заключения франко-русского союза, и снова говорил о возможности пересмотра договоров и Венского и Парижского.

У царской дипломатии уже мелькала мысль о тройственном франко-прусско-русском союзе, который пришел бы на смену Священному, и во время австро-французской войны она выступала посредником в переговорах между Францией и мобилизовавшей свою армию Пруссией.

В ближневосточном вопросе смычка интересов французских и русских намечалась довольно тесная: она намечалась и в молдаво-валашских делах — в вопросе о соединении княжеств, она намечалась и в Сербии — в вопросе о водворении династии Обреновичей и признании за ней наследственных прав. Полное согласие было и в черногорских делах: когда в 1856 г. между Турцией и Черногорией возникла война, одно появление в Адриатическом море русских и французских военных судов вынудило Порту отказаться от реванша за понесенное на Гроховском поле поражение и согласиться на новое разграничение на выгодных для Черногории основаниях. Наконец, когда Горчаков обратился (4/V 1860 г.) к посланникам великих держав с нотой, указывавшей на необходимость коллективного вмешательства в турецкие дела, как бы в подтверждение этого предложения Горчакова началась резня христиан в Сирии, кончившаяся оккупацией страны семитысячным французским корпусом. Казалось, что наполеоновская идея превращения Средиземного моря во французское озеро может осуществиться, не-

---

[1] *С. Татищев*, цит. соч., т. II, стр. 235—237.
[2] Там же, стр. 249—250.

смотря на противодействие Англии и Австрии, в полном согласии с царской Россией. Казалось, что екатерининские проекты могут реализоваться при замене в диспозиции австрийцев французами. Был даже момент (1860 г.), когда русский посланник в Париже Киселев представил царю записку «о пользе оборонительного союза с Францией».

На полях этой записки царь сделал пометку: «Против кого?»[1]. Царь хотел этим сказать, что союз этот нужен Франции как направленный прежде всего против Австрии и Пруссии. Это означало то, что Константинополь для французов получал значение только как место, где «хранятся ключи Рейна». Но «ключи Рейна» могли «храниться» также на Висле. А это уже составляло для царизма прямую опасность. Царь отозвал свою миссию из Турции. Со своим дядей, принцем-регентом прусским, он начал оживленно обсуждать вопрос о тех последствиях, к каким может повести проводимая Наполеоном политика поддержки национальных движений. В октябре 1860 г. состоялся съезд трех монархов в Варшаве, где ставился вопрос о мерах борьбы с революционным движением. Александр концентрировал войска в Царстве Польском, увеличивая артиллерию, посылая с Дона казаков. «Эта политика,— писал Маркс в ту пору,— не является ни легитимистской, ни революционной, но с одинаковой легкостью использует все возможности территориального расширения, — безразлично, должно ли оно быть достигнуто присоединением к восставшим народам или к борющимся монархам»[2]. Царская Россия, находя общий язык с Пруссией в польском вопросе, держала курс на усиление Пруссии. Заключая с Пруссией специальную военную конвенцию о подавлении восстания и выдаче польских инсургентов (1863 г.), она поддерживала ее в шлезвиг-голштинской экспедиции (1864 г.) и в войне с Австрией (1866 г.). Преодолевая свой первоначальный «ужас» перед принятым Бисмарком низведением с престола ряда династий, Александр содействовал территориальному расширению Пруссии, образованию северогерманского союза и выталкиванию Австрии из Германии, невзирая даже на то, что это выталкивание шло по направлению к устьям Дуная и вело к обострению австро-русских антагонизмов на Ближнем Востоке.

В условиях отсутствия надежного и зрелого союзника на Ближнем Востоке, в условиях кризиса крепостного хозяй-

---

[1] *С. Татищев*, цит. соч., стр. 269.

[2] *Маркс* и *Энгельс*, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 152.

ства и обострившихся классовых противоречий, в условиях расшатанности вексельного курса русских бумаг на европейских биржах становилось очевидным, что сколько-нибудь серьезных успехов на этом фронте можно было достигнуть только в результате длительной подготовительной работы. Но недаром консервативный историк Погодин, заканчивая одно из своих «обличительных» писем трагическим вопросом «Что же нам делать?», на вопрос этот отвечал вопросом же: «Не затеять ли новую войну?» [1].

Так как без блестящих военных успехов царское правительство жить не могло, этот затяжной период незаметной, «муравьиной» работы на Балканах оно окрашивало эффективными действиями в других районах. Это было тем более целесообразно, что действия эти лежали в плане англо-русской борьбы, а следовательно в большом плане борьбы за проливы.

В 1858 г. после занятия левого берега Амура министр иностранных дел мог поздравить царя с «новой прекрасной славной страницей, вписанной в историю его царствования» [2]. С 1859 г. с Кавказа шли все новые и новые донесения царю о «покорении» его «державе» новых земель. В 1865 г. под стенами Ташкента загремели пушки Черняева. Здесь, в Средней Азии, дела царского правительства пошли так успешно, что появились опасения, как бы не вызвать недовольства со стороны Англии.

Перед лицом такой перспективы приходилось во всеуслышание заявлять, что от Самарканда «рано или поздно нам может быть придется отказаться», что «весь Афганистан не стоит одной капли европейской крови» [3], что «движение в Средней Азии только крайняя необходимость» и что наконец «Россия не имеет и не может иметь никаких видов, опасных для английского владычества в Индии» [4]. «Отказываясь добросовестно от непосредственного вмешательства в дела Европы», обещая не слишком усердствовать в Средней Азии, вместе с тем задавались вопросом: «Или нынешняя Россия как великая европейская держава не вправе влиять более непосредственно на дела Востока?» [5]

Еще в ноябре 1858 г., касаясь вопроса о русской политике после Крымской войны, Маркс писал: «Еще более рас-

[1] *Барсуков*, цит. соч., т. XV, стр. 40—41.
[2] «Красный архив», т. 21, стр. 197.
[3] «Голос» № 52 от 21/II 1865 г.
[4] «Московские ведомости» № 37 от 12/II 1869 г.
[5] «Голос», № 54 от 23/II 1865 г.

шатать Турцию и установить свой протекторат над ее христианскими подданными — таковы были цели, к которым Россия стремилась в начале войны...». Констатируя далее факт «обессиления Турции» в результате войны, Маркс приходил к выводу, что в этом отношении Россия «по окончании войны все же осталась в очевидном барыше» [1]. Перед царской Россией, ни на минуту не оставлявшей мысли о проливах, стоял вопрос о том, как пустить в затеянное ею дело реванша на Балканах этот, хотя и на чужой беде нажитый, капитал.

Актуализировался вопрос о балканских христианах и даже расширялся до пределов вопроса общеславянского.

Идеология издавна агрессивно настроенного, издавна предрасположенного к ближневосточной агрессии великорусского мелкопоместного дворянства в лице приблизившихся к власти «миссионеров славянского дела» становилась для царизма орудием крупного политического значения. Славянофилы привлекались к активному сотрудничеству в стоявшей перед азиатским департаментом министерства иностранных дел большой подготовительной работе.

Укрепив себя успешной внутренней «сделкой», царизм держал курс на новую большую агрессию под развернутым знаменем всеславянства. Недаром Маркс в 1865 г. писал: «Панславизм — это не только движение в пользу национальной независимости, это — движение, которое хочет стереть с лица земли то, что создано историей за тысячелетие, которое не может осуществиться без того, чтобы не смести с карты Европы Турцию, Венгрию и половину Германии, которое, достигнув этого результата, не может иначе гарантировать своего существования, как только путем покорения Европы» [2].

***

На вверенном им участке славянофилы вели наступление развернутым фронтом. Они начинали с того, что бросали в бой с «дряхлым» западным миром всю наличность существующих славянских племен. «Пора нам наконец, — начинал аксаковский «День»,—принять вызов и смело вступить в бой с публицистикой Европы за себя и за наших братьев-славян». Для победы нужна сила. «Наша сила в Европе, — продол-

---

[1] *Маркс и Энгельс,* Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 368.

[2] Там же, т. X, стр. 389.

жал «День»,— мир славянский...». Так как этот единственный союзник России не свободен — его надо освободить: «освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного духовного и пожалуй политического бытия под сенью могущественного русского орла — вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России»[1].

Проблема борьбы за славянство ставилась во всей принципиальной широте: «Существование так называемых земель чешской короны, судьба Галиции и Венгрии, положение так называемого триединого королевства, Сербии, Боснии и Черногории, наконец возрождение болгарского народа — все это неразрывные части одного и того же славянского вопроса...». Или иначе: «Нет частных, противоречащих друг другу славянских вопросов... есть один славянский вопрос — и он должен собой наполнить всю будущую историю Австрии, европейской Турции и России»[2].

«В чем могут заключаться для России, — писал два года спустя Данилевский, — ближайшие осязательные политические выгоды от образования всеславянского союза? Конечно в увеличении внешнего могущества, в обеспечении (как себя), так и своих союзников от напора враждебного Запада»[3].

Данилевский выступил с обоснованием своей славянофильской теории два года спустя, в 1869 г., и развивал ее уже применительно к новой международной обстановке, защищая не только идею «всеславянской федерации» под эгидой России, но и необходимость союза России и Пруссии как «союза благословенного».

В 1867 г., когда после тяжелых неудач на севере Австрия уже в качестве двуединой монархии стала вести активную политику на юге и делать это стала в полном согласии с проектами и планами своего победителя, Вильгельма Прусского, друга и дяди русского царя, русские славянофильские газеты были надолго закрыты и «панславистская» агитация прекращена.

В течение же всего предыдущего семилетия (1861—1867 гг.) не только агитационная, но и организационная работа шла у славянофилов усиленными темпами. Открывались филиалы славянского комитета в Петербурге, Киеве и Одессе. Председатель московского комитета, Погодин, пи-

[1] «День» № 1, октябрь 1861 г.
[2] «Москва» от 14/I 1867 г.
[3] Там же, стр. 498 и 396, *Данилевский Н.*, **Россия и Европа.**

сал «окружные послания» к славянам. Производилась переброска вывезенной из Праги части руки св. Кирилла из одного места в другое. На устроенную в Москве этнографическую выставку (1867 г.) съезжались представители славянских народов, причем «управления железных дорог вызвались возить гостей даром», а «некоторые особы царствующего дома приняли [в съезде] участие» [1].

Та проповедь, какая велась славянофилами в период этого семилетия, проповедь, требовавшая расширения восточного вопроса до пределов вопроса всеславянского, приобретала значение широкого идеологического прикрытия той конкретной политической работы, какую, именно в этот период, проводила царская дипломатия на путях ее продвижения к проливам. Необходимо было только найти реальную опорную точку на Балканах. В качестве объектов «освободительной» миссии царизма на Балканах и греки и румыны были мало пригодны. Их можно было держать только в резерве.

К началу 60-х годов княжества Молдавия и Валахия, служившие когда-то предметом «защиты» и «покровительства» царской России, были накануне превращения в единое княжество Румынию руками французского императора.

В борьбе с австрийским влиянием на Балканах Наполеон организует даже тайный комитет в Бухаресте, под эгидой которого должно было произойти объединение балканских народов в единую балканскую федерацию. Официально числясь за султаном, но прогрессируя в своей западной ориентации, Румыния к великой досаде правящих кругов царской России становилась «чуждым» политическим телом, лежащим «между нами и славянами поперек дороги в Царьград» [2].

Принимая от Англии ценный подарок (Ионические острова) в 1862 г., Греция так ценила английскую дружбу, что без пререканий принимала от англичан же одного за другим кандидатов на греческий престол.

Оставались сербы, болгары и черногорцы. Болгары были «открыты» русскими учеными-филологами только в конце 20-х годов XIX в. во время пребывания русских войск на Балканах. Черногорцы, жившие в неприступных горах, были немногочисленны, но слыли заклятыми врагами султана и в Крымскую войну заслужили признательность русского царя.

---

[1] *М. Погодин.* Собрание статей, писем и речей, стр. 61—78.

[2] «День» от 19/I 1867 г.

Сербы, политически давно сложившиеся в крупную автономную провинцию Оттоманской империи, были многочисленны и по тому времени сильны. Сербское население составляло большинство в Боснии и Герцеговине; этнографически черногорцы были также сербами. Правящие сербские группы начинали проникаться великосербскими настроениями. В вероисповедном отношении они были такими же православными, как и русские. Династия Обреновичей, только что получившая власть из рук царской России (1858 г.), еще не растеряла старых воспоминаний. Аннексионистские тенденции сербской буржуазии можно было направить в должное русло. К тому же Сербия заслуживала особенного внимания ввиду ее пограничного положения с Австрией. Австрийские товары, ввозимые в Сербию, уже заставляли говорить о себе, а будущие судьбы босне-герцеговинских сербов все сильнее начинали тревожить умы австрийских политиков. О покровительстве сербам и о «защите» сербских интересов нужно было думать в первую голову. Мало того, приходила мысль, что при помощи сербов удастся втянуть в орбиту своего влияния всех прочих. Пропагандировавшаяся славянофильскими теоретиками идея славянского единства являлась как нельзя кстати. Очевидно, раз проблема была для всех славян едина, и разрешение ее требовало от всех славян единства действий.

Предоставляя идеологам славянофильства разработку проблемы во всей ее полноте, царское правительство ограничивалось своим минимальным вариантом «панславизма» — идеей союза балканских славян. Нельзя сказать, чтобы действия правительства отличались принципиальной выдержанностью: когда нужно, клался в основу принцип вероисповедный, когда нужно, этнографический. Но минимальный вариант, вариант, сводившийся к идее организации славянского союза на Балканах, в условиях момента представлялся вполне реальным. «Сербия в силу обстоятельств и вследствие своего исключительного положения, — говорится в инструкции министерства иностранных дел русскому консулу в Белграде от 27/XI 1860 г., — сделалась как бы центром и точкой опоры прочих славянских областей Турции» [1]. Какой практический вывод должны были сделать русские агенты на Балканах из этого общего положения? Инструкция, посланная министерством русскому консулу в Бухаресте, гласила: «Имея в виду, что наша политика на Востоке в настоящее

1 Архив внешней политики, д. 240/1860, Белград.

время направлена главнейшим образом на то, чтобы материально и нравственно укрепить Сербию и дать ей возможность стоять во главе движения на Балканах, министерство решилось подчинить этому плану все дальнейшие свои действия по вопросу о вооружении славянской народности в Турции»[1]. Наконец в другой инструкции тому же консулу, относящейся уже к маю 1866 г., значилось: «Нам необходимо стараться группировать все разнородные элементы славян в Турции около Сербии как около центра, из которого впоследствии, при благоприятных обстоятельствах, должно возникнуть главное движение, поддерживаемое в совокупности всеми славянами»[2].

«На Сербию, — популяризовал эту идею аксаковский «День», — обращены теперь взоры всех племен славянских... из всех славянских племен всего удобнее сгруппироваться сербскому племени... прочное освобождение сербского племени вовсе не принадлежит к разделу мечтаний»[3].

Из сказанного ясно: речь шла об организации союза балканских славян во главе с Сербией, о «материальном и нравственном укреплении» Сербии в первую голову и укреплении и «вооружении» прочих славян при ее посредстве.

Начали с финансового «укрепления» Сербии. Выдали сперва небольшую сумму в 15 тыс. руб. серебром еще в 1860 г., затем «государю угодно было даровать Сербии заем сперва в 300 тыс. червонцев, потом довести его до миллиона»[4].

Данные об этих финансовых операциях помогают нам уяснить, кто был вовлечен в этот «союз» и каким путем шло вовлечение. Оказывается, вовлечению подвергались не только Черногория и Болгария, но и находившаяся среди второочередных Греция.

«Мы сильно содействовали, — значилось в отношении министерства иностранных дел от 9/XII 1869 г. на имя консула в Белграде, — сближению Сербии с Грецией, Черногорией и Болгарией, без которых успех невозможен. Мы отвергали все попытки получить от нас с этих сторон пособие и неизменно обращали всех к Сербии, создавая таким образом для нее положение преобладающее»[5].

---

1 Архив внешней политики, д. 6/1866 П. О. Болгария. Революционные комитеты.

2 Там же.

3 «День» № 35, 1862 г. *Аксаков*, Собр. соч., т. I, стр. 19—27.

4 Архив внешней политики, д. 253/1867, Белград.

5 Там же.

О каких-либо национальных движениях, в которых принимали бы участие народные массы, говорить в данном случае не приходилось. Союз строился исключительно на финансовой базе.

Объектами финансирования являлись исключительно представители династий и правящих клик. Дело «материального укрепления» сводилось к простой даче взяток.

В 1860 г. согласно директиве, полученной от российского министерства иностранных дел, сербский князь Михаил Обренович заключил с черногорским князем Николаем союзный договор: Сербия брала на себя обязательство в кратчайший срок вооружить черногорцев, последние обещали совместные действия в борьбе с турками. Соглашение не отличалось большой прочностью и через несколько месяцев дало трещину. В октябре того же 1860 г. князь Николай уже жаловался российскому министру иностранных дел на сербов за то, что вместо затребованных им 20 тыс. червонцев на вооружение и на подкуп албанских вождей он получил от сербского правительства только 3 тыс. Российское министерство иностранных дел признало объяснения сербского министра-председателя Гарашанина основательными и жалобу князя Николая отклонило [1].

Но так как князь Николай в финансовых делах отличался необычайной настойчивостью, чтобы удержать его в числе союзников Сербии и не дать заглохнуть «национальному движению» в Черногории, царская дипломатия настояла на заключении особого сербо-черногорского секретного соглашения (1865 г.), по которому князь Николай должен был получать ежегодно 20 тыс. червонцев. После вовлечения в союз черногорского князя царские дипломаты обратили внимание на герцеговинцев, населявших один из важнейших участков Балканского полуострова, где происходили крупные аграрные волнения. Согласно предложению российского министерства иностранных дел от 21/VII 1867 г. сербское правительство заключило соглашение с вождем герцеговинцев Лукой Вуколовичем. Основы соглашения были приблизительно те же: Сербия дает деньги и оружие, герцеговинцы оказывают в нужный момент вооруженную помощь.

Особенно много хлопот доставило царской дипломатии дело привлечения к союзу болгар. Трудность состояла главным образом в том, что заключать союз здесь было не с кем. «Отыскалось шестимиллионное болгарское племя, —

[1] Архив внешней политики, д. 248/1870, Белград.

писал Ив. Аксаков, открывая в «Дне» сбор пожертвований в пользу «угнетенных» болгар, — забитое, забытое, смешиваемое с сербами, валахами, греками... К турецкому обычному гнету... присоединяется еще ложь европейско-либеральных форм, маккиавелистическая система духовного растления и даже протестантской пропаганды... Мы должны помочь политическому возрождению болгар: ...возвестить о своем сочувствии громко и подать руку помощи»[1]. Беда заключалась именно в том, что наиболее дееспособная болгарская организация — «тайный болгарский центральный комитет», — обосновавашаяся в 1865 г. в Румынии и стоявшая во главе национального движения, была проникнута революционными идеями, шедшими с Запада, и ориентировалась на Запад. Во всяком случае дело здесь уже клонилось к тому, к чему оно пришло позднее, — после 1868 г., — когда мелкобуржуазные интеллигенты во главе с Левским, а впоследствии Ботевым взяли в свои руки руководство национальным движением и, выдвинув лозунг социального и политического освобождения Болгарии и создания «Балканской конфедерации», пошли по пути революционной борьбы. Очевидно с таким союзником царской дипломатии было не по пути.

Пришлось в срочном порядке создавать организацию, которая могла бы втянуть болгарских крестьян в орбиту царской политики и с которой можно было бы заключить соглашение. В апреле 1866 г. по инициативе русского посланника в Константинополе графа Игнатьева в противовес «тайному» создается на территории Румынии «явный болгарский центральный комитет». Новая организация составляется из представителей крупной торговой и ростовщической буржуазии. Во главе ставятся приемлемые для царизма фигуры — Христо Георгиев и Д. Колони. «Явный комитет» был призван к тому, чтобы от имени болгарского народа подписать соглашение с сербским правительством. На съезде болгарских «нотаблей», созванном 5 апреля 1867 г. по инициативе того же графа Игнатьева в связи с приездом в Бухарест сербского князя, были формулированы основные цели дальнейшей деятельности «явного комитета» — совместная с сербами борьба против турок для объединения обеих «братских» народностей в единое «Югославянское царство во главе с сербским королем Михаилом Обреновичем»[2]. Вскоре после сформирования «явного коми-

---

[1] «День» от 14/VII 1867 г.

[2] Архив внешней политики, д. 189. А. Бухарест.

тета» Гарашанину было предложено из Петербурга оказать «явному комитету» денежное пособие, не превышающее 5 или 6 тыс. червонцев[1]. Не удовлетворенные этим деятели комитета просили о прибавке. Через месяц по настоянию царского представителя в Румынии Оффенберга они получили еще 25 тыс.[2] на предмет «удаления от участия в народном болгарском деле «тайного комитета». Сербское правительство превращалось в своего рода комитет по «закупке продажных душ». Верхи болгарской буржуазии предрасполагались к руссофильским настроениям.

На состоявшемся в Ялте в 1867 г. совещании членов «явного комитета» директор Азиатского департамента Стремоухов требовал выполнения всех указаний сербского правительства, а также включения в комитет полковника русской службы Кишельского. Представители комитета Евлогий Георгиев и Шопов не только беспрекословно исполнили желание Стремоухова, но даже предупредительно заявили: «Если Россия не всегда шла навстречу желаниям болгар, то это исходило не от недостатка сочувствия, а для их же собственной пользы»[3].

Болгарами царские дипломаты не ограничились. На всякий случай привлекать стали и греков, играя на панэллинских стремлениях греческой буржуазии и обещая последней все населенные греками турецкие провинции. «Мысль исторгнуть из-под владычества Турции все провинции, населенные греками, — писал царский консул в Белграде в министерство иностранных дел в 1866 г., — имеет все то же влияние и то же обаяние на умы Греции, как и в 1821 г.»[4].

Предложение консула было принято. По директиве из Петербурга сербским правительством было заключено соглашение с греческими гетериями.

Не забыли также самого отсталого племени на Балканах — албанцев, но с албанцами получилась сначала заминка. Гарашанин находил, что албанцев «нужно подкупать в самую минуту действия», российское министерство смотрело шире на вещи: учитывая ту диверсионную роль, какую мо-

---

[1] Там же, д. № 3. П. О. Болгарские революционные комитеты.

[2] Архив внешней политики, д. № 6 П. О. Болгарские революционные комитеты.

[3] Архив внешней политики, д. 1866. Болгарские революционные комитеты, стр 66. По возвращении из Ялты в 1868 г. болгарские делегаты обратились к иностранным державам с просьбой об образовании в Болгарии двухпалатной системы под эгидой султана.

[4] Архив внешней политики, д. 236/1866, Канцелярия, Белград.

гут сыграть албанцы во время восстания против турок, оно настояло на безотлагательном привлечении к делу албанцев «путем подкупа некоторых албанских вождей»[1].

Над укреплением славянского дела особенно энергично работал посланник в Константинополе — граф Игнатьев. Последнему была ассигнована сумма в размере 200 тыс. руб. «для обеспечения успеха христианского дела в западной части Балканского полуострова»[2].

К 1867 г., когда русским правительством были привлечены к делу также и гетерии, Балканский союз можно было считать сложившимся.

В том же году (март 1867 г.) вспыхнуло восстание на острове Крите, населенном греками, но находившемся в вассальном владении султана. Присутствие русской эскадры в средиземноморских водах подействовало ободряюще на греков. Князь Михаил сербский вступил в сношения с Афинами по вопросу о совместных действиях против турок. Русские консульские агенты на Балканах слали донесения о возможности поголовного восстания христиан.

«Мера долготерпения христиан исполнилась, — возвещал Ив. Аксаков в своем «Дне», — Турция разлагается... Нет возможности отсрочивать долее решение восточного вопроса... Войной ли чреваты события или такой дипломатической игрой, в которой шах и мат может равняться любому военному поражению... Когда события надвинутся близко, то они заслонят собой на горизонте и внешней и внутренней политики все другие интересы»[3]. «События готовятся великие»[4]. Сначала, казалось, все складывалось, как по писаному. Горчаков ведет долгие беседы с французским посланником в Петербурге Мутье о критских делах. Игнатьев в Константинополе набрасывает программу реформ для Европейской Турции. В сентябре 1867 г. Турции вручается коллективная нота держав, к которой не присоединилась лишь Англия. Нота требует разрешения критского вопроса путем плебисцита. Однако Порта отказалась принять требование держав. Она стала беспощадно расправляться с критянами. Державы-протестанты и в их числе инициатор протеста, царская Россия, остались в положении безмолвных свидетелей.

«Греческая нация, — пытались корректировать линию царской политики в восточном вопросе русские либералы, —

---

[1] Архив внешней политики, д. 253/1867. Белград.
[2] Там же, д. 6/1886. Болгарские революционные комитеты, стр. 35.
[3] «День» от 18/I, 1867 г.
[4] «День от 18/XI 1867 г.

была бы совершенно права, если бы, обратившись к нам, спросила, зачем все время мы не переставали высказывать симпатии, сочувствие, зачем вся пресса как официальная, так и полуофициальная не переставала уверять, что дело Греции есть правое дело, зачем устраивались среди русского общества подписки, балы, спектакли и т. д. в пользу восстания в Турции, если в последнюю решительную минуту... мы вдруг пристали к западным державам. Греческое правительство и вся нация... перестанут доверять нашей политике и, убедившись, как много во всем ее поведении слов и как мало от них пользы, обратятся к Западу и только в нем будут искать себе помощи»[1].

Но царизм после заключения австро-французского договора 1868 г. стал проявлять удивительное равнодушие к судьбам «единоверных» греков. Мало того: так как к критянам все время шла помощь из Греции и в воздухе запахло греко-турецкой войной, по инициативе России была созвана в Париже конференция держав, которая предъявила Греции требование не допускать на своей территории образования вооруженных отрядов для помощи восставшим, не допускать и вооружения судов против турок. Греческие националисты с острова Крита не только предоставлялись самим себе, но, как это случилось уже однажды при Александре I, признавались «мятежными» и предавались султану.

В русской политике явственно намечался крутой поворот. Это было в конце 1868 г. А еще раньше стали падать симпатии царизма к сербам. Несмотря на то, что только недавно были обещаны Сербии новые денежные ссуды, министерство иностранных дел спешило (с конца 1867 г.) прекратить дальнейшие выдачи. «О каких-либо дальнейших пособиях и содействиях, — гласила инструкция, полученная русским консулом в Белграде из Петербурга, — речи быть не может»[2].

В том же 1867 г. Болгария оказалась ареной симптоматичных событий. Среди крестьян, живущих в Тетвенских горах Болгарии, вспыхнуло восстание против турецких властей. Восстание было жестоко подавлено турками. Европейская печать стала обвинять русского торгового консула в Филиппополе Найдена Герова в непосредственной организации восстания. Министерство иностранных дел было вынуждено снять Герова с должности. Вся эта история быть может так

---

[1] «Вестник Европы» март 1869 г. Иностранное обозрение, стр. 442—444.

[2] Архив внешней политики, д. 253/1867. Белград.

и осталась бы для истории невыясненной, если бы Геров не стал писать оправдательные письма и тем не оставил бы нам материалов, объясняющих происхождение учиненной турками кровавой бойни. Оказывается, организация восстания была предпринята Геровым совместно с «явным центральным комитетом» по поручению графа Игнатьева и на средства, отпущенные последним; цели обреченного на неудачи восстания заключались в том, чтобы уронить авторитет «тайного комитета» и скомпрометировать самую идею вооруженного восстания в глазах широких народных масс Болгарии[1].

18/VI 1869 г. (незадолго до созыва международной конференции в Париже) прибывший в Вену Игнатьев имел совещание по восточным делам с тамошним русским послом бароном Икскюлем. На совещании говорилось о необходимости «добиться того, чтобы отсрочить поднятие балканских народов против Турции до момента, когда мы были бы в состоянии нейтрализовать австрийские силы или до возникновения первого международного конфликта, могущего послужить диверсией для предполагаемого восстания, срок которого было бы желательно продлить до весны 1869 г.». «Нужно подтолкнуть, — значилось в журнале совещания, — западные государства потребовать автономии для острова Крита, что неминуемо и приведет к возбуждению турок»[2]. Такое предложение было внесено вслед за тем на Парижской международной конференции, причем русский представитель имел случай продемонстрировать расположение России к султану, высказавшись за категорическое запрещение греческим судам оказывать какую бы то ни было помощь восставшим критянам.

Это был период, когда быстро росла не только греческая, но и сербская буржуазия, когда в условиях укреплявшегося австро-французского сближения происходило их стремительное высвобождение из-под опеки русского царизма, когда, несмотря на весь пролитый царизмом золотой дождь, катастрофически падало русское влияние в Сербии, когда ставленник России, сербский князь Михаил, был убит (1868 г.) и ставшее у трона новое правительство несовершеннолетнего Милана открыто приняло западную ориентацию.

Это был период, когда реакционные настроения в русских правящих сферах окрепли настолько, что даже ми-

[1] Архив внешней политики, П. А., д. № 6, Болгарские революционные комитеты, стр. 131.

[2] Архив внешней политики, д. 150/1868. Константинополь, стр. 139.

нистр иностранных дел почувствовал потребность покончить, как он сам выразился в своем циркуляре, с «революционной фразеологией и институциями, чуждыми и навязанными ей (власти) в силу необходимости». Это было время, когда сцементированная польскими делами русско-прусская дружба так натянула струну франко-германских антагонизмов, что стало уже возможно говорить о пересмотре Парижского трактата и русскому дипломатическому ведомству можно было уже начать переподготовку своих консулов на Ближнем Востоке. В это время дружба с султаном становилась особенно важной. В этих условиях, естественно, славянский союз становился обузой, мешавшей движению. Политические планы временно свертывались, но выигрывали в конкретности и реальности. Идеологи следовали за политиками. Незадолго перед этим Ив. Аксаков предупреждал: «Запад предложит грекам купить себе политическое величие ценой дружбы к России... Константинополем же он во всяком случае постарается распорядиться так, чтобы эта византийская столица не имела никакого грозного и стратегического значения. Как ни велика наша симпатия к грекам, мы не можем и не должны приносить им в жертву ни наших братьев-славян, ни интересов России...» [1].

Говоря о тех новых трудностях, которые вырастали теперь на Балканах и отражались прежде всего на положении турецких христиан в лице «братьев-критян», «снова подпадавших ненавистному турецкому игу», московский полуофициоз утешал пострадавших: «Нужно выждать время, чтобы приготовить себе возможность обойти их, а иногда требуется даже отступить, именно для того, чтобы отважным и сильным движением перескочить через них» [2].

Бросая созданный ею «Союз» со всеми славянскими и неславянскими племенами как негодную ветошь, царская Россия готовилась к тому, чтобы сделать новый прыжок к водам Босфора.

* * *

Чувствительный нерв внешней политики царизма после Севастополя явственно прощупывался всеми: на перспективах отмены Парижского трактата строил свою игру с Александром II Наполеон III (в 1858 г.); на этих же мотивах пытался играть Франц-Иосиф и в 1859 г. и в 1867 г.; с 1866 г.

[1] «День» от 19/I 1867 г.
[2] «Московские ведомости» № 16 от 19/I 1869 г.

на этом же инструменте стал разыгрывать Бисмарк свою большую симфонию, финалом которой явился союз трех императоров.

Непосредственно после окончания австро-прусской войны услужливый русский племянник получил от своего благодарного прусского дяди твердое обещание помочь ему в деле отмены Парижского трактата.

В течение всего 1869 г. между Александром II и Вильгельмом шел деятельный обмен приветствиями, поздравлениями, происходило бесконечное взаимное вручение орденов. В деле принимал участие также и Франц-Иосиф. Ослабленная и изгнанная из Германии Австрия была теперь Бисмарку очень нужна. Два года спустя германский посол в Вене Швейниц говорил Новикову: «Мы заинтересованы в поддержании ее [Австрии] неприкосновенности, по-нашему гораздо более необходимом, чем охранение неприкосновенности Оттоманской империи»[1].

Весной 1870 г. Александр провел целый месяц в гостях у дяди в Эмсе, после чего дядя повел свои войска на Париж, а племянник вернулся в Петербург для редактирования составлявшегося тем временем канцлером Горчаковым циркуляра ко всем европейским дворам. Циркуляр извещал мир о том, что Россия не считает себя более связанной на Черном море ограничениями Парижского трактата. Это было в октябре 1870 г. А еще до того Игнатьев в Константинополе предпринял соответствующую политическую обработку великого визиря Али-паши. Лишенная поддержки Франции и оставленная на Ближнем Востоке почти с глазу на глаз с царской Россией, Порта так долго стояла под угрозой всевозможных вооруженных выступлений со стороны славянского союза и только что столь многим рисковала при разрешении критского вопроса, что не могла теперь не быть довольной переменой в настроениях своего северного соседа и не могла, естественно, не оказаться податливой.

«Положение, принятое Россией во время волнений, вызванных франко-прусской войной среди христианского населения Востока, — замечает русский буржуазный историк вопроса о проливах, — клонившееся к тому, чтобы успокоить умы возбужденного населения, способствовало его умиротворению... Такое положение, занятое Россией в отношении к Турции... должно было убедить Порту в том, что с нашей стороны не замышлялись никакие козни»[2]. Словом,

[1] *С. Горяинов,* Босфор и Дарданеллы, стр. 277.
[2] Там же, стр. 135.

с этой стороны было более чем благополучно. Неблагополучно было с австрийцами и с англичанами, особенно с последними. На счастье царской дипломатии в Англии у власти стояло либеральное министерство Гладстона, не склонное к отстаиванию во что бы то ни стало неприкосновенности владений султана. Правда, давление английского «общественного мнения» давало себя знать. Российскому послу в Англии Брунову приходилось даже принимать меры к обеспечению русских государственных бумаг, хранившихся в Лондоне на счете министерства финансов. Войны, разумеется, не могло быть, так как у Англии не было континентального союзника.

Бисмарк в своей депеше к прусскому посланнику в Петербурге князю Рейсу[1] только что официально признал русские желания «справедливыми». Однако на международную конференцию пришлось согласиться и выдержать на ней ряд дипломатических атак и обходных движений противника. Германские дипломатические представители в Лондоне и в Константинополе оказывали царской дипломатии энергичную помощь. Самую же крупную услугу оказал царизму во время прений на конференции турецкий представитель, упорно отстаивавший формулировку, выгодную царской России. Предпринятое дело венчалось наконец постановлениями Лондонской конференции от 20/II 1871 г.: статьи Парижского трактата, устанавливавшие нейтрализацию Черного моря, были отменены. Этот дипломатический успех был для царизма тем более важен, что ему было необходимо хоть немного оправдаться перед буржуазией своей собственной страны. «Никогда еще наше правительство, — отмечал царский цензор Феоктистов, — не находилось в таком разъединении с общественным мнением, как во время разгрома Франции немецкими полчищами»[2]. Достаточно сказать, что за десять дней до подписания постановлений Лондонской конференции либеральный «Голос» писал о том, что Россию и славян ожидает в будущем война — «единственная возможная народная война» «с турками и немцами» и что «французы теперь друзья славян, потому что они враги их врагов»[3].

Недаром министр внутренних дел Тимашев предостерегал тогда же представителей русской печати против «ультра-

---

[1] От 9(21)/IX 1870 г.

[2] *Феоктистов,* Воспоминания, стр. 111.

[3] «Голос» № 41 от 10/II 1871 г.

патриотизма» в остзейском вопросе. Если Парижский трактат нарушен Россией при поддержке Пруссии, рассуждал царский цензор, «то государь не может допустить со стороны нашей печати ни малейшего порицания дружественной нам державы» [1].

Дипломатический успех царизма вызвал взрыв приветственных телеграмм от дворянских собраний, городских и земских управ.

Он поднимал престиж самодержавия внутри страны и открывал ему перспективы новых путей к разрешению его исторических задач на Востоке.

Открывавшийся перед царизмом новый путь к разрешению восточного вопроса был путь на Константинополь через Берлин и Вену. Когда, в конце 1871 г., в Петербург приехал германский принц Фридрих-Карл, по словам современника, «во дворце происходило что-то необычайное», а «государь находился как бы в чаду» [2]. Приехавший вместе с германским принцем прусский генерал Мольтке тогда же был избран в почетные члены Академии наук [3]. А когда, в конце августа 1872 г., царь узнал о предстоящей поездке теперь уже совсем прирученного Бисмарком Франца-Иосифа в Берлин, он обратился к германскому посланнику князю Рейсу с вопросом: «Разве меня не хотят видеть в Берлине?» «Для меня будет совершенным праздником увидеть опять вашу храбрую великолепную армию», — писал он несколько времени спустя в ответ на последовавшее из Берлина любезное приглашение [4].

Он спешил туда, где между Бисмарком и Андраши шли секретные переговоры о вознаграждении Австрии, понесшей недавно в Средней Европе и на Адриатике тяжкие земельные утраты. Вознаграждение, по мысли Бисмарка, должно было быть проведено в плане расширения юго-восточных границ Австрии. Царь спешил туда, где созревал план раздела турецкого наследства.

Если год назад Тьер мог еще тешить себя мыслью о том, чтобы через «двери» польского вопроса войти в дружбу с Россией, и даже поручал генералу Фло принести от имени Франции царю покаяние за грехи ее шестидесятилетних увлечений поляками [5], теперь французы должны были

---

[1] *Феоктистов,* цит. соч., стр. 108—109.

[2] Там же, стр. 113.

[3] *Никитенко,* т. III, стр. 279, запись от 3/XII 1871 г.

[4] *С. Татищев,* цит. соч., т. II, стр. 91.

[5] «Documents diplomatiques», série I, v. I, p. 55 и 74.

оставить все эти надежды. Сообщая о путешествии Александра II в Берлин, французский посол в Вене писал (10/VIII 1872 г.) своему министру: «Таким образом Россия отказывается от всякой мысли заключить союз с Францией, в награду за что и был бы обеспечен Восток...» [1].

А в один из апрельских дней следующего 1873 г. 1 300 музыкантов духового оркестра и 480 барабанщиков были собраны в Петербурге на Дворцовой площади для встречи прибывшего с ответным визитом Вильгельма I. «Город принял такой праздничный вид, — записывал современник, — какого не бывало в самые знаменательные дни народных торжеств. Все дома расцвечены флагами, и на многих из них прусско-германские флаги скрывали даже русские» [2]. Велено было даже «военным генералам переменить красные штаны на какие-то другие, так как красные были заимствованы у французской армии» [3].

Через несколько недель Александр II в Вене связывал себя с Францем-Иосифом обязательством, аналогичным только что им подписанному, хотя и менее конкретным и определенным. 22 октября 1873 г. к этому соглашению присоединился Вильгельм. Создавался «Союз трех императоров», который воскрешал у царя надежды вернуть себе свою старую роль арбитра Европы [4], который, казалось, упрощал до крайности разрешение стоящих перед властью внутренеполитических задач и обещал царизму передачу долгожданных «ключей» от его «дома».

В этом новом плане разрешения восточного вопроса царизму приходилось кой-чем поступиться: изменялся взгляд на Австрию как на прирожденного антагониста России, изменялся взгляд на всю совокупность балканских славянских племен как на единый и неделимый объект русского покровительства.

Составленный в 1873 г. в министерстве иностранных дел отчет о поездке царя в Вену, с удовлетворением констатируя, что «венский кабинет предвидит распадение Турции», и отмечая, что сопредельные с Австрией турецкие христиане не должны страшиться австрийских влияний и «могут только выиграть» от «общения» с ней, заключал: «Сближение с Австрией повлекло за собой признание за ней со стороны России права на влияние в славянских землях, кото-

---

[1] Там же, стр. 174.
[2] *Никитенко*, т. III, стр. 329, запись от 15/IV 1873 г.
[3] Там же, стр. 326, запись от 25/III 1873 г.
[4] Там же.

рым мы одни пользовались и которое до той поры ревниво оберегали»[1].

Еще совсем недавно Катков, становившийся в ту пору лейб-публицистом самодержавия, предрекал империи Габсбургов «последнее крушение» в самом «близком будущем» и даже объявлял, что как независимая держава она уже «исчезла для европейской дипломатии».

Это было в 1871 г., когда даже в консервативной русской публицистике не были еще изжиты вызванные Крымской войной австрофобские настроения.

«Император Франц-Иосиф теперь в Петербурге, — писал тот же Катков в феврале 1874 г., — приветствуемый и чествуемый как дорогой гость и союзник нашего августейшего государя». Объявляя идею «соединения всех славянских народов под одним скипетром» «политической нелепостью», Катков находил теперь, что «монархия Габсбургов со своим славянским населением более, чем всякая другая страна в мире», может быть в «дружественных и родственных» отношениях к царской России и что интересы России и Австрии на Востоке «могут притти в согласие и даже способствовать друг другу»[2].

Правда, еще совсем недавно, в феврале 1872 г., французский консул в Белграде доносил своему министру о господствующих среди австрийцев опасениях, как бы сербское княжество «не превратилось в инструмент петербургского кабинета»[3], а французский посол в Берлине сообщал о непрекращающейся агитации Австрии среди босняков, герцеговинцев и даже болгар[4].

Правда, в 1873 г., в год подписания русско-прусского и русско-австрийского соглашения, российское министерство иностранных дел рассылало своим консулам на Востоке инструкцию, обязывавшую их собирать и доставлять всевозможные сведения о военном положении Турции, включая сюда и информацию о месте расквартирования отдельных полков и даже рот. «Муравьиная работа» русских консулов на Ближнем Востоке не прекращалась ни на минуту, царизм продолжал «заботиться» о положении всех «угнетенных» христиан полуострова безотносительно их принадлежности к той или иной национальности и с середины 70-х годов

[1] *Горяинов*, цит. соч., стр. 283—285.

[2] «Московские ведомости» 1874 г. №№ 35 и 37 от 5/II и 10/II.

[3] «Document diplomatiques», série I, v. I, p. 128, донесение Энгельгардта от 4/II 1872 г.

[4] Там же, стр. 185, донесение Ганто-Бирона от 14/IX 1872 г.

стал ассигновывать ежегодно для продовольствия поднимавшихся герцеговинцев в среднем около 40 тыс. руб.[1].

Либеральный «Голос» по поводу приезда сербского князя Милана в Бухарест в 1874 г. писал о слабеющей Турции, о растущих силах Румынии, Сербии и Черногории, союз которых даст им возможность «воспользоваться» турецким «наследством»[2]. Но славянофильская печать пока продолжала молчать. А тот же «Голос» осторожно, чуть не эзоповским языком говорил о «подготовлении к действиям соединенными силами на случай весьма возможных компликаций на Ближнем Востоке»[3].

Но мысль о Сербии как о своем опорном пункте на Балканах царизму приходилось оставить, а вопрос о турецком наследстве разрешать, сообразуясь с интересами Австрии. Мало того, сообща с Австрией же приходилось теперь поднимать и восстание в Герцеговине (1875 г.), сообща с ней действовать в области подготовки сербской армии для выступления против турок. «Пропуск русских и иных волонтеров через австрийскую границу, — доносил русский консул в Рагузе, — производится большей частью беспрепятственно. На севере Боснии действует теперь полковник Деспотович. В помощь ему сербское правительство отправило недавно четырех офицеров для организации инсургентов».

В период босне-герцеговинского восстания, в тревожные дни нараставшего вновь восточного кризиса царизм предпринял попытку воскресить ликвидированный им не так давно «славянский союз». За основу объединения приходилось брать теперь уже не Сербию. Точкой опоры взяли маленькую «дружественную» Черногорию. В конце 1875 г. на князя Николая Черногорского была возложена миссия начать переговоры с соседями. 30/I 1876 г. он подписывает договор с Миланом о «совместной борьбе против турок в целях освобождения балканских христиан от турецкого ига». Окончание военных приготовлений сторонами намечалось на конец марта 1876 г. Сербия в свою очередь обязывалась привлечь к этому соглашению греков, румын, болгар и албанцев[4]. Летом 1876 г. Сербии был устроен заем в размере 3 750 тыс. руб. Сербия при этом обязывалась помочь деньгами и оружием союзникам[5].

---

[1] Архив внешней политики, д. 1/1875. П. О., стр. 9.
[2] «Голос» № 177 от 28/VI 1874 г.
[3] Там же.
[4] Архив внешней политики, д. 267/1876, Белград, стр. 259.
[5] Архив внешней политики, д. 24 А2/1886, стр. 305.

В сложившейся на Балканах новой международной обстановке новое детище царизма полной жизнью жить не могло: Греция и Румыния категорически отказались принять участие в действиях против Турции. Но обнадеженные Игнатьевым в том, что Россия немедленно придет им на помощь, сербы в июле 1876 г. выступили против Турции. А непосредственно за началом этих военных действий Александр II и Франц-Иосиф даже без ведома Бисмарка начали в Рейхштадте делить Турцию между собой. Сошлись пока на том, чтобы часть Боснии взял себе Франц-Иосиф, часть Бессарабии, потерянную им в 1856 г., и Батум — Александр, чтобы Константинополь объявить вольным городом. Сошлись и на том, что на развалинах Турции образуются три самостоятельных государства — Греция, Сербия и Черногория. Договорились наконец, что образования какого-либо большого славянского государства на Балканах ни в коем случае не будет допущено.

Касаясь значения сделки, заключенной в Рейхштадте, русский посол в Вене говорил о восстановлении «старых преданий Екатерины II и Иосифа II, прерванных целым рядом недоразумений, длившихся в течение многих лет». Тем самым отказывались от всякой мысли о славянском единстве, от идей единоличного покровительства России славянам. «С политической точки зрения, — писал Новиков Горчакову 20/IX 1876 г., — нам довольно безразлично, что несколько сот тысяч босняков... чувствуют естественное тяготение к соседней монархии... Мы можем только радоваться тому, что наши боснийские единоверцы... получат облегчение в своих бедствиях, вступив в состав христианского образованного государства...» [1].

***

Недаром князь Горчаков в своей записке царю от 17/X 1876 г. говорил о «необходимости действовать немедленно, быстро и энергично». Приходилось спешить с использованием той международной обстановки, какая создалась благодаря исправному действию нового союзного механизма. Бисмарк, этот главный механик новой союзной системы, идею Рейхштадта выдвигал перед русской дипломатией еще в 1875 г. [2]. Однако, сближая двух антагонистов в ближневосточном вопросе, он старался не слишком близко подпу-

[1] *Горяинов,* цит. соч., стр. 296—297.
[2] Там же, стр. 287—288.

скать их друг к другу с тем, чтобы сохранить в своих руках координацию их действий.

Сбив в свое время Австрию с ее старых политических позиций, бисмарковская Германия тщательно опекала теперь монархию Габсбургов, чтобы при помощи ее держать Россию под шахом»[1]. Бисмарковская дипломатия ни на минуту не сомневалась в тех целях, которые преследовал царизм на Ближнем Востоке.

«Она [Россия], — писал германский посол в Лондоне Бисмарку 28/VI 1877 г., — хочет безусловно и исключительно властвовать над Черным морем, которое... должно стать русским внутренним морем. Россия хочет прорвать защитную линию Константинополя, Дунай, и, где возможно, Балканы... чтобы в будущих осложнениях в Европе она могла делать с Константинополем все, что она захочет»[2].

Поощряя своего петербургского друга в его захватнических тенденциях, бисмарковская Германия без страха смотрела в будущее: «распространение России в южнославянских странах» — тем более распространение, уравновешенное австрийской встречной экспансией, — она не считала особенно «крупным несчастьем», а в овладении Россией Константинополем видела «зародыш» ее собственной «гибели»[3].

Поддерживая выдвинутый Андраши проект реформ в Турции, проект, рассчитанный на отсрочку развязки и создававший вместе с тем твердую основу для австрийского вмешательства во внутренние дела Боснии, Германия устами генерала Мантейфеля обещала в то же время России «не оставить» ее в случае, если ее пути разойдутся с австрийцами и если ей придется самостоятельно выступить на Балканах[4].

Несколько месяцев спустя Бисмарк получил еще один плод своих энергичных стараний — австро-русскую конвенцию (от 3/I 1877 г.): Австрия обязалась не угрожать России с фланга по мере ее продвижения к югу от Дуная, а Россия давала свое согласие на присоединение Австрией Боснии и Герцеговины.

Непосредственно вслед за тем царь ставил в известность дядю, а Горчаков — Бисмарка о необходимости для царской России выступить в защиту христианской цивилизации. От

---

[1] Denkwürdigkeiten des Fürsten C. zu Hohenlohe — Schillingsfürst, B. II, S. 202—203, 28/IX 1876.

[2] «Die grosse Politik der europäischen Kabinette», B. II, S. 156.

[3] Denkwürdigkeiten..., B. II, S. 205, 19/XI 1876.

[4] *Горянинов*, цит. соч., стр. 290.

обоих адресатов был получен ответ, которым в Петербурге остались очень довольны[1].

В Петербурге конечно не знали всего, не знали и того, что Бисмарк рассчитывал на занятие Австрией не только Боснии, но и Сербии и Валахии[2]. Поощряя русскую агрессию на Ближнем Востоке и стараясь регулировать ее встречной австрийской агрессией, Бисмарк, этот главный механик союза трех императоров, получал мощного регулятора русского продвижения еще в лице Англии.

Это была пора, когда Германия, вышедшая на путь быстрого капиталистического развития, приступившая к энергичному переводу своего парусного флота на паровой, делавшая уже первые разведки в районе Азиатской Турции, порвала со своим старым положением полуколонии Англии, но еще не успела создать всех тех предпосылок, которые в будущем привели к грозному англо-германскому конфликту.

Это была вместе с тем пора, когда с ростом русской обрабатывающей промышленности и связанным с ним подъемом промышленного протекционизма, с ослаблением англо-русских экономических связей, с непрекращающимся продвижением России в Средней Азии на путях к Индии англо-русские противоречия углублялись и заострялись, готовые к тому, чтобы в следующее десятилетие дойти до точки кипения.

Вступая в стадию вызревания финансового капитала, Англия значительно меньше, чем прежде, думала теперь о сохранении неприкосновенности Турции. Уже стали появляться проекты, связанные с предстоящим распадом Турции. Уже появился и дошел до страниц русской печати проект образования международной коммерческой «левантской компании»[3] на развалинах османского владычества в Европе. Уже «Times» склонялся к образованию из Боснии и Герцеговины полусамостоятельного государства по образцу Сербии и Румынии.

Овладевшая Суэцким каналом и развившая сеть индийских железных дорог Англия чувствовала себя теперь значительно тверже в своих позициях на Востоке и могла с

---

[1] *Горяинов,* цит. соч., стр. 309.

[2] «Die grosse Politik»..., B. II, S. 186, Бисмарк—Бюлову от 6/II 1878 г. (н. ст.).

[3] О брошюре *Льюиса Ферлея,* Финансовое и политическое падение Турции, см. «Голос» № 168 от 19/VI 1875 г.

большим хладнокровием смотреть на русскую агрессию на Балканах. Недаром Бисмарк в своей записке от 20/X 1876 г. (н. ст.) высказывал предположение, что, «если такой миролюбивый монарх, как император Александр, вынужден будет в силу внутренних трудностей выступить на защиту христиан в Турции, Англия не объявит в ответ на это войны, но займет Суэц и Александрию и сохранит таким образом европейский мир, хотя бы за счет Турции» [1].

Лишенная континентальных союзников Англия не казалась особенно страшной. Русофильские тенденции, появившиеся среди известной части правящих кругов Турции, она умела парализовать без видимого вмешательства во внутренние дела страны, лишь толкая своих приверженцев среди правящих турецких кругов к организации массовой кровавой резни и жестокого избиения неугодных ей турецких политических деятелей.

Всколыхнувшиеся в связи с посетившим Англию кризисом воинственные настроения английской буржуазии снова требовали от министерства Биконсфильда если не решительных действий, то энергичных жестов и фраз. Вмешательство Англии, как известно, остановило русские военные успехи на Балканах и обесплодило всю предпринятую царизмом военную кампанию. Дело, как известно, кончилось тем, что в барыше от русско-турецкой войны оказалась сохранявшая нейтралитет Австрия. Но это относится уже к тому периоду, когда Бисмарк открыто «ставил дружбу Австрии выше нашей» [2]. А до того, когда дело только подходило к войне, бисмарковская Германия проявляла такие симпатии к ближневосточной агрессии царской России, что даже склонный к более осторожному образу действий на Ближнем Востоке, продолжавший «западнические» традиции, либеральный «Вестник Европы», начиная верить в быстрый успех, усваивал решительную славянофильскую фразеологию. Откликаясь на вспыхнувшее в Герцеговине восстание, касаясь позиции, занятой Германией в ближневосточном кризисе, и подчеркивая германскую уступчивость по отношению к России, журнал приходил к заключению: «Но, предполагая равные уступки со стороны Германии, нам выгоднее действовать в этом случае заодно с ней, потому что тогда Австрия пойдет следом за обеими империями». «Западнический» орган со всей решительностью высказывался против

---

[1] «Die grosse Politik»..., B. II, S. 71.
[2] «Красный архив», т. 64, стр. 164.

«системы строгой постепенности в разложении Турции». «Никогда еще, — говорил он, — Россия не была так выгодно поставлена для того, чтобы желать решения окончательного, как ныне... Необходимо что-нибудь посущественнее полумер... чтобы Россия оправдала свои предания в защите балканских славян»[1].

***

Начавшаяся в период реформ 1861 г. фронда со стороны определенных крепостнических групп продолжалась недолго. Реакционная сущность крестьянской «реформы» выявлялась в полной мере. «Вот она и реакция...» — отмечал царский цензор Никитенко в своем дневнике еще в июне 1862 г.[2].

Проходит еще несколько лет, характеризующихся охватывающей буржуазию грюндерской горячкой и мобилизацией вокруг бюрократического аппарата крепостнических сил.

«Реакция принимает повидимому систематический характер[3], — продолжает свои записи чиновный летописец. — Катков дошел до последней крайности... Он, как бешеный, кидается на новые суды, на общественное мнение... во всем видит преступление, измену, нигилизм»[4].

Фигура Каткова, умевшего сочетать в своей публицистике служение интересам реакционного дворянства и крупной финансовой и промышленной буржуазии, из бывшего «консерватора с прогрессом» превращавшегося в «сторожевого пса самодержавия», становится характерной, симптоматичной как выражение той политики, которую проводило правительство в деле укрепления буржуазно-феодального блока, в деле утверждения своего господства в борьбе с новыми, выраставшими из новой капиталистической действительности, революционными силами.

«Мятежной» Франции; где «в дыму, в зареве, в крови, в чаду всяких злодеяний и неистовств» рождался «какой-то новый порядок вещей», в корне «ненадежный» и шаткий, консервативный историк Погодин недаром противопоставлял в эти дни царскую Россию с ее незыблемой властью, которая дает населению наслаждаться «совершенным спокойст-

---

[1] «Вестник Европы», сентябрь 1875 г., Иностранное обозрение, стр. 381—400.

[2] *Никитенко*, цит. соч., т. II, стр. 332, запись от 12/IV 1862 г.

[3] Там же, стр. 284, запись от 9/II 1872 г.

[4] Там же, стр. 286, запись от 12/III 1872 г.

вием»[1]. Погодин приводил это сравнение в своей речи, сказанной им за обедом у себя дома на Девичьем поле, где он мог по целым месяцам замыкаться от внешнего мира. Редактор «Московских ведомостей» жил на гораздо более бойком месте и по своему положению не мог предаваться ни отшельничеству, ни каким-либо иллюзиям. Он не зря приходил в состояние «бешенства». Его выводило из себя не только то обстоятельство, что «какою-то диковинной организацией, взявшей под свою опеку все страны мира», действующей в Лондоне, «некий г. К. Маркс... избран заведывать вместе с Германией и Россией»[2]. Его страшило особенно то, что есть внутри страны силы, на которых эта «диковинная организация» может строить свои расчеты, хотя бы этой силой была бы всего лишь «испорченная фальшивой школой учащаяся молодежь».

«Россия несомненно находится накануне революции, — писал Энгельс в 1875 г., давая красочную картину внутреннего положения царской России. — Революция несомненно приближается». «Только два события, — по мнению Энгельса, — могли бы надолго отсрочить ее»: либо преждевременная попытка восстания, которая «снова загонит имущие классы в объятия правительства», «либо удачная война против Турции или против Австрии, для чего нужны деньги и надежные союзники...»[3].

Александр II готовился к войне с Турцией.

Но в рядах собственно промышленной буржуазии ближневосточная военная агрессия царизма далеко не всегда возбуждала тот энтузиазм, с каким воспринималась военная агрессия в Средней Азии, не вызывала и того оживления, с каким велись разговоры и споры вокруг вопроса о русской сухопутной торговле с Китаем.

Если в середине 30-х годов русские промышленники были твердо уверены в том, что «вся Азия должна быть целью нашей мануфактурной и торговой деятельности», и Государственный совет мог с полным основанием ставить на очередь вопрос о завоевании азиатского рынка без всяких ограничений — 60-е годы принесли русской промышленной буржуазии серьезные разочарования.

Еще в 1859 г. журнал «Вестник промышленности» вы-

---

[1] *М. Погодин*, Торжественные речи... стр. 611. Речь, произнесенная 16/V 1871 г. по случаю четырехлетнего юбилея со дня славянского съезда.

[2] «Московские ведомости» № 235 от 25/X 1871 г.

[3] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. XV, стр. 264.

нужден был признать, что «в Турции и Леванте, куда прежде отпускалось гораздо большее количество русского железа, оно стало заменяться английским»[1], что, с другой стороны, та же Турция «сделалась любимою мыслью австрийских экспортеров», «естественным местом» для сбыта австрийских товаров[2].

В период ближневосточного кризиса 70-х годов экономическая связь русской промышленности с турецким и балканским рынками стала совсем призрачной.

На одном из заседаний «Общества для содействия русской промышленности и торговле» в 1875 г. была оглашена составленная в русском константинопольском посольстве записка, где констатировалось с тревогой, что вывоз русских промышленно-фабричных произведений в Турцию почти сравнялся с нулем[3]. Характерно, что вопрос о состоянии русской торговли на турецком рынке был поднят не русскими фабрикантами и торговцами, а тремя греческими купцами, торговавшими в Константинополе[4]. Попытавшись в 1874 г. открыть в Стамбуле близ большого базара торговлю русскими товарами под фирмой «Русский базар», они стали быстро прогорать и, прогорев, обратились к русскому посланнику Игнатьеву с просьбой о поддержке их предприятия. «Общество для содействия русской промышленности и торговле», куда попало ходатайство греческих купцов, принялось за изучение вопроса и составило даже особую для этой цели комиссию, которая должна была собираться еженедельно. Выяснилось, что оборот русской внешней торговли с Турцией составляет только 3,2% всего вывоза империи и не больше 4½% ввоза. Выяснилось также, что, если до 1870 г. русский экспорт в Турцию несколько превышал турецкий импорт в Россию, за последние годы это соотношение изменилось к невыгоде для России, что «Россия сделалась рынком для турецких товаров, на котором последние получают более и более обширный сбыт, тогда как отпуск русских фабрикатов... склоняется к совершенному прекращению»[5].

Заключение комиссии сводилось к указанию на то, что без привлечения к делу русского промышленного капитала,

---

[1] «Вестник промышленности» 1859 г., т. III, № 8, отд. III, стр. 149—156, а также т. I, № 2, отд. I, стр. 141—161.

[2] Там же, т. II, № 4, отд. I, стр. 43—54.

[3] Труды общества..., т. IX, изд. 1876 г., стр. 11—13.

[4] *Штейнберг*, Камара и Фриднинг.

[5] Там же, стр. 1—11.

без создания особого, располагающего крупными капиталами, акционерного общества положения русской торговли на турецком рынке поправить нельзя.

Акционерного общества организовать в ту пору не удалось, комиссия в скором времени прекратила дальнейшее изучение русско-турецкой торговли. Экономическим завоеванием турецкого рынка царское правительство заниматься не имело охоты. Выдвинутый Игнатьевым (1871 г.) проект образования русского банка в Константинополе был отклонен министром финансов Рейтерном как «могущий обратиться ко вреду нашего политического влияния [в Турции]»[1]. Само «Общество для содействия русской промышленности и торговле» перешло к излюбленным им темам завоевания рынков среднеазиатского, персидского и китайского.

В своем докладе на заседании «Общества для содействия русской промышленности и торговле» 29/XI 1872 г. представитель московских мануфактуристов Шавров говорил об узости внутреннего рынка и необходимости для развития фабричной промышленности экспансии в Средней Азии. «Наша цель в Средней Азии, — подчеркивал он, — не пожатие военных лавров... Нам нужны не блистательные победы, не ежедневные бюллетени о победах... наша торговля не должна быть маркитанткой при великой армии, но наша великая армия должна быть только караулом, обеспечением нашей торговли»[2].

Известно однако, что и русские торговцы, и русские промышленники, и фабриканты сумели должным образом использовать обстановку, создавшуюся в связи с русско-турецкой войной, что на удачных и неудачных военных поставках не только множились старые, но и вырастали новые капиталы.

Поднимавшееся в стране революционное движение толкало царизм к скорейшему военному выступлению на Балканах.

Военная неподготовленность царизма заставляла его искать надежного союзника.

Но недаром же Александр II был членом союза трех императоров. Но недаром и союз этот был создан Бисмарком. «Пруссия как таковая, — говорил Маркс, — это ее династия; она создалась и существует в том виде, как она есть

---

[1] Архив внешней политики, дело П. А. В. Б. № 3240.
[2] Труды общества, т. III, изд. 1873 г., стр. 171—238.

на русской подкладке. Поражения России, революция в России была бы похоронным звоном для Пруссии» [1]. Бисмарк должен был заботиться, не мог не заботиться о том, чтобы выручить царизм из беды, чтобы поднять его политический престиж. Здесь частично лежали классовые корни того содействия, какое оказывал Бисмарк царизму в восточном вопросе. «Разговоры его с нашим послом таковы, — отмечал председатель совета министров Валуев, — что от них не отказался бы ярый славянофил. Они клонились к развитию шовинистических страстей и замечательным образом были рассчитаны на характер государя. Бисмарк говорил о чести России, об упадке духа в армии, о вреде мирного исхода для монархического начала, и все это производило эффект» [2]. Нуждавшийся в небольшой победоносной войне царь находил в лице бисмарковской Германии союзника, готового поддержать его выступление против Турции.

Когда в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание, русско-турецкие отношения продолжали по видимости носить самый дружественный характер. Но рейхштадтская сделка внесла, разумеется, решительное изменение в отношения правительства Александра II к Порте. Царь перестал, по его собственному выражению, «нуждаться в дружбе султана» [3].

Организацией и поддержкой герцеговинского восстания царизм ограничиться не мог. Ему приходилось в полном смысле этого слова ставить сербо-турецкую войну. Ему приходилось организовывать сербскую армию, заботясь о ее численности, материальном снабжении, о руководстве ее действиями. Для этой работы были снова привлечены остававшиеся так долго не у дел славянофилы. Славянский комитет развертывает агитацию. Турция — «орда, сидящая на развалинах древнего великого православного царства». Турция — «чудовищное зло» и «чудовищная ложь», «введенная ею [Западной Европой] в семью христианских народов, размалеванная ее румянами и белилами». «Начинается страшная, кровавая последняя борьба славянства с исламом...» Обо всем этом возвещалось в воззвании московского славянского комитета, выпущенном в июне 1876 г. [4].

Предпринимаются сборы пожертвований по церквам. В

---

[1] «Архив Маркса — Энгельса», т. I, (VI), стр. 382, Маркс — Либкнехту 4/II, 1878 г. (н. ст.).

[2] *Валуев*, Дневник изд. 1919 г., стр. 169.

[3] *М. Покровский*, Дипломатия и войны царской России, стр. 254.

[4] *Ив. Аксаков*, Собр. соч., т. I, стр. 215.

Москве, в Славянском базаре, под руководством самого Ивана Аксакова учреждается орган по вербовке добровольцев в действующую сербскую армию. Покоритель Ташкента генерал Черняев, уволенный в свое время со службы с небольшой пенсией и вынужденный ради заработка готовиться к деятельности нотариуса, откликается на призыв комитета и идет в качестве добровольца возглавлять сербскую армию. За ним тронулись в поисках куска хлеба кадры отставных генералов, офицеров, солдат и просто искателей приключений.

Трудно положить грань между действиями комитета как «общественной» организации и действиями самой власти, призвавшей его. Когда церковных сборов оказалось недостаточно, стали производить отчисления из жалованья служащих учреждений. Когда потребовалось в помощь сербам организовать отряды болгар, был послан в Болгарию генерал Кишельский, выдвинутый в свое время (в 1868 г.) министерством иностранных дел в центральный болгарский комитет. Славянский комитет работает над объединением резидирующего в Бухаресте Болгарского благотворительного комитета (бывшего «Явного комитета») с болгарским революционным комитетом, действующим внутри страны. При энергичном содействии русского консула в Бухаресте образуется единое болгарское центральное общество с филиалами в Белграде, Галаце, Браилове. Представители славянского комитета Ионин и Теохаров получают руководство национально-революционным движением в Болгарии, направляя его в желательное для министерства иностранных дел русло.

На венгерской границе деятельно работает по закупке оружия полковник русской службы Сытенко. Румыния превращается русскими агентами в проходной двор для едущих из России волонтеров и болгар, отправляемых в Сербию Игнатьевым через Константинополь. Словом, делали все, что могли. Через кассы славянского комитета прошло на нужды восстания около 1½ млн. руб. Приблизительно 6 тыс. чел. отправились добровольцами в Сербию. Как только Турции удалось сконцентрировать достаточное количество регулярных сил, Сербия оказалась не в состоянии бороться. Еще в ноябре 1876 г. министерство иностранных дел извещало русского консула в Сербии: «Скажите князю Милану и Черняеву, что воля государя, чтобы все наши офицеры и добровольцы, годные для служения, оставались в Сербии»[1].

[1] Телеграмма от 16/XI 1876 г.

Продолжение борьбы с Турцией царская Россия брала на себя. «Восточный вопрос в существе своем прост и ясен,— говорил Ив. Аксаков на заседании московского славянского комитета 6/VIII 1877 г.,—это вопрос собственно нашего бытия... Христианский восток — область христианства восточного, во главе которого мы стоим, и иного быть не может. Россия и все славяне Балканского полуострова — это целый особый мир православно-славянский. Наше святое призвание... в том и состоит, чтобы оградить всему славянскому миру не только условия внешнего материального беспрепятственного роста и существования, т. е. независимость земель, морей и проливов, но и самостоятельность и свободу развития самой сущности славянского духа» [1].

Вызвать энтузиазм в широких народных массах идеей «развития сущности славянского духа» было очевидно нелегко. Куропаткин, начальник штаба генерала Скобелева, отмечал, что «возбуждение в России носило искусственный характер и захватило только поверхностно русский народ» [2]. Это возбуждение локализовалось, по его словам, преимущественно «в Аничковском дворце у наследника-цесаревича и в Зимнем дворце у государыни Марии Александровны». В процессе своей агитационной работы славянофилы конкретизировали формулировку целей войны. «Без освобождения православного Востока от турецкого ига...—говорил Ив. Аксаков на заседании московского славянского благотворительного общества 26/IX 1877 г.,—Россия осуждена была бы навсегда остаться увечной, калекой, недоноском. Война явилась для нее такой же необходимостью, как самооборона, или иначе: как естественное продолжение ее развития, ее роста» [3]. Свободный от славянофильской фразеологии, Катков выражался еще конкретнее и проще: «Нам необходимо обеспечить за собой вход в Черное море, мы должны укрепиться на Босфоре, мы должны занять Буюкдере» [4]. Касаясь в другой раз вопроса о проливах, тот же публицист пояснял: «В нем вся сила восточного затруднения. Он-то и есть восточный вопрос» [5].

Но даже и при такой конкретизации целевых установок вести войну было трудно. Ее приходилось вести в условиях

---

[1] *Ив. Аксаков*, Собр. соч., т. I, стр. 236—251.

[2] *А. Н. Куропаткин*, Россия для русских. Задачи русской армии. СПБ 1910, т. II, стр. 444.

[3] *Ив. Аксаков*, Собр. соч., т. I, стр. 274—275.

[4] «Московские ведомости» № 73 от 18/III 1878 г.

[5] «Московские ведомости» № 78 от 28/IV 1878 г.

далеко не спокойных настроений в городах, когда Государственный совет обсуждал мероприятия по вызову войск для содействия гражданским властям при подавлении беспорядков[1]. Ее приходилось вести в трудных условиях, в лучшем случае — полного индиферентизма деревни; даже современник из «Нового времени» признавал, что в деревнях, если когда и упоминалось имя Царьграда, то только тогда, когда молились о том, чтобы град не побил полей, а если когда говорили о победе, то только по ассоциации с мыслью о скорейшем окончании войны, от которой «одно разорение»[2].

Да и что говорить о крестьянах, когда сам лидер славянофилов, сам автор славянофильских воззваний еще в 1876 г., непосредственно после сербо-турецкой войны, в частном письме высказывал такие мысли: «Весь грех сербской войны в том и состоял, что она началась будто бы за освобождение южных славян, а не просто за свержение турецкого сюзеренства, за приобретение старой Сербии и Боснии, словом, началась ложью и фразой».

В русско-турецкую войну можно было быть несколько откровенней, но все-таки успехи дались не легко: оснащенный европейской техникой враг оказывал неожиданно упорное сопротивление и был раздавлен только бесспорным численным перевесом армий царя. Результаты русских военных успехов были, по выражению английского министра Сольсбюри, «уничтожены» на Берлинском конгрессе. В деле разрешения восточного вопроса царизм снова стоял перед сомкнутым строем держав. Его снова не подпустили к проливам.

В складывавшейся после конгресса международной обстановке для царизма было мало утешительного. Австро-Венгрия только что получила из рук концерта держав Боснию и Герцеговину и, толкаемая все сильнее Германией на Восток, совершала свое энергичное продвижение на Балканы. Франция решительно отвлекалась от европейских дел новым африканским подарком (Тунис). Германия, только недавно разыгрывавшая роль «третьего русского делегата» на конгрессе, вела линию на сокращение тройственного союза до пределов союза двойственного. И наконец Англия, та самая Англия, которая, напугав Шувалова, не подпустила победоносной царской армии к Константинополю, прочно

---

[1] *Победоносцев,* Письма и записки, ч. 1, стр. 77—83. Письма от 24/IX и 3/X 1877 г.

[2] «Новое время» № 750 от 31/III 1878 г.

утверждалась на Кипре и, что еще не наблюдалось никогда раньше, сама явно угрожала проливам.

Единственным утешением для царизма служили те статьи Берлинского трактата, по которым он мог в течение девятимесячного срока держать в «освобожденной» Болгарии 50 тыс. солдат оккупационного корпуса, и возложенная на него конгрессом задача «устроения» внутреннего порядка во вновь образованном княжестве. Единственной надеждой для него являлась Болгария, которая должна была послужить временной стоянкой и сделаться форпостом на путях к проливам.

«Конечно восточный вопрос еще не порешен, — говорил Ив. Аксаков на заседании московского благотворительного общества 5/II 1878 г., — Царьград не очищен от азиатской скверны. Тем не менее сбылось то, что самой смелой фантазии представлялось едва ли сбыточным два года тому назад... призван из небытия к бытию крупный политический славянский организм — Болгария» [1].

Самый факт дипломатической борьбы «за великую Болгарию» был в руках царизма уже крупным политическим козырем: противопоставить «коварному Западу» себя как «защитника» интересов болгар значило поднять среди них свой авторитет, поддержать свою пошатнувшуюся репутацию профессионального покровителя турецких христиан.

А то, что удалось сохранить, казалось надежным приобретением: ведь еще в 1876 г., в момент зверского подавления турками восстания в Болгарии, Бенковский, один из вождей болгарского национально-революционного движения, при виде горы трупов воскликнул: «Цель достигнута!» Руководство болгарским национально-революционным движением, разочаровавшись в собственных силах, само ставило ставку на штыки Александра II.

Казалось, открывалась возможность того, что «сильная русофильская Болгария будет умалять контроль Порты над проливами» [2].

Казалось, создавался необходимый плацдарм для обороны от австрийской агрессии, для дальнейшего развертывания русского влияния на Балканах.

Здесь, в этой области, славянофильская пропаганда могла еще сыграть свою историческую роль «панславистского пугала».

---

[1] *Ив. Аксаков,* Собр. соч., т. I, стр. 281—282.

[2] «Московские ведомости» № 76 от 16/III 1878 г.

Был момент — это случилось немного позднее, во время боснийского восстания 1881—1882 гг., когда можно было снова тряхнуть стариной и, вспомнив об историческом призвании России как защитницы славян, начать, как это сделал Скобелев в своем выступлении в Париже, угрожать Австро-Венгрии не только войной [1], не только вооруженной защитой босняков, но и отторжением от нее Угорской Руси и Галиции [2].

Но выступление Скобелева в Париже пришлось как можно скорее замять, а самого оратора убрать подальше с политической сцены. Близкий к славянофильским кругам военный министр Милютин, работавший над проектом «славянской федерации», доживал свои последние дни на министерском посту. А посланный в Берлин Сабуров, позабыв всякие разговоры о славянах, говорил только о проливах. «Как русские, — писал он царю, — мы можем всегда найти союзников в Европе, как славяне мы могли бы найти только противников» [3].

Обнадеженное в Берлине по вопросу о проливах царское правительство занимало свое старое место в «монархическом карре» и, связанное членством в союзе трех императоров, увязло на отведенном ему болгарском участке в непреодолимых противоречиях — в противоречиях не только с интересами своего австрийского партнера в балканских делах, в противоречиях не только с интересами своего антагониста с Британских островов, но и в противоречиях с интересами самого болгарского народа, поставленного своим «освободителем» снова перед проблемой своего освобождения.

А. Попов [4]

---

[1] Речь Скобелева в Париже в 1882 г.

[2] «Русь» от 12/IV 1882 г.

[3] Письмо Сабурова от 25/IV 1881 г.; см. *Сказкин*, Конец австро-русско-германского союза, стр. 185.

[4] Приведенные в тексте неопубликованные документы сообщены автору т. Павловичем.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ДОКУМЕНТАМ[1]

[1] Для большинства упоминаемых болгарских деятелей инициалы выявить не удалось.

по 1887). В 1887/88 и 1891/92 гг. министр финансов в кабинете Стамбулова. В 1889 г. на него было произведено покушение болгарскими эмигрантами, посланными из России. С 1892 г. стал в оппозицию Стамбулову. Вступив в «народную» партию, после переворота 1894 г. занимал разные министерские посты в кабинете Стоалова. В 1896 г. вышел в отставку. Был заподозрен в организации убийства Стамбулова в 1895 г. Стр. 34, 105, 106, 107.

Наумов — участник софийского заговора юнкеров 1886 г.; военный эмигрант. Стр. 74.

Нейчев Лука — болгарский политический деятель; сторонник русской ориентации, депутат всех народных собраний в Восточной Румелии, а затем в народном собрании в Болгарии; эмигрант. Стр. 74.

Нсклюдов А. В. — 2-й секретарь российского посольства в Константинополе в 1885 г.; исполняющий обязанности российского дипломатического агента в Софии в 1886 г. Стр. 23, 24, 25, 28, 29, 31, 139, 142.

Нелидов А. И. — российский посол в Константинополе с 1885 г. Стр. 16, 19, 26, 28, 32, 35, 36, 37, 42, 50, 55, 70, 75, 76, 83, 85, 86, 88, 89, 118, 121, 122, 124, 127, 131, 138, 142, 168, 169, 170, 171, 173.

Никифоров — военный министр в кабинете Стамбулова. Стр. 20, 73, 75 77, 96, 148, 149, 163.

Николаев — болгарский военный министр с середины 1886 по 1887 г. Участник антикняжеского заговора 1887 г. Стр. 22, 48, 63, 96, 129, 131, 138.

Новиков — русский купец, командированный российским правительством в Софию в ноябре 1887 г. с целью ведения переговоров об удалении из Болгарии князя Кобургского. Стр. 90, 91, 92, 93, 94, 95.

Ножаров Крысто — один из убийц болгарского министра финансов Бельчева 15/III 1891 г., организованного российским правительством. Военный эмигрант. Стр. 110, 113, 114, 115, 116, 117.

Ножаров Христо — капитан артиллерийского полка; при перевороте 9 августа 1886 г., был назначен градоначальником гор .Софии; военный эмигрант. Стр. 73, 99.

Обручев — начальник главного штаба с 1886 г. Стр. 19, 20, 21.

Орловский — член партии цанковистов. Болгарский эмигрант. Один из участников убийства болгарского агента в Константинополе Волковича, организованного российским правительством 8/II 1892 г. Стр. 118, 119, 120, 121, 122, 124, 126.

Паков — командир роты военного училища в Софии; участник переворота 9 августа; военный эмигрант. Стр. 73.

Панайотов — видный член партии стамбулистов; товарищ болгарского министра финансов Начевича (см. № 32). Стр. 33.

Панина — он же Понин, сыщик болгарского правительства (см. № 138). Стр. 126.

Паница — председатель болгарского главного военного суда; глава оппозиционной группы болгарского офицерства, действовавшей в Рущуке и подготовлявшей антикняжеский заговор 1887 г. Вступил в переговоры с царским правительством о подготовке свержения Фердинанда. Казнен в 1890 г. Стр. 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 85, 86, 99, 151, 165.

Панов — активный участник свержения Александра Баттенберга. Уча-

Радев — см. стр. 114.

Радославов-Василь — основатель «либеральной» партии. Министр юстиции с 1885 по 1886 г. Один из членов временного правительства 1886 г. В 1887 г. министр-президент и министр внутренних дел. В 1895 г. министр народного просвещения. Впоследствии неоднократно возглавлял кабинет министров. Стр. 20, 27, 63.

Ризов — один из деятелей македонского движения, участник убийства болгарского министра финансов Бельчева (см. № 119) 13/III 1891 г., организованного российским правительством. Военный эмигрант. Впоследствии занимал ряд дипломатических постов. Стр. 110, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 124, 125.

Ристич Иован — сербский политический деятель. Лидер партии либералов. В 1867 г. президент совета министров и министр иностранных дел. С 1868 по 1872 г. член регенства. С 1872 по 1873 г. и в 1876 г. премьер-министр. Представитель Сербии на Берлинском конгрессе. После войны проводил русофильскую политику. С 1887 г. министр-президент. С 1889 по 1893 г. снова член регентства. После переворота 1893 г. поселился за границей. Стр. 78, 137.

Романенко — генеральный консул в Галаце до 1886 г. С 1886 по по 1887 г. агент министерства иностранных дел в Одессе. Стр. 75, 86, 87, 158, 161.

Рооп — генерал-губернатор гор. Одессы с 1887 г. Стр. 158, 159, 160.

Ростковский — заместитель агента российского министерства иностранных дел Путяты, вице-консул в Битоли. Стр. 98, 165.

Саввов — товарищ военного министра (Мутнурова), приверженец Стамбулова, неоднократно входил в состав болгарского кабинета министров. Стр. 151.

Сапунов — участник антикняжеского заговора 1887 г. Стр. 63.

Сарафов — один из вождей македонского движения; приверженец Стамбулова. Стр. 75.

Сахаров — российский военный агент в Софии. Стр. 19, 20, 23.

Семков — болгарский эмигрант; участник антикняжеского заговора 1887 г. Стр. 165.

Сендроподарис — болгарский эмигрант. Стр. 119.

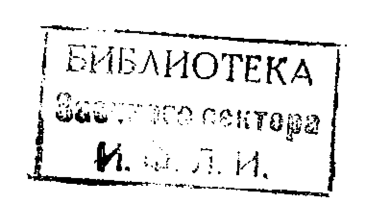
Славейков — один из редакторов болгарской газеты русофильского направления «Тырновская конституция». Стр. 148.

Стамбулов Стефан — лидер партии промышленной буржуазии. Президент тырновского собрания. Организатор контрпереворота 11 августа. Глава регентства. Министр-президент и министр иностранных дел с августа 1887 по 1894 г. Убит в том же году. Стр. 3, 4, 6, 22, 23, 27, 28, 36, 68, 76, 96, 99, 101, 110, 111, 112, 114, 125, 133, 138, 148, 151, 155, 169.

Станчов, Петр — болгарский политический деятель, член партии цанковистов, участник ряда заговоров, один из организаторов убийства болгарского дипломатического агента в Константинополе Волковича 8/II 1891 г., инспирированного российским правительством. Стр. 75, 118, 121, 125, 137, 153, 154, 155, 156, 167.

Стоилов — болгарский политический деятель. Лидер «народной» партии. Министр юстиции в кабинете Стамбулова. В 1888 г. вышел из кабинета, став во главе оппозиции в Болгарии. После падения Стамбулова возглавлял умеренно-либеральный кабинет с 1894 по 1899 г. Стр. 8, 42, 138, 139, 172.

Стойков — участник бургасского заговора 1886 г.; военный эмигрант. Стр. 74.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Важнейшие опечатки к книге „Авантюры русского царизма в Болгарии“

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
II	шифр	9 (47) доб. 327 / А (18) „ 9(49)	9 (47) доб. 327 / А 18 „ 9(49)
XV	20 сверху	(№ 9)	(№ 8)
XX	18 снизу	(№ 9—10)	(№ 92—100)
XXII	9 сверху	(№ 168)	(№ 169)
126	7 сверху	Паника	Панина
181	сноска [1]	Манифест коммунистической партии, стр. 40	Собр. соч., т. XV, стр. 691.
184	сноска [3]	т. X стр. 153	т. IX, стр. 371—372
189	сноска [1]	внутренней полиции	внешней политики
190	5 снизу	„Пруссия	Пруссия
190	3—2 снизу	представляла самое	представляла „самое

Цена 3 руб.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

во все магазины и киоски Когиза. Почтовые заказы направлять без задатка: Блюхеровский пер., 8, Могиз „Книга—почтой“.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Сектор партийной и комсомольской литературы Когиза, Москва, Блюхеровский пер., 8.